Воспоминанія стараго профессора

(съ 1847 по 1913 г.).

III. Въ С.-Петербургской Духовной Академіи: XXV-й курсъ 1859—1863 г.

Въ старшемъ курсѣ преподавались тогда: догматическое богословіе, нравственное богословіе, обличительное богословіе, исторія и обличеніе русскаго раскола, церковная исторія древняя, церковная исторія новая, русская церковная исторія, литургика, церковное законовѣдѣніе, гомилетика, греческій языкъ, еврейскій и новые языки.

Догматическое богословіе читали у насъ два профессора: ректоръ пр. Іоанникій и инспекторъ архим. Владиміръ (Петровъ).

Пр. Іоанникій, въ званіи ордин. проф.,—Иванъ Рудневъ, 1-й магистръ XIV кіевскаго курса 1849 г., однокурсникъ другого, также 1-го магистра XVIII спбургскаго курса, того же 1849 г., Ивана Янышева († протопресв. І. Л. Янышева),—человѣкъ безъ сомнѣнія очень даровитый, что было видно и изъ его лекцій, но какъ профессоръ далеко не былъ такимъ блестящимъ, какъ его однокурсникъ (на другой, впрочемъ, каѳедрѣ—нравственнаго богословія) и преемникъ, хотя и не непосредственный [1]) по ректурѣ въ Петербургской Академіи. Пр. Іоанникій первый годъ читалъ намъ догматическое бого-

[1]) Послѣ пр. Іоанникія (ректъ. съ 5 окт. 1860 до 13 янв. 1864 г.) ректоромъ спб. акад. былъ (съ 13 янв. 1864 г. до 9 ноября 1866 г.) архим. Іоаннъ (Соколовъ, 2-й маг. XIII к. 1842 г. моск. акад.) изъ ректоровъ казанской акад., а съ 27 ноября 1866 г. до 19 октября 1883 г. протоіерей І. Л. Янышевъ.

словіе одинъ. Очень большое количество лекцій, чуть ли не въ теченіе цѣлаго года, онъ посвятилъ обозрѣнію ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи—Христѣ Спасителѣ. Говорили у насъ тогда, что эти лекціи не что иное, какъ извлеченіе изъ магистерской его диссертаціи. Расположенный къ изученію Св. Писанія, какъ своею диссертаціею, такъ и первоначальною своею академическою каѳедрою (онъ оставленъ былъ при Кіевской Академіи, по окончаніи курса въ 1849 г., баккалавромъ по Св. Писанію), онъ естественно тяготѣлъ преимущественно къ области догматическихъ данныхъ, заключающихся въ Св. Писаніи, и въ этой области обнаруживалъ основательныя и большія познанія. На святоотеческія творенія обращалъ мало вниманія. Изъ другихъ его чтеній очень памятны его лекціи о злыхъ духахъ. Здѣсь поражало насъ мастерское изображеніе психологическаго состоянія падшихъ ангеловъ, направленное, какъ намъ тогда казалось, прямо по адресу нашего тогдашняго душевнаго состоянія, съ явными на него намеками, какъ на состояніе аналогическое съ состояніемъ падшихъ духовъ. Эти лекціи были читаны вскорѣ послѣ 4 окт. 1861 г. Лекціи онъ читалъ, часто, впрочемъ, отрѣшаясь отъ своихъ записей, но хорошимъ даромъ слова и въ особенности дикціею не отличался. Вполнѣ вѣрно замѣчаніе пр. Леонтія объ его лекціяхъ: «лекціи по догматикѣ онъ (пр. Іоан.) читалъ хотя дѣльно, но далеко неувлекательно, и къ тому же какъ-то неразборчиво въ произношеніи». У него былъ, повидимому, природный недостатокъ въ этомъ отношеніи, который немало вредилъ ему на профессорской каѳедрѣ.

Помощникомъ ему по каѳедрѣ догматики былъ экстр. проф. (съ 6 іюня 1862 г.) архим. Владиміръ (Петровъ), прекраснѣйшей души человѣкъ, но какъ профессоръ, еще менѣе, чѣмъ пр. Іоанникій, способенъ былъ увлечь своихъ слушателей. Онъ, точно въ просонкахъ, что-то намъ читалъ, а мы дремали на его лекціяхъ. Читалъ онъ изъ второй части догматики,—читалъ свой первый академическій курсъ лекцій. Изъ его чтеній рѣшительно ничего не осталось въ памяти. Боюсь погрѣшить противъ истины, но, кажется, онъ придерживался догматическаго богословія пр. Макарія (Булгакова). Къ экзаменамъ же, несомнѣнно, мы готовились по этому сочиненію. Мы, однако, такъ любили и почитали архим. Владиміра, что старались усердно посѣщать его лекціи; помнится, его аудиторія никогда не пустовала. Читалъ онъ у насъ одинъ только

учебный годъ, 186²/₃, послѣдній годъ нашего пребыванія въ академіи, когда мы всецѣло погружены были въ составленіе своихъ диссертацій, мало вообще интересуясь лекціями.

Лекціи по нравственному богословію читалъ намъ іером. Аѳанасій (Турчановичъ [1]), въ званіи баккалавра, человѣкъ, нелишенный даровитости, но довольно болѣзненный, не представительной наружности и не обнаруживавшій дара слова. Читалъ онъ по какому-то нѣмецкому сочиненію, тогда довольно знаменитому, какому именно, теперь не могу припомнить. Хотя его лекціи были вообще хороши и достойны академической каѳедры, но отъ нихъ вѣяло какимъ-то нѣмецко-философскимъ сантиментализмомъ. Онѣ представляли очень стройную систему, но съ какимъ-то, такъ сказать, нерусскимъ привкусомъ. Жаль, что о. Аѳанасій не переработалъ нѣмецкой системы, не перевелъ ее не только по буквѣ, но и по складу съ нѣмецкаго на русскій складъ и вкусъ. Онъ былъ вновѣ на академической каѳедрѣ, читалъ нашему курсу, только второму, по переходѣ съ семинарской службы на академическую. Мы слушали этого преподавателя довольно внимательно. Онъ былъ намъ симпатиченъ, какъ добрый помощникъ инспектора.

Обличительное богословіе читалъ намъ И. Т. Осининъ [2]), сначала баккалавръ, а потомъ къ концу нашего курса (1863 г.) экстр. проф., довольно блестящій молодой профессоръ, обладавшій хорошимъ знаніемъ новѣйшихъ языковъ, даромъ слова и очень хорошей дикціей, съ иностраннымъ, правда, датскимъ выговоромъ (напр. онъ всегда говорилъ було вмѣсто было) и акцентомъ, какъ сынъ датчанки, на которой женился его отецъ, псаломщикъ нашей посольской церкви въ Копенгагенѣ. И. Т. Осининъ читалъ лекціи по запискамъ, но съ весьма частымъ отступленіемъ отъ нихъ на живую рѣчь. Его лекціи о римскомъ католицизмѣ, реформаціи и протестантствѣ съ его сектами, объ англиканскомъ вѣроисповѣданіи, были содержательны и интересны, по временамъ однако нѣсколько расплывчаты и не лишены многословія. Немало мѣшали ему сосредоточиться на его предметѣ и на отдѣлкѣ лекцій его по-

---

[1]) Іером. Аѳанасій Турчановичъ (по Чистов. Турчиновичъ), кіевл., 13 маг. XVIII к. (1857) кіевск. акад., изъ препод. Саратовск. сем., съ 1859 г. бакк. спб. акад., 1863—архим., 1865—ректъ. минск., сем., † 1867.

[2]) Иванъ Терентьевичъ Осининъ, спб. сем., 1-й маг. XXII к. (1857) спб. акад., 1863—экстр. проф.

рывы къ расширенію дѣятельности въ область не только литературную, но и практическую. Въ то время онъ напечаталъ немало статей въ «Христ. Чтен.» по своему предмету [1]) и уже тогда началъ проникать въ высшее общество, въ кругъ лицъ, группировавшихся около Вел. Княг. Елены Павловны. Впослѣдствіи онъ составилъ себѣ блестящую карьеру по вѣдомству Императрицы Маріи, но объ этомъ будетъ сказано въ свое время при обозрѣніи моего служебнаго поприща—въ Петербургской Академіи.

Исторію и обличеніе русскаго раскола читалъ намъ И. Ѳ. Нильскій [2]), товарищъ И. Т. Ос., не менѣе, если не болѣе его даровитый, баккалавръ, а съ 1863 г. экстр. проф. Онъ обладалъ и даромъ слова и громадной памятью, говорилъ свои лекціи совершенно безъ тетрадки, даже бол. частью не сидѣлъ на каѳедрѣ, а ходилъ по классу. Онъ удивлялъ насъ тѣмъ, что читалъ на память выдержки, часто очень длинныя, изъ раскольническихъ сочиненій и рукописей. Хотя въ наше время онъ былъ еще вновѣ на каѳедрѣ, окончивъ курсъ не болѣе 4-хъ лѣтъ (1857 г.), и съ нами началъ только третій курсъ своихъ чтеній, но казался намъ вполнѣ овладѣвшимъ своимъ предметомъ. Взгляда на расколъ держался средняго между крайними взглядами: между взглядомъ, не находившимъ въ расколѣ ничего, кромѣ тупого, невѣжественнаго упорства и приверженности къ старинѣ въ мелочахъ, и взглядомъ на расколъ, какъ на народный протестъ противъ преобразованій Петра В. Этого молодого нашего профессора мы слушали съ большимъ вниманіемъ и интересомъ и относились къ нему съ симпатіей.

Церковную исторію читали намъ трое: общую древнюю до раздѣленія церквей ордин. проф. И. В. Чельцовъ, новую—баккалавръ А. М. Иванцовъ-Платоновъ, исторію русской церкви—экстр. проф. М. О. Кояловичъ.

И. В. Чельцовъ [3]), ординарный профессоръ по древней церковной исторіи, пользовавшійся въ академіи большимъ авторитетомъ, читалъ намъ о первыхъ трехъ вѣкахъ христіанства, времени гоненій на христіанскую церковь, придерживаясь

---

[1]) И. А. Чистов. „Истор. спб. акад.“ 1858—1888 г.г. стр. 44—45.

[2]) Иванъ Ѳедоровичъ Нильскій, псков., 2-й маг. XXII к. спб. акад. (1857).

[3]) Иванъ Васильевичъ Чельцовъ, рязан., 4-й маг. XIX к. (1851) спб. акад., 1851—баккал., 1856—1859—экономъ академіи, 1859—экстр. проф., 1860—ордин., † 1878.

своей печатной исторіи хр. церкви, а потомъ исторію съ IV в.—по своимъ запискамъ. Къ экзаменамъ и репетиціямъ (которыхъ, впрочемъ, не помню) выдавалъ довольно краткій конспектъ. Библейской исторіи не читалъ, хотя она входила въ кругъ его чтеній (отдѣльной для нея каѳедры въ нашей академіи не было). Чтобы заставить насъ хоть немного заняться ею, далъ намъ тему для сочиненія—о желательной постановкѣ чтеній по библейской исторіи. Не особенно владѣя даромъ слова, лекціи свои однако говорилъ, а не читалъ, при чемъ отличался остроуміемъ и большимъ мастерствомъ въ выпукломъ изображеніи событій церковной жизни и въ яркой характеристикѣ церковно-историческихъ дѣятелей золотого христіанскаго вѣка и періода вселенскихъ соборовъ. Заботился не о количествѣ фактическаго матеріала, а объ яркомъ его освѣщеніи, въ чемъ и успѣвалъ, сильно поддерживая наше вниманіе. Увлекая насъ своими характеристиками и картинами древней церковной жизни, онъ и самъ видимо увлекался ими, почему по временамъ не чуждъ былъ преувеличеній. Такъ напр., при изложеніи исторіи несторіанскихъ споровъ, болѣе надлежащаго выдвигалъ значеніе элементовъ личныхъ и церковно-политическихъ въ ущербъ чисто религіознымъ, догматическимъ, которые въ его изображеніи отступали на задній планъ. Во всякомъ случаѣ этотъ прекрасный профессоръ пользовался большимъ нашимъ уваженіемъ и расположеніемъ, не смотря на его рѣзкій и довольно желчный характеръ. Между студентами онъ слылъ за самаго строгаго рецензента диссертацій на ученыя степени. Объ немъ говорили, что онъ «проваливаетъ» магистерскія диссертаціи, а потому, когда я узналъ, что мое сочиненіе передано ему на разсмотрѣніе, то не очень этому обрадовался, но вышло нѣчто для меня неожиданное, какъ увидимъ далѣе.

Новую церковную исторію читалъ очень молодой баккалавръ, только что окончившій Московскую Академію, магистръ А. М. Иванцовъ-Платоновъ [1]). Читалъ онъ намъ первый и единственный курсъ своихъ академическихъ лекцій. Очень даровитый преподаватель. Не владѣя бойкимъ даромъ слова, онъ читалъ по запискамъ очень интересныя лекціи по исто-

[1]) Александръ Михайловичъ Иванцовъ-Платоновъ, курск., 2-й маг. XXII к. (1860) моск. акад., въ 1863 г.—законоучитель московскаго Александровскаго воен. учил., затѣмъ—проф. церков. исторіи въ москов. университетѣ, 1877 г.—докторъ богословія.

ріи православной восточной церкви послѣ раздѣленія церквей, въ особенности въ эпоху попытокъ къ ихъ соединенію, въ эпоху ліонской и флорентійской уній. Пользовался нашимъ уваженіемъ и вниманіемъ, характера былъ симпатичнаго. Едва ли не его чтеніямъ я больше всего обязанъ тѣмъ, что для магистерской своей диссертаціи избралъ тему именно по исторіи попытокъ къ соединенію церквей, хотя тема была дана не имъ.

Исторію русской церкви читалъ экстр.-профессоръ М. О. Кояловичъ. Его чтенія имѣли тотъ же характеръ и успѣхъ у насъ, что и лекціи его по русской гражданской исторіи въ младшемъ курсѣ. Помнятся прекрасныя его лекціи объ Іосифѣ Волоколамскомъ и Нилѣ Сорскомъ, ихъ направленіяхъ и ихъ такъ сказать школахъ.

Литургику читалъ ординарный профессоръ Василій Ивановичъ Долоцкій [1]), старѣйшій, послѣ В. Н. Карпова, изъ профессоровъ академіи. Читалъ онъ литургику очень давно, со времени учрежденія этой каѳедры, съ 1839 г., т. е. въ теченіе 20-ти лѣтъ до нашего курса. Онъ, можно сказать, создалъ науку о православномъ богослуженіи и конечно прекрасно зналъ свой предметъ. Много времени, большую часть своего курса посвящалъ онъ именно «литургикѣ», какъ этотъ предметъ назывался въ нашей академіи [2]), т. е. описанію и анализу различныхъ церковныхъ службъ. Этого рода лекціи у него были очень хороши, но онѣ не особенно привлекали наше вниманіе. Больше интересовали насъ, по крайней мѣрѣ меня, чтенія по церковной археологіи. Но здѣсь онъ слѣдовалъ тому направленію, которое дали ей корифеи стараго времени: Бингамъ, Августи и Бинтеримъ, сообщавшіе отрывочныя свѣдѣнія по исторіи возникновенія въ первыхъ вѣкахъ христіанства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ обрядовъ, по преимуществу при совершеніи церковныхъ таинствъ. Задачею—прослѣдить исторію постепеннаго образованія *цѣлыхъ* богослужебныхъ чинопослѣ-

[1]) Василій Ивановичъ Долоцкій, петерб., 5-й маг. XII к. (1837) спбургской акад., 1839—баккалавръ, 1851—экстр. проф., 1852—ординарный.

[2]) Литургикою этотъ предметъ назывался въ нашей академіи, да еще въ казанской, гдѣ въ первое время онъ назывался еще „экклезіастикой“ (П. В. Знам.—Истор. каз. акад. т. II, 313). Въ москов. акад. „литургики“ не было, а была „церковная археологія“. Въ кіевской акад. этотъ предметъ назывался то литургикой, то церковной археологіей, соединяясь съ каноническимъ правомъ (см. „Списки начал. и наставн. кіев. акад.“ стр. 9)

дованій нашой православной церкви—В. И. Д—кій не задавался. Также не вводилъ онъ въ кругъ своихъ чтеній и новыхъ отдѣловъ—о церковной архитектурѣ и иконографіи. Вообще онъ не шелъ дальше давно установившагося у него курса чтеній. Тѣмъ не менѣе онъ былъ во всякомъ случаѣ прекраснымъ и очень почтеннымъ профессоромъ. Владѣя хорошимъ даромъ слова, не читалъ свои лекціи, а всегда говорилъ ихъ, правда довольно хриплымъ и сиплымъ голосомъ, съ обильными понюшками табаку [1]), спокойнымъ тономъ, но съ значительнымъ оживленіемъ. Характера былъ спокойнаго, ровнаго, очень сдержаннаго и отличался житейскою мудростью и опытностью, такъ что поистинѣ могъ быть названъ мужемъ совѣта. Эти его свойства оказались очень цѣнными, въ особенности по преобразованіи академіи въ 1869 г., въ засѣданіяхъ академическаго совѣта, о чемъ, впрочемъ, намъ еще придется говорить впослѣдствіи. Его интересныя чтенія были причиною того, что по окончаніи академическаго курса, когда мнѣ предложено было, для занятія каѳедры баккалавра въ Московской Академіи, избрать одинъ изъ двухъ предметовъ—патристики, или церковной археологіи, я избралъ именно церковную археологію [2]).

Церковное право читалъ баккалавръ свящ. А. И. Парвовъ [3]), хорошій знатокъ своего предмета, человѣкъ практическаго склада ума. Преподавалъ предметъ примѣнительно къ потребностямъ лицъ, облеченныхъ священнымъ саномъ, священниковъ, сообщая свѣдѣнія необходимыя для нихъ въ ихъ пастырской дѣятельности. Хорошо выражаетъ характеръ его чтеній самое заглавіе изданнаго имъ потомъ печатнаго труда,

---

[1]) Очень худощавый собою, онъ носилъ у студентовъ прозвище „мощи“. Вѣроятно, не безъ вліянія на происхожденіе такого прозвища былъ и предметъ его чтеній.

[2]) Мои товарищи выражали по временамъ удивленіе, почему я былъ такимъ внимательнымъ слушателемъ и усерднымъ посѣтителемъ лекцій В. И. Д. Вѣроятно, у меня было предчувствіе, что придется преподавать этотъ предметъ, помимо интереса, который онъ самъ по себѣ возбуждалъ во мнѣ и который умѣлъ пробудить своими чтеніями нашъ достопочтенный профессоръ.

[3]) Алексѣй Ивановичъ Парвовъ, новгород., 3-й маг. XXII к. (1857) спб. акад., 1857—бакк. гомил. и основ. бог., 1859—церковн. законов., 1860—свящ. ц. Инженернаго Замка, 1864—экстр. проф., 1865—проф. и наст. ц. Учил. Правовѣдѣнія, 1883—предсѣдат. Учеб. Комит. при Св. Синодѣ, † 1897.

представляющаго, если не цѣликомъ, то съ нѣкоторою обработкою, сокращеніями, измѣненіями и гдѣ нужно добавленіями, его академическія чтенія по церковному праву: «Практическое изложеніе церковно-гражданскихъ постановленій въ руководство священнику, при совершеніи важнѣйшихъ требъ церковныхъ». Лекціи онъ читалъ, а не говорилъ. Намъ хотѣлось бы слышать чтенія по этому, весьма интересному и близкому къ жизни, предмету въ другой болѣе теоретической и широкой постановкѣ, съ выясненіемъ современнаго положенія и устройства нашей православной и въ частности русской церкви, взглядовъ на отношеніе къ ней государства и обратно—ея къ государственной власти и т. п. А потому мы неособенно охотно шли на лекціи А. И. Парвова и неособенно внимательно ихъ слушали, но во всякомъ случаѣ цѣнили ихъ дѣловитость и значительную эрудицію предподавателя.

Гомилетику читалъ намъ родной братъ пр. Нектарія, бывшаго нашего ректора, Ѳ. С. Надеждинъ [1]), магистръ Кіевской Академіи, перешедшій въ академію изъ преподавателей новгородской семинаріи. По росписанію (у И. А. Чистов.—«Истор. Соб. Акад.») онъ обязанъ былъ читать еще введеніе въ богословіе (основное богословіе). Но я рѣшительно не помню чтеній по этому предмету и всегда думалъ, что онъ у насъ не существовалъ въ составѣ предметовъ нашего курса, точно такъ же, какъ и библейская исторія. Гомилетику Ѳ. С. Над—нъ, какъ воспитанникъ Кіевской Академіи, читалъ по методу и образцу чтеній знаменитаго кіевскаго гомилета Я. К. Амфитеатрова, съ значительными, кажется, отъ него заимствованіями. Впрочемъ, о лекціяхъ по гомилетикѣ не сохранилось у меня почти никакихъ воспоминаній. Осталась память только о наружности преподавателя, человѣка довольно болѣзненнаго вида и некрѣпкаго сложенія и впечатлѣніе, что Ѳ. С. Н. былъ нелишенъ даровитости и обладалъ въ значителеной степени даромъ краснорѣчія, такъ что казался намъ лицомъ подходящимъ къ этой каѳедрѣ.

Еврейскій языкъ и новые языки и въ старшемъ курсѣ преподавали тѣ же лица, что и въ младшемъ.

Греческій языкъ, послѣ нашей исторіи 4 октября 1861 г.,

---

[1]) Ѳедоръ Самойловичъ Надеждинъ, кіевск., 4-й маг. XVIII к. (1855) кіевск. акад. 1855—преп. новг. сем., 1859—бакк. спб. акад., 1863—экстр. проф., † 1866 г.

преподавалъ (съ 10 ноября того же года), магистръ И. Е. Троицкій [1]), въ званіи баккалавра. Онъ вызванъ былъ въ академію изъ преподавателей олонецкой семинаріи. Основательно зная греческій языкъ, онъ занималъ насъ, кромѣ переводовъ, лекціями по исторіи древней греческой, классической литературы. Тогда онъ только еще начиналъ свое ученое поприще. Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ большой авторитетъ въ ученомъ мірѣ на другой каѳедрѣ—новой церковной исторіи, которую онъ занялъ послѣ А. М. Иванцова—Платонова, поступившаго на священническое мѣсто въ Москву.

Долженъ признаться, что переходилъ я изъ младшаго курса въ старшій съ большимъ предубѣжденіемъ противъ богословскихъ наукъ. Теперь, думалъ я, конецъ всякому научному интересу; остается отбыть какъ-нибудь извѣстный срокъ, два года, до окончанія полнаго академическаго курса, написать диссертацію, получить ученую степень, а затѣмъ относительно дальнѣйшей судьбы у меня тогда еще не было никакихъ предположеній. Каково же было мое удивленіе, когда вмѣстѣ съ слушаніемъ богословскихъ наукъ, началъ замѣчать, что у меня пробуждается интересъ къ богословію, которое начало давать для любознательности не меньшую пищу, чѣмъ свѣтскія науки (философскія, историческія), и въ моемъ настроеніи и симпатіяхъ мало по малу произошелъ большой переворотъ. Къ концу же академическаго курса образовалась уже рѣшительная склонность къ занятіямъ именно богословскими предметами.

Обыкновенныя письменныя работы, «срочныя», какъ тогда ихъ называли, сочиненія назначались только въ первый годъ старшаго курса, послѣдній же годъ предоставленъ былъ исключительно для составленія «курсоваго» сочиненія, или диссертаціи на ученую степень.

Въ учебномъ году, 1861/2, дано было намъ много сочиненій, цѣлыхъ 6 и 1 проповѣдь. Почему такъ много, когда въ первые годы, на младшемъ курсѣ, давали только 4 и 1 проп.? Не въ наказаніе ли намъ за наши грѣхи? Помнится, мы хлопотали объ уменьшеніи ихъ количества, но безуспѣшно. Темы были слѣдующія: 1) «Значеніе богослуженія для Церкви, какъ

[1]) Иванъ Егоровичъ Троицкій, олонец., 7-й маг. XXIII к. (1859) спб. акад., 1859—преп. олонец. сем., 1861—бакк. спб. акад. по греч. яз., 1863—по новой церк. исторіи, 1866—экстр. проф., 1875—ордин. и докторъ богословія, † 1901.

общества вѣрующихъ» (проф. В. И. Долоцкій); 2) «Объ управленіи Христовой церкви по изображенію свящ. книгъ Новаго Завѣта» (бакк. свящ. А. И. Парвовъ); 3) «Въ какомъ видѣ желательно имѣть учебное руководство для преподаванія исторіи Ветхозавѣтной Церкви» (проф. И. В. Чельцовъ); 4) «Можетъ ли обличительное богословіе способствовать возсоединенію христіанскихъ церквей и, если можетъ, то при какихъ условіяхъ»? (бакк. И. Т. Осининъ); 5) «Значеніе просвѣщенія для будущей судьбы русскаго раскола» (бакк. И. Ѳ. Нильскій); 6) «Отличительный характеръ православія въ сравненіи съ католичествомъ и протестантствомъ» (пр. Іоаникій); 7) Проповѣдь на день сошестія Св. Духа» (бакк. Ѳ. С. Надеждинъ). Всѣ эти сочиненія у меня сохранились, изъ нихъ 5 отмѣчены высшимъ балломъ 10 и 2 балломъ $9^1/_2$; всѣ съ очень лестными для меня отзывами. Сочиненія этого курса были настолько удачными, что два ихъ нихъ были впослѣдствіи мною напечатаны: одно, по расколу, въ «Днѣ» И. С. Аксакова, а другое объ «отлич. характерѣ православія», въ «Христ. Чтен.», и оба обратили на себя вниманіе читателей.

Четвертый и послѣдній академическій учебный годъ, $186^2/_3$, посвященъ былъ нами исключительно составленію диссертацій. Дана была намъ масса темъ на выборъ [1]), до 150. При такомъ огромномъ количествѣ ихъ, у насъ положительно разбѣгались глаза. Обиліе темъ нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей послужило даже во вредъ: они долго, по цѣлымъ мѣсяцамъ колебались, брали то одну, то другую тему, а время, котораго въ сущности было очень немного (съ конца августа

---

[1]) За это нужно сказать большое спасибо пр. Іоанникію. Не то было при его преемникѣ, пр. Іоаннѣ (Соколовѣ, † еп. смоленскомъ), который, какъ въ казанской академіи, такъ потомъ и въ петербургской, самъ назначалъ тему каждому студенту, ни съ чѣмъ не сообразуясь, ни съ силами, ни съ склонностью студентовъ къ извѣстнаго рода работамъ, причемъ иногда давалъ темы прямо невозможныя по самому ихъ существу, такъ что случались даже курьезы въ этомъ родѣ, какъ разсказываетъ П. В. Знаменскій въ своей исторіи каз. акад. Тоже было и въ нашей академіи съ слѣдующимъ за нашимъ курсомъ—XXVI-мъ, одинъ изъ самыхъ лучшихъ студентовъ котораго, А. В. Бѣлецкій, долженъ былъ, изъ за неудачной темы, окончить кандидатомъ. Потомъ, уже долго спустя (въ 1871 г.), получилъ степень магистра за новое сочиненіе. Такая неудача постигла „многихъ изъ этого курса“, какъ замѣчаетъ бывшій студентъ этого курса, А. С. Родосскій, въ своемъ „Біогр. слов. студ.“ (стр. 59).

до 1 мая), уходило, и они рисковали не представить во время диссертацій, что́ съ нѣкоторыми изъ нихъ и случилось, къ несчастію. Мнѣ довольно скоро удалось остановиться на данной И. Т. Осининымъ темѣ: «Обозрѣніе предпріятій и попытокъ къ соединенію церквей Восточной и Западной»,—безъ ограниченія періода времени, который долженъ подлежать обозрѣнію. Повидимому, назначавшій эту тему полагалъ, что студентъ въ теченіе одного года можетъ обозрѣть всю многовѣковую исторію вопроса о соединеніи церквей. Поработавъ мѣсяца два, я нашелъ, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности довести, какъ слѣдуетъ, обозрѣніе до конца, что съ великимъ трудомъ можно дотянуть только до Флорентійскаго собора и потому обратился къ И. Т. Ос-ну съ просьбою дозволить мнѣ ограничить тему чрезъ прибавку къ ней словъ: «съ половины XI в. до начала XV». Разрѣшеніе было дано, и я съ большимъ рвеніемъ и жаромъ принялся за работу. Задалъ себѣ серьезную, нелегко выполнимую задачу представить не поверхностный очеркъ, а полную, всесторонне очерченную картину 400-лѣтнихъ сношеній Востока и Запада по вопросу о соединеніи церквей. Много трудовъ потратилъ на собираніе матеріала и прямо относившагося къ темѣ и нужнаго вообще для изученія того времени въ различныхъ отношеніяхъ. Нѣкоторыхъ книгъ не оказывалось въ академической библіотекѣ, приходилось ходить въ Публичную,—въ особенности для чтенія и выдержекъ изъ очень важныхъ для меня лѣтописей (Annal. eccles.) Райнальда, продолжателя Баронія. Работалъ совершенно безъ всякаго руководства профессора [1]) и не имѣя готоваго образца для задуманной работы, такъ какъ извѣстная «исторія» Пихлера (Geschichte der kirchl. Trennung zwischen Orient und Occident) вышла въ слѣдующемъ 1864 г., когда я служилъ уже въ Московской Академіи. Другіе мои товарищи болѣе или менѣе также усердно работали по предметамъ своихъ диссертацій, пробуя свои силы въ большой, настоящей уже ученой работѣ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ испытывали слишкомъ большой перевѣсъ формальнаго своего развитія, способности обобщеній въ ущербъ способности объективнаго изученія предмета. Такъ напр., одинъ

---

[1]) Не обращался къ Ив. Т. Осинину отчасти, чтобы не лишиться самостоятельности въ работѣ, отчасти потому, что первоначальная формулировка темы поселила во мнѣ, можетъ быть, неосновательную мысль, что самъ профессоръ едва ли хорошо знакомъ съ предметомъ моей темы.

изъ особенно даровитыхъ моихъ товарищей [1]) со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ, что онъ несчастный человѣкъ, такъ какъ не можетъ спокойно изучать предметъ своей темы, мысль его едва встрѣчаетъ какой-нибудь фактъ, какъ забѣгаетъ впередъ, пускается въ обобщенія. Другіе мои товарищи писали на слѣд. темы: Ѳ. Г. Елеонскій: «О состояніи русскаго раскола при Петрѣ I», Н. И. Барсовъ—также по расколу: «Братья Денисовы, ихъ жизнь и значеніе въ исторіи раскола» (обѣ эти диссертаціи напечатаны: Ѳ. Г. Ел.—въ «Христ. Чтен.» 1863 г., Н. И. Б.—въ «Прав. Обозр.» 1865); Т. В. Барсовъ—«Отличит. характеръ православія сравн. съ катол. и протестант. вѣроисповѣданіями» (тема пр. Іоаникія, тождественная съ темою для «срочнаго» соч.). Сочиненіе мое во время было окончено и къ назначенному сроку подано.

Наступили послѣдніе, выпускные для насъ экзамены, съ участіемъ внѣшнихъ членовъ конференціи. Не помню, чтобы эти внѣшніе члены участвовали въ обыкновенныхъ, невыпускныхъ экзаменахъ, въ особенности въ рождественскихъ, но судя по дневнику одного протоіерея (П. К. Херсонскаго), принадлежащаго къ слѣдующему XXVI курсу, они присутствовали даже и на рождественскихъ экзаменахъ въ 1862 г. [2]), слѣдовательно, были и у насъ въ этомъ году. На переходныхъ же экзаменахъ изъ младшаго курса въ старшій, тѣмъ болѣе при выпускныхъ, они должны были присутствовать по положенію [3]). Этихъ членовъ полагалось 10 человѣкъ; такое же количество ихъ было и въ наше время [4]). Всѣхъ ихъ хорошо

---

[1]) Н. Г. Благовѣщенскій, тверск., 11-й маг., преп. витебск. сем., инсп. и директ. нар. учил. псков. губ., потомъ ревельск., 1898—въ отставкѣ, † 1899. Тема диссертаціи: „Протест. движенія въ Англіи до времени реформаціи".

[2]) См. дневн. прот. П. К. Херсонскаго въ „Памят. кн. за 1913 г." изд. „Общ. духов. и матер. взаимопомощи быв. питомцевъ спб. дух. акад.".

[3]) У И. А. Чистов. въ „Ист. С.-Петерб. Акад." (стр. 75) читаемъ: „Переходные для студентовъ низшаго отд. и выпускные для студ. высшаго отд., экзамены производились,—первые академическимъ правленіемъ, послѣдніе—конференціею, съ участіемъ и внѣшнихъ членовъ конференціи, которые назначались депутатами по различнымъ предметамъ академическаго курса".

[4]) Вотъ эти внѣшніе члены конференціи нашего времени, по старшинству—не окончанія ими академическаго курса, а по порядку назначенія ихъ членами: прот. Морск. Никол. Собора І. Д. Колоколовъ—съ 1831 г., прот. Учил. Правов. М. И. Богословскій—съ 1839 г., архим.

помню, кромѣ старѣйшаго изъ нихъ прот. І. Е. Колоколова, который по старости едва ли бывалъ у насъ. Внѣшніе члены были по большей части молчаливыми ассистентами на экзаменахъ, но нѣкоторые отличались говорливостью, таковъ былъ въ особенности прот. І. К. Яхонтовъ, издатель «Духовной Бесѣды», тогдашняго полуофиціальнаго органа Св. Синода. О. Яхонтовъ былъ ассистентомъ на экзаменѣ по гомилетикѣ.

Не говоря уже о прежнихъ экзаменахъ въ старшемъ курсѣ, даже выпускные—совершенно вышли изъ памяти. Помню хорошо только одинъ экзаменъ,—по общей церковной исторіи древней и новой, съ участіемъ внѣшняго члена конференціи, прот. М. Изм. Богословскаго. Этотъ экзаменъ остался памятнымъ мнѣ по многимъ причинамъ. Спрашивали не каждаго студента по древней и новой церковной исторіи, а одного по одной, другого по другой. Мнѣ выпалъ очень счастливый для меня билетъ—по новой церк. исторіи, именно о времени господства латинянъ въ Константинополѣ (1204—1261 г.). А. М. Иванцовъ, заглянувъ (пока отвѣчали другіе вызванные) въ мой билетъ, тихонько сказалъ мнѣ, чтобы я не слишкомъ распорстранялся въ подробностяхъ, а отвѣчалъ бы покороче; очевидно, онъ зналъ о моемъ курсовомъ сочиненіи и предполагалъ, что мои занятія по сочиненію обогатили меня многими свѣдѣніями по данному вопросу. Когда пришла

Аввакумъ (Честной), членъ цензурн. комит.—съ 1842 г., придв. прот. І. В. Рождественскій—1848 г., прот. Казан. соб. Г. С. Дебольскій—съ 1848 г., прот. Воспит. общ. благ. дѣвицъ І. К. Яхонтовъ—съ 1855 г., свящ. закон. 3-й спб. гимн. К. П. Добронравинъ († еп. Гермогенъ псков.)—1855 г., прот. Никол. сирот. инстит. В. В. Гречулевичъ († еп. Виталій)—1860 г., прот. Казан. соб. Ѳ. Ѳ. Сидонскій—1862 г., прот. ц. спб. унив. П. Ѳ. Солярскій—съ 1862 г. Всѣ они были лицами очень почтенными и извѣстными въ ученомъ, въ особенности духовномъ мірѣ. Изъ нихъ въ особенности выдвигались: докторъ богословія прот. М. И. Богословскій, Ѳ. Ѳ. Сидонскій, извѣстный нашъ философъ, обладавшій кромѣ того огромною эрудикціею и по другимъ наукамъ, и архим. Аввакумъ (Честной, тверск., старш. канд., а потомъ маг. VIII к. 1829 г. спб. акад.) извѣстный синологъ, совершившій съ роман. Гончаровымъ поѣздку на фрегатѣ Паллада и имъ хорошо охарактеризованный, высокопочитаемый ученый. Кажется, онъ страдалъ слабостью къ спиртнымъ напиткамъ. Помню, мы ждали его на экзаменъ по Св. Писанію, а онъ сидитъ себѣ въ сторожевой будкѣ, при входѣ въ академію, съ владимірскою 2-й ст. звѣздою на рясѣ. Отдохнувъ, онъ все-таки чрезъ нѣсколько времени явился на экзаменъ. Отличался онъ очень добродушнымъ характеромъ. Его земляки, тверяки, къ нему ходили.

моя очередь, я отвѣчалъ, конечно, очень обстоятельно, увѣренно, бойко и складно. Послѣ, отъ проф. Н. И. Глоріантова, знакомаго съ прот. М. И. Богословскимъ, слышалъ, что мой отвѣтъ очень понравился послѣднему, и М. И. Богословскій по этому случаю замѣтилъ о мнѣ: «изъ него выйдетъ хорошій баккалавръ академіи». Болѣе чѣмъ вѣроятно, что такого о мнѣ отзыва, со стороны достоуважаемаго внѣшняго члена конференціи, не послѣдовало бы, если бы попался мнѣ другой билетъ—изъ древней церковной исторіи, по которой всѣ отвѣты были не особенно блестящими, благодаря отсутствію подробныхъ записокъ и существованію только очень коротенькаго конспекта. Этотъ экзаменъ былъ памятенъ мнѣ и въ другихъ отношеніяхъ. Интересенъ былъ споръ профессора И. В. Чельцова, человѣка, какъ уже замѣчено выше, рѣзкаго и желчнаго, съ прот. М. И. Богословскимъ, докторомъ богословія, очень умнымъ и уважаемымъ лицомъ, характера также крутого и еше болѣе, чѣмъ у Чел-ва, рѣзкаго. Сошлись, стало быть, два лица очень характерныя. По какому-то поводу зашла рѣчь о житіяхъ святыхъ. Кажется, М. И. Богословскій обратилъ вниманіе, какъ на нѣчто цѣнное, на историческія данныя въ нихъ заключающіяся. «Какъ вы можете это утверждать, вы М. И., а еще докторъ богословія»!—отвѣтилъ нашъ профессоръ свойственнымъ ему, довольно ядовитымъ тономъ. Затѣмъ, этотъ *послѣдній* изъ всѣхъ выпускныхъ экзаменовъ происходилъ не въ залѣ и не въ одной изъ аудиторій, а въ жилой студенческой комнатѣ и именно въ томъ самомъ №, въ который поселили меня четыре года тому назадъ, по принятіи въ академію, подъ старшинство И. Д. Касаткина († архіеп. Николай Японск.). Конецъ видимо сходился съ началомъ. Наконецъ, передъ тѣмъ, какъ идти на этотъ экзаменъ, оказалось, что у меня украдена вся парадная пара одежды, и я принужденъ былъ у кого-то изъ товарищей или младшихъ студентовъ позаимствоваться платьемъ, чтобы явиться на экзаменъ въ приличномъ видѣ, а не въ затасканномъ, повседневномъ платьѣ. Академія какъ бы выпроваживала меня изъ своихъ стѣнъ, отобравъ отъ меня даже свое платье; такое предзнаменованіе впрочемъ, не приходило мнѣ тогда въ голову.

Публичнаго экзамена не было; по крайней мѣрѣ совсѣмъ его не помню.

По окончаніи курса отправился въ свой Нижній Новго-

родъ [1]. Ѳ. Г. Ел-кій остался въ Петербургѣ, въ академіи. Каждый годъ, на лѣтніе каникулы, мои родители выписывали меня въ Нижній, присылая прогоны; разъ сопутствовалъ мнѣ Ѳ. Г. Обыкновенно отправлялся домой по Николаевской жел. дорогѣ до Твери, а отъ Твери на пароходѣ по Волгѣ до Нижняго [1].

Но разъ, въ какой-то годъ (вѣроятно 1861 или 1862) рискнулъ поѣхать до Москвы, а оттуда по только-что открывшемуся участку нижегородской желѣз. дороги до Владиміра. Отъ Владиміра до Нижняго (220 верстъ), думалъ я, какъ-нибудь доберусь до Нижняго въ экипажѣ. Поѣздка по новой, только что открывшейся, нижегородской желѣзной дорогѣ была весьма пріятна. Ѣхалъ съ двумя студентами (однимъ товарищемъ, владимірцемъ, К. Ѳ. Надеждинымъ, и другимъ студ. Моск. Академіи) съ большимъ комфортомъ, рискнули даже взять билеты 2 кл. Но за все это удовольствіе пришлось очень поплатиться; поѣздка отъ Владиміра до Нижняго окончилась для меня весьма плачевно. Извозчики, избалованные богатыми московскими купцами, ѣхавшими па нижегородскую ярмарку, а теперь ктому же удрученные мыслію, что съ устройствомъ желѣзной дороги пришелъ имъ конецъ, были въ крайне мрачномъ настроеніи и очень несговорчивы на счетъ цѣны, за проѣздъ до Нижняго, просили 30 р., а у меня въ карманѣ было не болѣе 5 р. Пришлось пристроиться попутчикомъ къ одному купеческому семейству, которое согласилось, неособенно притомъ охотно, помѣстить меня за 5 руб. на облучкѣ тарантаса, вмѣстѣ съ извозчикомъ. Ѣхали мы около двухъ сутокъ, въ томъ числѣ двѣ ночи, при чемъ въ дремотѣ я нѣсколько разъ подвергался опасности свалиться подъ ноги лошадей и быть раздавленнымъ экипажемъ. Все это мое похожденіе окончилось тѣмъ, что по пріѣздѣ въ Нижній заболѣлъ.

Кстати о денежныхъ нашихъ, съ Ѳ. Г. Ел—мъ, средствахъ, во время студенчества. Мои средства были болѣе, чѣмъ скромными. Мои родители присылали мнѣ, въ теченіе академиче-

---

[1]) Ѣзда на пароходѣ была очень благодѣтельна для студента, истомленнаго экзаменами, такъ что въ какіе-нибудь двое сутокъ я нѣсколько поправлялся въ своемъ здоровьѣ, кстати сказать, отъ сырого петербургскаго климата не ухудшившемся, а напротивъ, вообще говоря, укрѣпившемся. Въ Нижнемъ, благодаря его горному воздуху и сильнымъ вѣтрамъ, я всегда чувствовалъ себя хуже, чѣмъ въ Петербургѣ.

скаго курса, раза два—три въ годъ, по 5 р., исключая конечно прогоновъ на поѣздку въ Нижній. Этихъ 10—15 р. едва хватало на необходимые расходы, на прибавку къ казеннымъ чаю, сахару, булкамъ, на молоко къ чаю и т. п. Къ счастію, тогда я не курилъ и потому не нужно было тратиться еще на табакъ. Объ извозчикахъ мы не имѣли понятія, всегда ходили пѣшкомъ, иногда очень далеко [1]). Ѳ. Г. Ел—кій не имѣлъ и моихъ скудныхъ денежныхъ средствъ; изъ дома не присылали ему ничего или весьма мало и рѣдко. Поэтому онъ принужденъ былъ добывать себѣ добавочныя средства переводами. Ему какъ-то удалось пристроиться къ тогдашнему педагогическому журналу «Учитель», издаваемому І. Н. Паульсономъ и Н. Х. Весселемъ, гдѣ онъ участвовалъ въ переводѣ педагогики Дистервега. Да и я нашелъ подспорье къ своимъ скуднымъ средствамъ, давая въ послѣдніе годы уроки племяннику митр. Исидора, А. П. Богословскому, не окончившему нигдѣ курса и собиравшемуся держать экзаменъ на полученіе чина. Этимъ урокомъ я былъ обязанъ другому племяннику митрополита, моему товарищу, Н. Н. Никольскому, перешедшему къ намъ изъ Кіева [2]).

По пріѣздѣ въ Нижній, пр. Нектарій, бывшій нашъ ректоръ, а тогда нижегородскій епископъ, вздумалъ посватать мнѣ дочь одного почтеннаго нижегородскаго протоіерея К. И. Мил—ва, его товарища по Кіевской Академіи, обѣщая дать мнѣ хорошее мѣсто священника въ Нижнемъ. Поблагодаривъ преосвященнаго за такое предложеніе, я рѣшительно отъ него отказался, заявивъ, что мнѣ хотѣлось бы сначала послужить на педагогическомъ поприщѣ. Меня очень влекла къ себѣ

[1]) Разъ пѣшкомъ отправились даже въ Большой театръ (тогда итальянская опера) слушать знаменитаго Тамберлика въ роли Отелло и его утъ-діэзъ, выпросились у капельдинера за ничтожную плату постоять въ райкѣ, а потомъ также пѣшкомъ—обратно въ академію. Результатъ для меня былъ тотъ, что я заболѣлъ. Въ другой разъ отправились, также пѣшкомъ, въ Ботаническій садъ, на Аптекарскомъ Островѣ. Это отъ академіи будетъ туда и обратно вѣроятно не менѣе 12 верстъ, не считая ходьбы по саду.

[2]) Н. Н. Никольскій, тульск., 32-й канд., былъ учит. ярославской сем. Скончалъ. Помнится, мы стѣснялись предлагать ему, изъ-за родства съ митр. Исидоромъ и землячества съ пр. Іоанникіемъ, подписывать заявленіе 16-ти, по поводу исторіи 4 окт. Значитъ, мы не лишены были нѣкоторой доли деликатности и не были совсѣмъ дурными молодыми людьми.

именно академическая каѳедра, хотя я далеко не былъ увѣренъ, что останусь при академіи.

Въ Нижнемъ пробылъ недолго, до августа, спѣшилъ обратно въ Петербургъ, озабоченный вопросомъ о дальнѣйшей своей судьбѣ. По пріѣздѣ въ академію, засталъ своихъ товарищей обитающими въ академической больницѣ, гдѣ академическое начальство поселило ихъ, какъ отрѣзанныхъ ломтей. Жили они въ довольно неприглядной обстановкѣ. Больница была въ это время въ запущенномъ почему-то видѣ, даже, помнится, не всѣ стекла были въ ней цѣлы. Здѣсь пришлось пристроиться и мнѣ. Но я старался, насколько можно, менѣе оставаться въ этомъ нашемъ общежитіи, проживая очень часто у своего родственника, Н. И. Розова, или у земляка, проф. Н. И. Глоріантова.

Наконецъ, въ августѣ мѣсяцѣ, вѣроятно въ концѣ его, наступилъ день, когда рѣшилась наша судьба: собралась конференція изъ профессоровъ академіи и внѣшнихъ ея членовъ. Мы въ это время, вѣроятно, всѣ, или по крайней мѣрѣ въ огромномъ большинствѣ, были въ нашемъ обиталищѣ,—академической больницѣ, въ трепетномъ ожиданіи рѣшенія нашей участи. Чрезъ нѣсколько времени вдругъ прибѣгаетъ А. А. Некрасовъ († проф. Казанской Академіи), необыкновенно шустрый и всюду, гдѣ онъ появлялся, вносившій шумъ, оживленіе и хохотъ, и говоритъ мнѣ: «ну, Львовичъ, какая изъ-за тебя идетъ рѣзня въ конференціи, не приведи Богъ». «Да въ чемъ дѣло, говори скорѣе»? встревожился я, ожидая себѣ всякихъ золъ за 4 окт. «Противъ тебя ректоръ, а за тебя горой стоитъ Чельцовъ». «Благодарю, не ожидалъ», могъ я только отвѣтить А. А. Н—ву. Дѣйствительно, было чему удивляться, не ректорскому, конечно, ко мнѣ отношенію,—это было вполнѣ для меня ожиданно,—а защитѣ меня Чельцовымъ, этимъ страшнымъ рецензентомъ всѣхъ магистерскихъ диссертацій. Впрочемъ, споръ шелъ не о диссертаціи, а о первомъ мѣстѣ въ спискѣ. Кое-что еще сообщалъ А. А. Н—въ, но теперь не припоминаю. Всѣ эти свѣдѣнія онъ добылъ, подслушивая у дверей № 9 (прежняго моего обиталища на старшемъ курсѣ), смежнаго съ залой, гдѣ происходила конференція.

Нѣкоторыя и другія свѣдѣнія вскорѣ дошли до насъ: о томъ, кому присуждены какія степени, о мѣстахъ въ спискѣ, а равно и баллахъ на курсовыхъ сочиненіяхъ, наконецъ о томъ, кто оставленъ при академіи. Оказалось, что Т. В. Бар-

совъ поставленъ въ спискѣ первымъ и оставленъ при нашей академіи баккалавромъ по греческому языку, я подъ № вторымъ и предназначенъ къ баккалаврству въ Московской Академіи, Ѳ. Г. Елеонскій подъ № девятымъ и т. д.

Но всѣ интересныя подробности присужденія намъ степеней и въ частности горячихъ изъ-за меня преній я узналъ много позднѣе, уже тогда, когда изъ Москвы перешелъ въ Петербургъ и сдѣлался сослуживцемъ бывшихъ моихъ наставниковъ. Въ особенности много разсказывалъ о томъ, какъ происходила эта конференція, проф. И. Ѳ. Нильскій, восторгавшійся замѣчательною тактикою пр. Іоанникія. А нѣчто, также весьма интересное сдѣлалось извѣстнымъ даже только теперь, черезъ 50 лѣтъ, изъ воспоминаній пр. Леонтія («Богосл. Вѣстн.» янв. 1914 г.).

Сначала шло разсужденіе о диссертаціяхъ и присужденіи ученыхъ степеней. «На конференціи, пишетъ пр. Леонтій, вышли пререканія. Предтеченскому, баккалавру еще тогда (?) и секретарю конференціи, а затѣмъ и ректору, хотѣлось выпустить человѣкъ 10 съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Я возсталъ противъ этого [1])... Списокъ составленъ на основаніи балловъ по успѣхамъ и поведенію—и всѣ (?) выпущены со степенью магистровъ и кандидатовъ. Изъ курса 1863 г., ошельмованнаго, можно сказать, академическимъ начальствомъ, вышли весьма дѣльные люди, которые съ честью служатъ и по духовному, и по гражданскому вѣдомству. Такъ нужно умѣючи обращаться съ молодыми силами» [2])!—заключаетъ свой разсказъ пр. Леонтій.

---

[1]) „Пр—ій въ горячахъ говоритъ: „послѣ этого всѣхъ бунтовщиковъ надо дѣлать кандидатами“. Я строго замѣтилъ: „бунтовщики въ тюрьмахъ содержатся. Академія не тюрьма, да какое право имѣете вы, баккалавръ только, не членъ конференціи, а секретарь ея, возвысить голосъ и давать сужденіе? Ваше дѣло записывать, что опредѣляетъ конференція“. Пр. Леонтій здѣсь ошибается: Пр—ій былъ тогда экстр. проф. и имѣлъ право голоса, если только съ этимъ условіемъ онъ возведенъ былъ въ это званіе. Тогда, по словамъ И. А. Чистовича, возводили въ экстр. проф. съ присвоеніемъ или безъ присвоенія этого права.

[2]) Точно также пр. Леонтій забылъ, что у насъ не всѣ были магистрами и кандидатами, а 4 человѣка выпущены студентами, правда самые слабые по успѣхамъ. Въ заключеніе пр. Леонтій пишетъ: „Пр—ій однакожъ долго служилъ при академіи и дослужился, кажется, до заслуженнаго проф., хотя за его жизнь развратную, слѣдовало во время удалить его изъ академіи“.

Кромѣ рѣшенія общаго вопроса о томъ, сколькимъ студентамъ и какія присудить ученыя степени, немало споровъ возбуждали: составленіе списка и вопросъ о томъ, кого оставить при академіи баккалавромъ по вакантной каѳедрѣ. Наибольшая часть споровъ выпала на долю пишущаго эти строки, что подслушалъ, какъ выше замѣчено, мой товарищъ, А. А. Некрасовъ, и о чемъ потомъ сообщали мнѣ бывшіе мои наставники. Въ видахъ не личнаго моего интереса, а для обрисовки и характеристики дѣйствій тогдашней конференціи, позволю себѣ сообщить все, что слышалъ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Моя диссертація встрѣтила большое одобреніе со стороны самаго строгаго моего рецензента—проф. И. В. Чельцова, который поставилъ на ней высшій баллъ 10, хотя надѣлаъ немало замѣчаній на моей рукописи, въ особенности на введеніи, къ чему, впрочемъ, я самъ далъ поводъ, не обработавъ его, какъ слѣдуетъ [1]). Другіе, болѣе снисходительные рецензенты, однако, оцѣнили мое сочиненіе болѣе низкими баллами: И. Т. Осининъ—9½, прот. І. К. Яхонтовъ даже 8½. Послѣ разсмотрѣнія диссертацій и присужденія ученыхъ степеней, приступили къ составленію списка и рѣшенію вопроса о первыхъ въ немъ мѣстахъ и прежде всего конечно о томъ, кого поставить подъ № 1. Вопросъ этотъ былъ важенъ, въ виду слѣдующаго затѣмъ вопроса объ оставленіи кого-либо изъ насъ баккалавромъ при академіи.

---

[1]) Оставалось мало времени на обработку. Писалъ предисловіе по окончаніи всей работы по сочиненію, писалъ сгоряча, не обдумывая выраженій, забывая даже совсѣмъ, что пишу диссертацію, которая подлежитъ критикѣ рецензентовъ. Въ добавокъ, переписывалъ черновикъ свой не самъ; при личной перепискѣ вѣроятно многое измѣнилъ бы. А главное, нужно было мои выводы и общія сужденія помѣстить не въ началѣ, а въ самомъ концѣ сочиненія. Сдѣлай это, избѣгъ бы многихъ возраженій, которыя были бы устранены самымъ содержаніемъ моего сочиненія. Читая общія мои сужденія и выводы, одинъ рецензентъ (прот. Яхонтовъ), къ удивленію, даже замѣтилъ въ концѣ моего введенія, что оно „совершенно лишнее" (?!). По всей вѣроятности, онъ не сдѣлалъ бы такого замѣчанія, если бы мое введеніе было отнесено къ концу сочиненія и явилось бы его заключеніемъ. Въ печатной моей книгѣ: „Исторія попытокъ къ соединенію церквей греч. и латин. въ первые 4 вѣка по ихъ раздѣленіи. Спб. 1868" предисловіе совершенно переработано и изъ него исключены всѣ вышеуказанныя общія сужденія и выводы. Но мнѣ жаль было совершенно выбросить ихъ. Въ обработанномъ видѣ я помѣ-

Кандидатами на первое мѣсто оказались двое: Тим. В. Барсовъ и А. К—ій. Корпорація профессоровъ, у которыхъ у всѣхъ мои сочиненія оказались лучшими, высказалась за меня, а пр. Іоанникій—за Т. В. Барсова. По правдѣ сказать, шансы у насъ были почти равными. Если мой соперникъ имѣлъ высшіе, чѣмъ я, баллы по устнымъ отвѣтамъ, то я имѣлъ большое предъ нимъ преимущество по сочиненіямъ за всѣ курсы [1]), да и курсовое мое сочиненіе заслужило большое одобреніе такого авторитетнаго и строгаго судьи, какъ проф. Чельцовъ, который выразился о немъ, какъ передавали мнѣ, такъ: «12 лѣтъ я уже профессорствую, но еще въ первый разъ пришлось мнѣ читать такое солидное сочиненіе». Въ виду того, что сочиненіямъ какъ всегда, такъ и въ данномъ случаѣ, давалось предпочтеніе предъ устными отвѣтами (что видно изъ мѣста, занятаго въ спискѣ Ѳ. Г. Елеонскимъ) [2]),

---

стилъ ихъ въ отдѣльной статьѣ въ „Прав. Обозр." (1865 г., янв. и февр.) подъ заглавіемъ: „Истор. попытокъ къ рѣшенію вопроса о соединеніи церквей и будущ. его судьбы".

[1]) Вотъ для сравненія баллы за оба курса, младшій и старшій:

	Средній балъ по наукамъ.	По срочнымъ сочин.	По курс. сочиненію.	По поведенію.
Тим. Барсовъ . . .	9,85	9,32	9,50	10
А. Катанскій. . . .	9,51	9,71	9,16	10
Н. Барсовъ	9,8	9,25	9,66	$9^1/_2$
Ѳ. Елеонскій	9,50	6,82	9.57	$9^1/_2$

Эта табель балловъ подписана А. И. Предтеченскимъ. Баллъ по моему курсовому сочиненію 9,16 образовался отъ того, что одинъ изъ рецензентовъ (прот. Яхонтовъ) поставилъ баллъ $8^1/_2$. Раздѣливъ 10, $9^1/_2$ и $8^1/_2$ на 3 части получимъ 9,16.

[2]) Изъ таблицы, въ предъидущемъ прим., именно изъ случая съ Ѳ. Г. Ел—мъ, поставленнымъ въ спискѣ подъ № 9, съ несомнѣнностью усматривается, что сочиненіямъ придавалось наибольшее значеніе. У Ѳ. Г. Ел. баллы по устнымъ отвѣтамъ были почти тождественны съ моими (— 1) и гораздо выше (на 0,42) балловъ Н. Барсова (№ 3 по списку) и однако его ставятъ въ спискѣ гораздо ниже насъ обоихъ и это потому, что у него оказался очень низкій баллъ по сочиненіямъ—только 6,82. Такой баллъ зависѣлъ отъ случайныхъ причинъ (сочиненія у него всегда были очень хороши), именно отъ неподачи нѣкоторыхъ сочиненій въ старшемъ курсѣ. Ихъ было тогда очень много: 6 и 1 проповѣдь; помнится, многіе не подали тогда 2—3 соч. И за неподачу этихъ-то 1—3 сочиненій, у всѣхъ, въ томъ числѣ и у Ѳ. Г. Ел., сбавили съ общаго балла по сочиненіямъ. А когда начали составлять списокъ, низкій баллъ по сочиненіямъ естественно потянулъ всѣхъ ихъ, въ томъ числѣ и Ѳ. Г. Ел., книзу. Почему, въ такомъ случаѣ, мой самый высшій изъ

есть полное основаніе думать, что первое мѣсто осталось бы за мною, если бы я не былъ въ немилости у ректора [4]). Чью сторону держали внѣшніе члены конференціи, во главѣ съ ревизоромъ академіи пр. Леонтіемъ, неизвѣстно; вѣроятно—сторону пр. Іоанникія и слѣдовательно высказались за Тим. В. Барсова. Это видно изъ того, что, какъ мнѣ передавали, мои адвокаты-профессора должны были уступить противной сторонѣ въ вопросѣ о первенствѣ, въ надеждѣ поставить на своемъ, когда будетъ рѣшаться вопросъ о баккалаврствѣ въ академіи; этотъ вопросъ поставленъ былъ послѣднимъ. Такимъ образомъ, первое мѣсто въ спискѣ было предоставлено Т. В. Барсову, мнѣ—второе. Затѣмъ слѣдовало дальнѣйшее состаленіе списка. Въ окончательно составленномъ спискѣ оказа-лось: въ 1-мъ разрядѣ 13 магистровъ [5]), во

всѣхъ балловъ этой категоріи (9,71), выше балла Тим. Барсова (на 0,39) не потянулъ меня кверху? Мой низкій баллъ по курсовому 9,16 не помѣшалъ бы тому, какъ не помѣшалъ Ѳ. Г. Ел. его очень высокій баллъ по курсовому соч. 9,57, гораздо выше и моего и Тим. Барсова (9,16 и 9,50), благополучно спуститься внизъ, до № 9. Мой сравнительно низкій средній баллъ по курсовому соч., въ виду блестящаго о немъ отзыва проф. Чельцова, естественно терялъ свою силу.

[4]) Что пр. Іоанникій гнѣвался на меня до послѣднихъ дней моего студенчества, это видно изъ словъ проф. В. И. Долоцкаго. Когда уѣзжая въ Москву на должность, я пришелъ къ нему проститься и за совѣтомъ относительно предстоявшаго мнѣ преподаванія церковной археологіи, этотъ досточтимый мой наставникъ сказалъ мнѣ: „жаль, что преосвященный очень сердится на васъ за то, что вы не повліяли (?!) на своихъ товарищей, въ смыслѣ исполненія ими, 4 окт., воли начальства“. Помнится, эти слова не были вызваны ходомъ нашей бесѣды, а вырвались у него какъ-то нечаянно, какъ бы въ объясненіе того, почему я долженъ отправиться въ московскую академію.

[5]) Вотъ магистры нашего курса: Тим. Барсовъ, А. Катанскій, Ник. Барсовъ († и. д. орд. проф. спб. акад.), Е. Мегорскій (рект. новгор. сем., † наст. Казан. соб. въ СПБ.), А. Тачаловъ (псал., потомъ прот. Висбаденской ц., † наст. Парижской посольской ц.), Ив. Образцовъ († прот. спб. Вознесенской ц., проф. спб. Историко-филол. инстит., членъ учебн. ком. при Св. Синодѣ), іером. Владиміръ Никольскій († еп. нижегородскій), Г. Пеньковскій († преп. новгор. сем.), Ѳ. Елеонскій († засл. орд. проф. спб. акад.), О, Щербицкій († инсп. литовской сем.), Н. Благовѣщенскій († директ. народн. учил.), А. Некрасовъ († и. д. орд. проф. казан. акад.), Андрей Вещезеровъ († преп. тверской сем.). Съ правомъ на степень магистра, по представленіи новыхъ сочиненій, Ф. Смирновъ († секр. литовской консист.), П. Іовлевъ († прот. спб. Конюшенной ц.), В. Голубковъ († инсп. яросл. сем.).

2-мъ — 30 кандидатовъ [1]) и въ 3-мъ — 4 студента=47 человѣкъ [2]).

Послѣднимъ на этой конференціи вопросомъ рѣшался вопросъ о замѣщеніи каѳедры новой церковной исторіи, оказавшейся въ то время вакатною, за выходомъ бакк. А. М. Иванцова. При этомъ проф. И. В. Чельцовъ прямо заявилъ, что онъ желалъ бы имѣть меня ближайшимъ сотрудникомъ, коллегою по преподаванію церковной исторіи. Благо, мое курсовое сочиненіе прямо относилось къ новой церковной исторіи, обнимая значительную ея часть. Всѣ профессоры, мои сторонники, очень разсчитывали на это обстоятельство, какъ весьма благопріятное для ихъ замысла—оставить меня при академіи. Пусть, дескать, пр. Іоанникій ставитъ излюбленнаго имъ Тим. Барсова на первое мѣсто, а баккалавромъ при академіи мы всетаки оставимъ К—го. Но они допустили большую тактическую, такъ сказать, ошибку, уступивъ пр. Іоанникію въ первомъ пунктѣ, относительно № 1 въ спискѣ, каковою ошибкою онъ прекрасно и воспользовался къ полному ихъ пораженію, ибо вотъ что случилось далѣе.

Пока проф. Чельцовъ ратовалъ за меня, какъ желательнаго кандидата для занятія каѳедры новой церковной исторіи,

---

[1]) Изъ кандидатовъ нашего курса самымъ выдающимся и занявшимъ самое высокое положеніе среди всѣхъ своихъ однокурсниковъ, оказался Алексѣй Алексѣевичъ Опоцкій, псковской уроженецъ, еще здравствующій, нынѣ высокопреосвященный архіепископъ и членъ Св. Синода Алексій, пребывающій на покоѣ въ московскомъ Донскомъ монастырѣ. А. А. Опоцкій, общій всего курса любимецъ за свою доброту и симпатичный характеръ, 1864 г.—инсп. виленск. дух. учил., 1871—прот. гроднен. Софійск. соб. и законоучитель гроднен. гимн., 1872—утвержд. въ степ. канд. бог., 1891—архим. и ректор. литовск. сем., 1893—еп. балахн. викар. нижег., 1896—еп. вятскій, 1901—архіеп. экзархъ Грузіи, 1905—архіеп. тверской и членъ Св. Синода, 1910—на покоѣ въ моск. Донск. мон., съ управленіемъ его. Не разъ случалось мнѣ слышать восторженные отзывы о немъ, какъ законоучителѣ гимназіи, отъ бывшаго его питомца, орд. академика Акад. Наукъ и директора спбургскаго Истор. Филол. Института, В. В. Латышева. Помнится, въ первый разъ слышалъ ихъ отъ этого глубокоученаго академика, при посвященіи пр. Алексія въ Александро-Невской Лаврѣ, куда горячій его почитатель, В. В. Латышевъ, нарочно прибылъ, чтобы видѣть хиротонію своего бывшаго законоучителя.

[2]) Изъ живыхъ однокурсниковъ могу насчитать, кромѣ себя, только еще троихъ: архіеп. Алексія (Опоцкаго), В. А. Васнецова (вятск., 26-й канд., препод. астрах. сем.), Н. Г. Смирягина (петерб., 41-й канд., прот Христорожд. ц. въ СПБ.). Можетъ быть, и еще кто-нибудь здравствуетъ, хотѣлось бы о томъ знать.

вдругъ заявляетъ желаніе занять ее баккалавръ по греческому языку И. Е. Троицкій. Весьма вѣроятно, что Чельцовъ объ этомъ желаніи не зналъ, въ противномъ случаѣ едва ли бы усиленно выдвигалъ мою кандидатуру противъ кандидатуры своего сослуживца, хотя и младшаго. Были ли заранѣе извѣстны намѣренія И. Е. Троицкаго пр. Іоанникію—это находится подъ сомнѣніемъ; можетъ быть и были. Долгъ безпристрастія требуетъ при этомъ замѣтить, что академія не только не проиграла, напротивъ очень много выиграла съ избраніемъ на эту каѳедру не меня, а такого, впослѣдствіи прекраснаго ученаго, какъ проф. И. Е. Троицкій [1]). Моя же кандидатура послѣ упомянутаго заявленія, конечно, сейчасъ же отпала.

Затѣмъ возникъ вопросъ о замѣщеніи каѳедры греческаго языка, оказавшейся вакантною съ переходомъ И. Е. Троицкаго на другую каѳедру. Мои приверженцы опять стали настаивать на оставленіи меня хотя бы на этой каѳедрѣ. Но тутъ у нихъ уже совершенно не оказалось почвы подъ ногами; не за что было имъ ухватиться. Навели справки относительно балла по греческому языку у Тим. Барсова и у А. Катанскаго; баллы оказались совершенно одинаковыми. Кому же предоставить эту каѳедру? Конечно, тому, кто стоитъ первымъ по списку, т. е. Т. В. Барсову. «Что же мы сдѣлаемъ съ К—мъ?» спросили мои приверженцы. «А вотъ что, отвѣтилъ на это пр. Іоанникій, если вы такого высокаго мнѣнія о К—мъ, то пошлемъ его въ Московскую Академію, отъ которой есть требованіе на замѣщеніе одной изъ ея каѳедръ, онъ навѣрное поддержитъ честь нашей академіи». Всѣ вышеуказанные, весьма искусные тактическіе пріемы въ борьбѣ съ оппозиціей и въ особенности послѣдній выпадъ пр. Іоанникія были признаны тогдашними профессорами, моими сторонниками, поистинѣ мастерскими и заслужили слѣдующій отзывъ одного изъ участниковъ этой конференціи: пр. Іоанникій «разбилъ насъ наголову, поразивъ насъ нашимъ же собственнымъ оружіемъ».

---

[1]) Впослѣдствіи я имѣлъ случай слышать отъ И. Е. признаніе, дѣлающее большую честь благородству его характера, именно, что моя диссертація была ему очень полезна (даже, помнится, онъ выразился сильнѣе), при составленіи первыхъ лекцій по новому для него предмету. А когда, въ 1868 г., она была напечатана, то, по предложенію того же И. Е. Тр—го, нѣсколько десятковъ экземпляровъ ея было пріобрѣтено для акад. библіотеки, въ качествѣ пособія студентамъ для приготовленія къ экзамену по нов. церк. исторіи.

Въ этихъ именно выраженіяхъ, много разъ повторяя ихъ, формулировалъ свои впечатлѣнія отъ всей этой исторіи досточтимый мой бывшій наставникъ, а потомъ сослуживецъ, проф. И. Ѳ. Нильскій.

Вскорѣ послѣ конференціи призываетъ меня пр. Іоанникій и предлагаетъ мнѣ на выборъ одну изъ каѳедръ при Московской Академіи—патристики или церковной археологіи. Мой выборъ палъ на церк. археологію. Каѳедру патристики предлагали потомъ Ник. И. Барсову и И. Я. Образцову, а можетъ быть и другимъ, но всѣ они отказались отъ такого предложенія и заняли мѣста преподавателей въ тѣхъ семинаріяхъ, въ которыхъ окладъ жалованья преподавателей равнялся тогда академическому, баккалаврскому, т. е. 429 р., а служить въ семинаріи было, конечно, легче, чѣмъ въ академіи, при повышенныхъ отъ академическаго преподавателя требованіяхъ и при усиленныхъ трудахъ по изученію предмета, безъ предварительной къ тому подготовки. Н. И. Барсовъ поступилъ въ спб. семинарію, И. Я. Образцовъ—сначала въ рижскую, а потомъ въ 1864 г.—въ спбургскую.

Ѳ. Г. Елеонскій назначенъ былъ сначала въ казанскую семинарію, но отъ этого назначенія отказался и провелъ, по окончаніи академическаго курса, цѣлый годъ, занимаясь репетиторствомъ по философіи въ одномъ изъ петербургскихъ юнкерскихъ училищъ. Тогда была тенденція придать военно-учебнымъ заведеніямъ общеобразовательный характеръ и потому въ юнкерскихъ училищахъ, при начальникѣ военно-учебныхъ заведеній Исаковѣ, введена была философія. Преподаваніе ея поручено было въ юнкерскомъ, кажется Павловскомъ училищѣ, проф. И. А. Чистовичу, а онъ въ помощники себѣ въ качествѣ репетитора пригласилъ Ѳ. Г. Ел—го. Ѳ. Г. провелъ этотъ годъ (1863—1864), живя на квартирѣ вмѣстѣ съ А. А. Опоцкимъ (архіеп. Алексій), который нашелъ себѣ занятія въ редакціи «Правит. Вѣстника». Къ концу 1864 г. Ѳ. Г. назначенъ былъ въ литовскую семинарію, гдѣ и служилъ до перехода въ 1870 г. въ Петербургскую Академію на каѳедру библейской исторіи въ званіи доцента, по новому уставу 1869 г. Въ виленской (литовской), какъ петербургской, рижской и, кажется, еще витебской семинаріяхъ былъ окладъ жалованья равный баккалаврскому—429 р.

Такимъ образомъ, въ Московскую Академію я долженъ

былъ отправиться одинъ. Судьба опять, какъ въ началѣ моей жизни, привела меня подъ покровъ преподобнаго Сергія, но на 7 лѣтъ разлучила съ спутникомъ моей жизни Ѳ. Г., а затѣмъ, съ 1870 года, снова насъ соединила, на цѣлыя 36 лѣтъ, до конца его жизни († 1906 г.).

Такова, смѣю думать, правдивая лѣтопись нашего многострадальнаго или, какъ сильно выразился пр. Леонтій, «ошельмованнаго» XXV курса.

О тогдашней системѣ академическаго образованія приходится сказать почти то же самое, что и о семинарской того времени. Обѣ эти системы находились въ полной гармоніи. И въ академіи была та же многопредметность, что и въ семинаріи, та же масса письменныхъ работъ, поглощавшихъ наше время и отвлекавшихъ наше вниманіе отъ изученія предметовъ курса. Та же и оцѣнка успѣховъ студентовъ главнымъ образомъ на основаніи достоинства сочиненій. Все это и профессоровъ и студентовъ мало располагало: первыхъ—къ чисто научной постановкѣ ихъ чтеній, а послѣднихъ—къ возможному углубленію въ изученіе наукъ. А потому у насъ, тогдашнихъ студентовъ, являлось естественное желаніе нѣкоторой спеціализаціи предметовъ академическаго курса и значительнаго уменьшенія письменныхъ работъ, что̀ и осуществилось съ появленіемъ академическаго устава 1869 г. пробудившаго усиленную научную дѣятельность и учено-литературную производительность и профессоровъ и студентовъ. Тѣмъ не менѣе грѣшно было бы не помянуть добрымъ словомъ и старую систему академическаго образованія. Самое дорогое въ ней было то, что она давала студентамъ прекрасное умственное развитіе и дѣлала ихъ способными ко всякой работѣ на всѣхъ возможныхъ поприщахъ служенія церкви, отечеству и просвѣщенію.

А. Катанскій.

Вопросъ о мѣстной латыни въ связи съ ея вліяніемъ на латинскій языкъ древнихъ западныхъ христіанъ.

(Историческій обзоръ) *).

Въ настоящее время, послѣ вновь появившихся изслѣдованій и научныхъ замѣтокъ по вопросу о провинціальной и, въ частности, африканской латыни, было бы странно говорить о латинскомъ діалектѣ въ Африкѣ, какъ говорилъ авторъ книги Die lokalen Verschiedenheiten d. lat. Sprache, s. 77—143 [1]), и какъ высказывался еще въ 1893 году Thielmann въ статьяхъ о латинскихъ переводахъ книги Премудрости и книги сына Сирахова [2]). Теперь придется, конечно, также признать съ Кроллемъ и Гейеромъ, что если для латыни Галліи, Испаніи и Италіи могутъ быть указаны лишь очень не многія провинціальныя особенности, даже въ случаѣ привлеченія ранней средневѣковой латыни до VII вѣка, то мыслимо ли, чтобы въ Африкѣ уже во II и III столѣтіи существовало такое множество мѣстныхъ отличій, какъ полагаютъ нѣкоторые? Теперь уже нельзя отстаивать, какъ безъ колебаній дѣлали прежде, того сомнительнаго (какъ сдержанно выражается Кролль) положенія, что языковая особенность, въ первый разъ засвидѣтельствованная въ извѣстное время и извѣстной мѣстности, необходимо и появилась впервые именно здѣсь и въ это время: случайная древность преданія не можетъ имѣть рѣшающаго значенія при опредѣленіи времени самого факта, о которомъ

*) Окончаніе См. іюньскую кн. „Христ. Чт.“.

[1]) Сравн. Hartel о книгѣ Зиттля въ Philol. Anzeiger 1883, s. 777—789.

[2]) Archiv. VIII, 235 ff.; 501—561; срав. Geyer въ Jahresber. Bd. 98, 1898, s. 80. 82.

говоритъ традиція. Однако, при устраненіи преувеличеній крайнихъ защитниковъ африцизма, врядъ ли слѣдуетъ отвергать самый взглядъ, даже въ самыхъ общихъ его очертаніяхъ, полностію и безусловно. Въ существѣ этого взгляда, взятаго въ общемъ его видѣ, и даже въ нѣкоторыхъ его подробностяхъ есть, кажется, нѣчто неоспоримо вѣрное. Самъ Кролль въ 1897 г. писалъ: «A priori можно предполагать особое діалектическое развитіе латыни Африки, которая къ этому развитію была предназначена своимъ заморскимъ положеніемъ и бывшимъ въ ней смѣшеніемъ разныхъ народностей и культуръ», хотя и прибавлялъ, что «у насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, тѣхъ контролирующихъ данныхъ a posteriori, которыя существуютъ для другихъ провинцій въ живущихъ доселѣ романскихъ языкахъ» [1]). По мнѣнію того же ученаго, было бы неправильно отрицать, что во время Апулея и Тертулліана могли быть зачатки отдѣльнаго развитія той латыни, которою говорили въ Африкѣ; но доставшійся намъ языковой матеріалъ не позволяетъ узнать объ этихъ діалектическихъ особенностяхъ чего-либо больше, кромѣ нѣсколькихъ ненадежныхъ частностей [2]). Кролль не возражалъ противъ мысли о нагроможденіи риторическихъ средствъ, какъ особенности африканской латыни [3]), допускалъ, что африканскіе авторы раньше другихъ послѣдовали склонности народа описывать и усиливать степени сравненія [4]), признавалъ въ соединеніи формъ положительной и превосходной степени выраженіе склонности къ странной дисгармоніи, которая, по нему, особенно выступаетъ у африканцевъ [5]), говорилъ, что существовавшую литературную моду на поэтическія выраженія африканцы усилили вліяніемъ своего живого темперамента [6]). И Гейеръ въ рефератѣ о трудѣ Кюблера признавалъ, что вульгарные и архаическіе элементы были представлены въ африканской латыни особенно сильно [7]), а въ отчетѣ о статьѣ Кролля, вслѣдъ за указаніемъ, что «Кролль старается относительно разныхъ кажущихся особенностей африканской латыни доказать, что онѣ не ограничиваются Африкой», сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «что относительно многихъ особенностей численный перевѣсъ находится на сторонѣ Африканцевъ, этого отрицать нельзя» [8]). Въ этихъ словахъ слышится какъ будто

---

[1]) Rhein. Mus. 1897, s. 571—572. [2]) Ibid., s. 590.
[3]) Ibid., s. 582. [4]) Ibid., s. 586. [5]) Ibid., s. 587.
[6]) Ibid., s. 589. [7]) Jahresber. 1898, III, Bd. 98, S. 79 f.
[8]) Ibid., s. 77.

не прямое признаніе значенія этой численности, не устраняемаго мыслію о случайномъ богатствѣ сохранившейся африканской письменности, а въ вышеприведенныхъ уступкахъ видится и болѣе прямое ограниченіе выводовъ критики. Почему особенное или болѣе раннее обнаруженіе и развитіе въ африканской письменности нѣкоторыхъ чертъ позднѣйшей латыни не можетъ свидѣтельствовать о наличности африцизмовъ хотя бы въ этомъ ограниченномъ смыслѣ? Не естественно ли, далѣе, предположить, что преимущественное усиленіе нѣкоторыхъ особенностей поздней латыни именно въ Африкѣ находилось въ зависимости отъ мѣстныхъ условій? Въ прежнее, даже не очень давнее, время, отдѣленное отъ нашего какими-нибудь двумя десятками лѣтъ, не рѣдко говорилось, что на языкѣ африканскихъ писателей отразился жаръ африканскаго солнца и горячая кровь, бившая въ ихъ жилахъ. Мысль, выраженная въ этой образной формѣ, теперь отрицается. Но отчего все же не придать ей нѣкотораго значенія? Развѣ не говоримъ мы, и не безъ основанія, о вліяніи южнаго горячаго темперамента на дѣйствія южанъ (кавказцевъ, итальянцевъ и проч.)? Почему и языкъ не можетъ быть—въ нѣкоторой мѣрѣ—поставленъ въ рядъ съ другими обнаруженіями духовной жизни людей?

При наличности нѣкоторыхъ этнографическихъ и культурно-историческихъ, а можетъ быть и физическихъ или физіологическихъ условій [1]), дѣйствовавшихъ въ Африкѣ съ большею, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, силою, могли обозначиться здѣсь съ значительно бо́льшею рельефностью, чѣмъ въ другихъ странахъ, нѣкоторыя черты латыни. Особливо выпуклое выраженіе этихъ чертъ въ языкѣ африканскихъ латинянъ, придающее нѣкоторую своеобразность и ихъ стилю [2]), и есть

---

[1]) R. Pichon, Lactance, 1901, p. 192: „Вслѣдствіе ли вліянія климата и расы, или просто вслѣдствіе литературной традиціи, которая переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію, африканскіе писатели постоянно обнаруживаютъ своеобразную манеру письма: они больше, чѣмъ всѣ другіе, любятъ короткія фразы, абстракціи, антитезы, симметрическія метафоры". Французскій авторъ, какъ и нѣкоторые нѣмецкіе, видимо также не прочь допустить вліяніе и климата и расы на языкъ въ данномъ случаѣ. Это подтверждаютъ и дальнѣйшія его слова.

[2]) Сравн., для примѣра, Ferrère, De Victoris Vitensis libro qui inscribitur Historia persecutionis etc., 1898, p. 78, adnot., гдѣ признается африканскій стиль. Не излишне мимоходомъ замѣтить, что G. Boissier въ Journal des Savants, 1895, 1, 35—46, признаетъ за сочиненіемъ Mon-

то, что можно, повидимому, опредѣлять терминомъ Africitas. Почти все, что наблюдалось въ латыни жителей Африки, замѣчалось и въ языкѣ обитателей прочихъ областей латинскаго міра; но кое въ чемъ сравниваемые виды латыни представляли разность между собою, особенно количественную. Гоппе, упоминая, что Зиттль взялъ назадъ многое изъ того, что раньше утверждалъ, прибавляетъ: «онъ, быть можетъ, если не ошибаюсь, отказался отъ слишкомъ многаго» [1]). Это замѣчаніе можно, кажется, принять безъ опасности допустить ошибку, и въ настоящее время. Слѣдуетъ, повидимому, одобрить и другую оговорку, сдѣланную Гоппе, расширивъ только ея значеніе. Нѣмецкій ученый, указывая африканизмы у Тертулліана, предполагалъ и допускалъ, что немалая часть будетъ исключена, когда станетъ болѣе извѣстенъ составъ всей поздней латыни. Эту оговорку надлежитъ распространить на всю область кажущихся особо развитыми въ Африкѣ свойствъ латинской рѣчи. Впрочемъ, придавать упомянутой оговоркѣ рѣшительное значеніе представляется рискованнымъ. Правда, есть опасность признать какое-либо языковое явленіе если не исключительно, то по преимуществу африканскимъ, только потому, что оно хорошо засвидѣтельствовано единственно для Африки, между тѣмъ какъ послѣднее обстоятельство (какъ обычно утверждается) можетъ оказаться случайнымъ, проистекающимъ только изъ состава сохранившихся литературныхъ памятниковъ [2]). Но вѣдь, съ другой стороны, теперешней неизвѣстностью литературныхъ памятниковъ отъ даннаго времени изъ другихъ (кромѣ Африки) провинцій совсѣмъ не можетъ съ необходимостью предполагаться дѣйствительное существованіе ихъ въ этихъ провинціяхъ въ древности. Африканскія

---

ceaux объ языческихъ африканскихъ писателяхъ большое научное значеніе и только отмѣчаетъ въ немъ нѣкоторыя преувеличенія и неточности, въ частности разъясняетъ, что Монсо заходитъ слишкомъ далеко въ стремленіи объяснить языковыя явленія мѣстными условіями („Филологическое Обозрѣніе", IX, 1895, отд. II, стр. 56). Едвали однимъ „ученымъ упрямствомъ" или склонностью мыслить въ разъ принятомъ направленіи можно объяснить и возраженія такого изслѣдователя, какъ Wölfflin, на статью Kroll'я въ Rh. Mus. 1897, 569—590, изложенныя въ Archiv, X (1897), 4, 533—540.

[1]) H. Hoppe, De serm. Tert., 1897, p. 2. Сравн. нѣсколько иного рода сужденія (правда, по частному вопросу) въ H. Hoppe, Tertullianea, въ Festschr. z. 350—j. Jub. d. Gymn. zu Bielefeld, 1908, pag. 46—47.

[2]) Срав. Bayard, Le Latin de Saint Cyprien, 1902, pag. XXIV, not. 1.

свидѣтельства могутъ и не быть такими свидѣтельствами, которыя сохранились лишь случайно.

Въ частности, африканскою особенностью латинской рѣчи можно считать значительную распространенность въ Африкѣ такихъ оборотовъ, которые, не совсѣмъ безъ основанія, называются пунизмами [1]). Африканцы, напримѣръ, употребляютъ отвлеченное существительное вмѣсто нарѣчія, произведеннаго отъ соотвѣтствующаго прилагательнаго. Этому употребленію, какъ полагаютъ, могло по крайней мѣрѣ содѣйствовать и его поддерживать то обстоятельство, что у семитовъ не было соотвѣтствующихъ нарѣчій [2]). То же вліяніе могло сказаться въ употребленіи степеней сравненія [3]), именно въ значительной численности отступающихъ отъ нормы компаративныхъ сочетаній, хотя самый фактъ такихъ сочетаній извѣстенъ и въ латыни внѣ Африки. Въ латинскомъ языкѣ Африки было много заимствованій изъ греческой рѣчи, которая, рядомъ съ пуническою, въ теченіи долгаго времени была довольно распространена въ Карѳагенѣ и во всей проконсульской провинціи [4]). Апулей упоминалъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который loquitur nunquam nisi punice et si quid adhuc a matre graecissat: enim latine neque vult neque potest. Въ «Страданіи» св. Перпетуи и Фелицитаты (начала III вѣка) къ латинской рѣчи примѣшаны въ большомъ количествѣ греческія выраженія (напр. «bene venisti,

---

[1]) Срав. Miodoński противъ самокритики Зиттля въ вопросѣ о пунизмахъ. H. Leclercq въ 1907 году считалъ еще невозможнымъ опредѣлить, въ какой мѣрѣ языкъ, принесенный изъ Италіи въ область Утики, сопротивлялся или поддавался вліянію идіомовъ семитическихъ, пуническаго и ливійскаго (H. Leclercq въ Cabrol Dictionnaire I, 1, 747).

[2]) Sittl, Die lok. Versch., 107; Hoppe, Synt. u. Stil. d. Tert., 1903, s. 30, указываетъ у Тертулліана Abl. modi: „necessitate" (= necessario), „temeritate" (= temerarie или temere), „animo" (= animose i. e. fortiter), „iniustitia" (= iniuste), и по поводу такого употребленія замѣчаетъ: „nach Schmalz ³ § 85 A. hat hier der Umstand förderlich gewirkt, dass die Semiten keine Adberbien haben". Этотъ взглядъ былъ выраженъ Schmalz'емъ еще въ обработкѣ его синтаксиса для перваго изданія Handbuch'a, hrsg. von Iwan Müller (II B., 1885), § 93 Anm. 1. Сравн. примѣры, приведенные на цитованной страницѣ книги Зиттля.

[3]) Hoppe, De serm. Tert., 48: constat scriptores Afros vim et notionem graduum non iam recte sensisse, corruptos semitica lingua et comparativo et superlativo carente.

[4]) Сравн. статью „Изъ исторіи уясненія древне-латинскаго и Іеронимова текста Библіи" въ „Хр. Чт.", 1913, февр., стр. 219, примѣч. 3.

tegnon»), встрѣчаются конструкціи, образованныя по аналогіи съ греческимъ синтаксисомъ (срав. «me clamavit» и «ἐκάλεσέν με», «non me nocebit» и «οὐ μή με βλάψῃ»). И въ употребленіи чисто латинскихъ словъ и выраженій бросается въ глаза многое. По наблюденіямъ, напримѣръ, надъ латынью «Мученичества» Перпетуи, изложеннымъ Bayard'омъ, эта латынь не имѣетъ тѣхъ неправильностей, которыя замѣтны въ народной латыни пяти писемъ (въ томъ числѣ трехъ африканскихъ), присоединенныхъ къ корреспонденціи Кипріана [1]), но она отличается и отъ обыденнаго языка классической эпохи, и отъ латыни тщательно отдѣланныхъ памятниковъ, написанныхъ африканцами, напримѣръ Минуціемъ Феликсомъ, почти въ одно время. Здѣсь встрѣчаются необычныя выраженія, каковы: «sufferentia» = patientia, «inquit» = inquam, «commanducans» = manducans cum, «desub» = sub, и слова съ значеніемъ не прежнимъ, напр. «commeatus» = libertas, «exterminare» = perdere, «sustinere» = expectare, «ipse» = idem и проч. Это былъ, какъ полагаютъ, обиходный языкъ хорошаго общества въ Карѳагенѣ и сосѣднихъ городахъ [2]). Въ языкѣ людей, не получившихъ образованія, было, разумѣется, гораздо больше несоотвѣтствій съ нормами рѣчи, которыя были установлены употребленіемъ у лучшихъ писателей и правилами грамматиковъ. Указываются, въ числѣ другихъ, слѣдующія особенности, извлекаемыя изъ сравненія христіанскихъ надписей [3]) и относящіяся по преимуществу къ фонетикѣ [4]): смѣшеніе звуковъ «о» и «u», напримѣръ «volontatis», и «ae» съ «е», напр. «maemoria», «piaetas», «pacae»; удвоеніе «u» въ «fratruum» и под., «i» въ «ipsiius»; приставка гласнаго «i» въ «ispirito»; опущеніе конечнаго согласнаго звука въ начертаніи, а слѣдовательно и въ произношеніи, особенно «m» и

[1]) Это и естественно: по словамъ (неизвѣстнаго съ точностію, хотя и угадываемаго съ вѣроятностью) автора нѣсколькихъ строкъ, предпосланныхъ разсказу Перпетуи, она—honeste nata, liberaliter educata. Franchi de Cavalieri, Pass. Perp. et Felicit., 1896, p. 1; Bayard, p. XVII—XVIII.

[2]) Bayard, p. XVIII.

[3]) H. Leclercq, Les langues parlées en Afrique, въ Cabrol, Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, tom. I, 1-re partie (1907), col. 752.

[4]) Кое что здѣсь могло быть результатомъ простой ошибки несвѣдущаго въ орѳографіи рѣщика или даже описки и потому можетъ не свидѣтельствовать о произношеніи.

«s», напримѣръ «centu», «Deu»; опущеніе придыхательнаго «h», именно въ началѣ слова, напр. «ora», и въ срединѣ—„Cristus»; опущеніе удвоенія звука въ «vixit anis tres»; выпускъ «n» въ «trasmarinus»; приставка «h» въ «hac», «diachonus», «casthe»; употребленіе «cx» вмѣсто «x» въ «instrucxit», «vicxit«; смѣшеніе «b» и «v», напримѣръ «b» вм. «v» въ «abus» и «probidentia», «v» вм. «b» въ «vone» и «valevit»; смѣшеніе «d» и «t» въ «ed», «quot», употребленіе «c» вм. «qu» въ «recievit», смѣшеніе «n» и «m» въ «nobenbres»; неправильное образованіе множественнаго числа, какъ «generes» (отъ gener); употребленіе слова «sermo» вмѣсто «verbum», и т. п., необычныя глагольныя формы и, наконецъ, своеобразная просодія [1]).

Приведенныя, для примѣра, черты латыни, наблюдаемой въ Африкѣ, въ связи съ вышеуказанными ея особенностями общаго свойства, могутъ дать нѣкоторое представленіе о томъ, что въ ближайшіе годы относится къ Africitas. Неоспоримо однако, что такъ наз. африканская латынь еще далеко не можетъ считаться опредѣленною съ точностью, въ виду особенно совпаденія многихъ явленій въ языкѣ африканцевъ съ языкомъ другихъ провинціаловъ и даже отчасти италійцевъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ о существованіи африцизмовъ въ намѣченномъ выше смыслѣ нельзя считать рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ [2]).

Нѣкоторыя, изложенныя выше, общія и частныя наблюденія могутъ быть примѣнены и къ латыни нѣкоторыхъ другихъ провинцій римскаго государства. Эти провинціи имѣютъ то общее между собою, что распространенная въ нихъ народная латынь перешла потомъ въ то или иное, въ зависимости

[1]) Въ Compte rendu de l'Académie des Inscr. 1904, p. 697, была приведена слѣд. надпись: „bide diote bide•possas plurima bide". R. Engelmann (B. ph. W. 1906, 35, 1118—1119) видитъ въ этой надписи гекзаметръ, разумѣется съ африканской просодіей и проч., и читаетъ ее такъ: „Bide (вмѣсто Vide), Diote, bide, poss(id)as plurima, bide". По его мнѣнію, неодинаковое измѣреніе „vide" (— ⏑ и ⏑ —), какъ и форма „possidas", въ надписи изъ сѣверной Африки смущать не можетъ.

[2]) Характерно, въ качествѣ симптома, колебаніе во взглядѣ у Thieling'a. Въ своей книгѣ Der Hellenismus in Kleinafrika, 1911, s. 176—177, онъ совершенно отрицаетъ „африканскую латынь", но здѣсь же говоритъ, что die Annahme einer besonderer Sprachentwicklung (въ Африкѣ) ist fast ausgeschlossen.

отъ мѣстности, романское нарѣчіе [1]), и каждое изъ этихъ нарѣчій можетъ служить повѣрочнымъ средствомъ при оцѣнкѣ литературныхъ указаній на явленія въ мѣстной латыни [2]).

---

[1]) Относительно термина „романскій" интересны указанія V. Crescini въ статьѣ Romana lingua, напечатанной въ двухтомныхъ Miscellanea di Studi in onore di Attilio Hortis, Triest 1910. По одному изъ отзывовъ объ этомъ трудѣ, авторъ исходитъ изъ замѣчанія Diez'a, что римляне обозначали свой языкъ терминомъ „latina". Дицъ зналъ только одинъ примѣръ выраженія „romana lingua"; Crescini приводитъ дальнѣйшія доказательства изъ времени имперіи и, затѣмъ, изъ среднихъ вѣковъ. Во многихъ случаяхъ выраженіе „romana lingua", безъ сомнѣнія, равнозначуще съ „latina lingua"; но рядомъ съ этимъ наблюдается и иное: „latina lingua" есть „lingua letteraria", выраженіе же „romana lingua" служитъ обозначеніемъ латыни разговорной и народной, „il latino parlato e popolare (H. Rabe въ B. ph. W. 1910, 40, 1254). Сравн. G. Paris, Mél. lingu., 1906, p. 3 ss.

[2]) По вопросу о связи латыни, и въ частности народной латыни, съ романскими языками могутъ быть названы слѣдующіе труды:

Fuchs, Die romanischen Sprachen in ihrem Verhältnisse zum Lateinischen, Halle 1849.

Pott, Das Latein im Uebergang zum Romanischen, въ Zeitschrift f. Altertumsw., 1853—1854.

Pott, Plattlateinisch und Romanisch, въ Ztschr. f. vergl. Sprachforschung, hrsg. v. Kuhn, t. 1.

Bücheler, Altes Latein, въ Rhein. Mus. 37, 1882, s. 517 ff.; сравн. Jahresber. Bd. 40, 1884, s. 327.

Eyssenhardt, Römisch und Romanisch, ein Beitrag zur Sprachgeschichte, 1882; сравн. рефератъ въ Jahresber. Bd. 40, 1884, s. 318.

Rebling, Latenisches und Romanisches, 1882. (Separatabdruck aus d. Festschrift zur Einweihung des neuen Gymnasiums in Wesel, s. 93—97); сравн. рефератъ въ Jahresber. Bd. 40, 1884, s. 136—138 (K. Georges).

Sittl въ Jahresbericht Bd. 40 (1884, III), s. 321 ff., и Bd. 68 (1891, II), s. 283—286, гдѣ обозрѣваются научныя работы по вопросу.

G. Gröber, Vulgärlateinische Substrate romanischer Wörter, въ Archiv, I, II, III, IV, V, VI; сравн. Jahresber. Bd. 68, s. 283 ff.

Fr. Diez, Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen, 4 Ausg. mit einem Anhang von A. Scheler, 1878. Сравн. Index zu Diez' Etymol. Wörterbuch d. rom. Spr. von Jarnik, 1878.

Alois Vaniček, Griech-lat. etymologisches Wörterbuch, I—II, 1877.

Diez, Grammatik d. rom. Sprachen, 5 Aufl. 1882.

E. Seelmann, Die Aussprache des Latein nach physiologisch—historischen Grundsätzen, 1885, s. 193. 195.

G. Körting, Lateinisch-romanisches Wörterbuch, 1889. 1907.

Walde, Lat. etymol. Wörterbuch, 1906.

W. Meyer, Die lat. Sprache in den roman. Ländern, въ Grundriss d. roman. Philologie, hrsg. von Gröber, Bd. 1, 1888, 1-er Abschnitt; сравн.

Данныя, представляемыя романскими языками, могутъ быть очень полезны для уясненія явленій въ латыни [1]), и, въ свою очередь, сами могутъ уясняться соотвѣтствующими фактами въ латинской рѣчи. При этомъ имѣются въ виду не только факты въ родѣ признаваемаго нѣкоторыми учеными перехода Тертулліановыхъ новообразованій въ романскіе языки [2]), но и

Seelmann въ Gött. gel. Anz. 1890, s. 665 ff., и W. Meyer (о мотивѣ этой рецензіи) въ Ztschr. f. rom. Ph. 1891, s. 281 ff.

Gröber въ Grundriss I, 451.

Hammer, Die lokale Verbreitung frühester romanischer Lautwandlungen in alten Italien, 1894.

Monceaux, Le latin vulgaire, въ Revue des deux Mondes 1891, vol. 106, p. 429 ss.

Richter, Zur Entstehung der roman. Wortstellung aus d. lateinischen, 1903.

Geyer, Alte und neue Philologie in ihrem gegenseitigen Verhältniss, въ Blätter f. d. bayer. Gymnasialschulwesen, XXVII, s. 151 ff.

G. Paris, Mélanges linguistiques, 1906.

Fritz Müller-Marquardt, Die Sprache der alten Vita Wandregiseli, Halle, 1912 s. 113. 119. 122. 138—139. 248—249. (Отзывъ Д. Шестакова объ этой книгѣ—въ ж. „Гермесъ“ 1913, 10, 263—4).

Meyer-Lübke, Romanisches etymologisches Wörterbuch; выходитъ выпусками въ Гейдельбергѣ.

Рядъ замѣтокъ разныхъ лицъ въ Archiv f. lat. Lexikogr. u. Grammatik, въ Glotta и друг. изданіяхъ, гдѣ сближались латинскія слова съ романскими.

Соотвѣтствующіе отдѣлы въ Historische Grammatik der lat. Sprache, bearb. von Blase, Landgraf, Schmalz, Stolz и друг., въ Lindsay, The Latin Language, по нѣмецкому изданію въ переводѣ Nohl, и другихъ подобныхъ трудахъ.

Обзоръ работъ по разсматриваемому предмету показываетъ, что уясненію его не мало помогли и латинисты, не прошедшіе той школы, которую проходятъ романисты. Для примѣра можно указать на Рёнша. Занятія народнымъ и библейскимъ языкомъ и глоссаріями привели его къ романскимъ языкамъ, и онъ далъ рядъ романскихъ этимологій, которыя могутъ пригодиться и романисту, и латинисту. Знаніе народной латыни открыло ему возможность пойти во многихъ случаяхъ по надлежащему пути (Vollmöller въ некрологѣ Рёнша, s. 162).

[1]) Сравн., напримѣръ, W. Meyer-Lübke, Zur lat. Vokalquantität, въ Wiener Studien, 1895, s. 314 — 323. Здѣсь, на основаніи романскихъ языковъ, опредѣляется количество ряда латинскихъ словъ. О значеніи поздней латыни и романскихъ языковъ для взаимнаго ихъ уясненія см. Wölfflin, Lat. u. rom. Comparation, Vorw., III.

[2]) Hauschild, Die Grundsätze und Mittel der Wortbilduug bei Tertullian, 1876, предварительныя замѣчанія zur Orientirung; Hoppe, Synt. u. Stil d. Tert., 1903, s. 115.

несомнѣнная наличность въ памятникахъ поздней, въ томъ числѣ и христіанской, литературы задатковъ или зачатковъ явленій, развившихся потомъ въ романскихъ языкахъ [1]). Это обстоятельство представляетъ важность не только въ научномъ отношеніи, но и въ школьно-практическомъ [2]).

Коснемся латыни, наблюдаемой въ Галліи, многое, на взглядъ нѣкоторыхъ, перенявшей отъ африканской латыни [3]). Можно ли говорить объ особой, хотя бы только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, латыни Галліи?

Довольно точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ виду научныхъ изслѣдованій его, высказанъ Abel'емъ въ 1904 году. Справедливо замѣтивъ, что времена, когда вѣрили въ существованіе рѣзко выраженной латыни галльской, африканской и т. д., давно прошли, авторъ, однако, вслѣдъ за симъ, говоритъ: «но съ другой стороны извѣстныя слова и обороты нужно все таки отнести къ галльскому идіому» [4]). Конечно, у риторически образованныхъ писателей, каковы напримѣръ Иларій или Сидоній, было бы трудно искать галльскихъ провинціализмовъ [5]), хотя это и не представляется совершенно невозможнымъ [6]). Притомъ самый фактъ особаго развитія риторики въ Галліи можетъ, кажется, характеризовать латынь Галліи со стороны ея особенностей [7]). Довольно ясные слѣды галльской латыни усматриваются нѣкоторыми изслѣдователями въ книгѣ Мар-

---

[1]) Такъ, употребленіе падежей у Коммодіана представляетъ начатки или зародыши явленій, которые въ романскихъ языкахъ стали осуществившимся фактомъ. Такого рода измѣненія появились сначала въ рѣчи народа, а потомъ и въ книжномъ языкѣ. См. Schneider, Die Casus, Tempora und Modi bei Commodian, 1889, и Zeller, Die Zeit Kommodians, 1909, s. 92 и друг. Сравн. Bellanger, In Ant. Plac. Itiner., 1902, prooem., 1, и друг.

[2]) Латинскій языкъ сближался, напримѣръ, съ французскимъ и въ спеціальныхъ интересахъ школы. При этомъ имѣлась въ виду, какъ и естественно, латынь классическая. Срав. Thiele, Formen and Wortschatz des klassischen Latein in ihrem Werte für die schulmässige Erlernung des Französischen, Progr. 1910.

[3]) Jahresber. Bd. 68 (1891), s. 264.

[4]) Abel, Studien zu Cassianus, 1904, s. 15.

[5]) Geyer въ Jahresber. Bd. 98, s. 69, выражаетъ эту мысль рѣшительнѣе.

[6]) Сравн. относительно Сидонія Mohr, Zu Apoll. Sidonius, Osterprogr. 1886, s. 14.

[7]) Budinszky, 108 ff., Norden, II, 631 ff., Abel, Studien zu Cassianus, 44 ff.

целла Эмпирика, разсмотрѣнной со стороны языка P. Geyer'омъ[1]). Составленная въ первой четверти V столѣтія, книга галльскаго врача мало обращала вниманіе филологовъ; между тѣмъ Марцеллъ не безынтересенъ именно какъ представитель языка Галліи, подобно тому, какъ Cassius Felix и Caelius Aurelianus считались свидѣтелями Africitatis и, въ качествѣ таковыхъ, были внимательно разсмотрѣны Вельфлиномъ [2]). Geyer находитъ невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ, у котораго много разъ встрѣчаются кельтскія названія растеній его родины, многочисленныя ἅπαξ εἰρημένα и вульгаризмы, старательно избѣгалъ провинціализмовъ, когда къ тому же онъ не пренебрегалъ получать отъ простого человѣка сообщенія о домашнихъ и симпатическихъ средствахъ, какъ объ этомъ пишетъ самъ онъ въ praef. § 2: nec solum veteres medicinae artis auctores— — lectione scrutatus sum, sed etiam ab agrestibus et plebeis remedia fortuita atque simplicia, quae experimentis probaverant, didici [3]). Галльскіе провинціализмы, по Гейеру, дѣйствительно оказываются у Марцелла, напримѣръ «cadivus» (qui caduco morbo laborat)=epilepticus (слово, которое у Григорія Турскаго въ Vita Martini прямо засвидѣтельствовано какъ провинціализмъ), «accentus»=incrementum febris, которое также представляется галлицизмомъ [4]). Наиболѣе важны, естественно, такія выраженія, которыя подтверждаются французскими реченіями, напримѣръ «glus»=фр. le glu [5]), «adrorare»=arroser, «carminare»=charmer и др. Geyer говорилъ, что если ему (какъ онъ надѣется) удалось указать съ увѣренностью по крайней мѣрѣ кое-что въ качествѣ гальскихъ провинціализмовъ или особенностей галльскихъ писателей, то цѣли своей онъ достигъ. Послѣ того, какъ въ теченіи нѣкотораго времени слишкомъ поспѣшно хватались за предположеніе о провинціальныхъ различіяхъ въ латыни, въ недавнее время обнаружились слѣды извѣстнаго отрезвленія, которое, однако, грозитъ впасть въ противоположную крайность. Даже такой ученый, какъ Bonnet,

---

[1]) Geyer, Spuren gallischen Lateins bei Marcellus Empiricus, въ Archiv VIII, 1893, s. 469—481.

[2]) Wölfflin въ Sitzungsber. d. bayr. Ак. 1880, s. 381 ff.

[3]) Geyer, l. c.

[4]) Archiv, VIII, 119; срав. Thes. L. L., s. v. cadivus.

[5]) Это слово встрѣчается также у Paulin. Petric., de vita Martini IV, 104; VI, 423.

который въ этомъ вопросѣ судитъ осторожно и сдержанно [1]), признаетъ все же, что по крайней мѣрѣ для поздней латыни могутъ быть указаны провинціальныя различія [2]). Правда, ихъ немного, и если Thesaurus и въ этой области увеличитъ добытое, то все же многаго не получится, такъ какъ главныя отличія романскихъ языковъ заключаются въ области не лексикона, но фонетики [3]). Языкъ Марцелла имѣетъ много сходнаго съ языкомъ паломницы, которая болѣе раннимъ изслѣдователямъ извѣстна была подъ именемъ Сильвіи, а позднѣй-

---

[1]) Le Latin de Greg. de Tours, p. 40, n. 3.

[2]) Bonnet допускаетъ особенности и въ раннѣйшей провинціальной латыни. Отрицая вообще вліяніе италійскихъ нарѣчій на латынь провинцій и утверждая, что римляне, приходившіе въ Галлію (гражданскія должностныя лица, офицеры, солдаты, торговцы, промышленники), говорили не на языкѣ Пренесты или Ланувія и т. п., а на языкѣ Лація, которымъ говорили въ Римѣ, онъ, однако, въ противорѣчіе этому, не хотѣлъ спорить противъ того, что каждый переселенецъ произносилъ латинскія слова такъ, какъ они выговаривались на его родинѣ, и примѣшивалъ выраженія, свойственныя родной мѣстности (Le Lat. de Gr. de T., p. 34; срав. p. 36 о томъ, что галлы въ разныхъ слояхъ населенія научались не одной и той же латыни, такъ какъ каждый галлъ вступалъ въ сношенія съ тѣми иммигрантами, которые подходили къ его общественному положенію). Общее положеніе французскаго автора о томъ, что всѣ италійскіе иммигранты говорили языкомъ Рима, представляется обобщеніемъ, сомнительность котораго предполагается уже однимъ тѣмъ (теоретическимъ) соображеніемъ, что простой человѣкъ, выселившійся изъ какого-нибудь угла Италіи въ провинцію, могъ долго говорить здѣсь только такъ, какъ привыкъ говорить на родинѣ.

[3]) Geyer, l. c., s. 480; срав. его рефератъ въ Jahresb. Bd. 98 (1898, III), s. 69. Въ отличіе отъ нѣмецкаго ученаго, крайнимъ, повидимому, защитникомъ галлицизмовъ у Марцелла является Chabert въ диссертаціи De latinitate Marcelli in libro de medicamentis, Paris 1897. Рѣзко критикуя эту книгу и характеризуя ее, Geyer замѣчаетъ: „что̀ въ нѣкоторой мѣрѣ отступаетъ отъ книжной латыни и соприкасается съ романскими особенностями, это безъ дальнѣйшихъ околичностей объявляется галлицизмомъ“ (Jahresb., Bd. 98, s. 70). Chabert, между прочимъ, высказалъ такое соображеніе: „Marcellum multo saepius „ex“ quam „e“ scripsisse, seu quia Galli regionem magis septentrionalem incolentes consonantibus eo magis delectarentur (conf. nunc Germanos), seu quia pronunciatione magis in dies vitiata praepositio „e“ sine „x“ vix iam in Gallia auribus perciperetur“. Если французскій авторъ первой половиной дилеммы хочетъ дать понять, что сѣверные народы, живущіе въ сравнительно суровыхъ мѣстностяхъ, склонны къ согласнымъ звукамъ, то какъ объяснитъ онъ, при своей точкѣ зрѣнія, преобладаніе гласныхъ у нашихъ финновъ, которые живутъ еще сѣвернѣе французовъ?—О языкѣ Марцелла см. еще Chabert въ Ann. de l'Université de Grenoble, 1901.

шими называется Этеріею или Эѳеріею (Aetheria), и которая, повидимому, также происходила изъ Галліи. Въ ея «Паломничествѣ» также указываются галльскія особенности [1]), а равно у Кассіана [2]). Мѣстныя черты въ нѣкоторыхъ памятникахъ галльской письменности спорны [3]). Признаются галльскія слова у Григорія Турскаго [4]). Слово «cavannus» въ codex Lugdunensis (Deut. 14, 15) считается галльскимъ провинціализмомъ [5]). Нѣкоторыя своеобразности отмѣчаются и въ галльскихъ эпиграфическихъ памятникахъ. Признается, что въ галльскую латынь вошли германскія слова и что изъ приводимыхъ Григоріемъ Турскимъ германскихъ словъ одно было латинизировано и, вѣроятно, усвоено галло-римлянами [6]). Слѣдуетъ, однако, никогда не упускать изъ виду, что, какъ показываетъ и лите-

---

[1]) О галльскихъ провинціализмахъ у Сильвіи-Этеріи см. Corpus, XXXIX, ed. Geyer, p. 37 sq.; Löfstedt, Philol. Komm. z. Peregr. Aeth., 5, также, въ частности, къ Peregr. 3, 4 („конечно, не случайность представляетъ десять разъ преданное въ нашемъ памятникѣ „hostium" вмѣсто „ostium"; уже Geyer въ Arch. IX, 300 считалъ эту форму галлицизмомъ и сближалъ съ фр. „huis"), къ 5, 10 („pro aetate").

[2]) Otto Abel, Studien zu dem gallischen Presbyter Iohannes Cassianus, Diss. 1904.

[3]) Hass, Studien z. Heptateuchdichter Cyprian, 1912, s. 6, говоритъ, что C. Becker, De metris in Heptateuch., Diss. 1889, „an positiven Gallizismen wenig oder nichts beigebracht hat", что по Cornu (Archiv, 1904, s. 192) Беккеръ не даетъ надежныхъ выводовъ, и что самъ онъ, Гассъ, изслѣдовалъ стихотвореніе съ цѣлью опредѣлить, есть ли въ немъ слѣды галльской латыни, но не пришелъ ни къ какимъ результатамъ.

[4]) См. Bonnet, p. 25, cf. 24, и сравн. Du Cange, s. v. Vasso и друг. Изъ болѣе раннихъ собраній матеріаловъ по вопросу о галльской латыни достойно пристальнаго вниманія то, которое было сдѣлано въ Lateinische und Griechische Messen aus dem zweiten bis sechsten Iahrhundert, hrsg. von Mone, 1850, s. 40 ff.

[5]) Въ отзывѣ R. Helm (B. ph. W. 1914, 17, 517) o Willy Hass, Studien zum Heptateuchdichter Cyprian, 1912, читаемъ: Bibeltext der Heptateuchdichtung hält er (der Verfasser) für gallisch; die Hauptrolle spielt dabei das Wort cavannus, das als gallisch mit einer gewissen Wahrscheinlichkeit nachgewiesen ist (vgl. Reisch, Th. l. L. III, 624, 4); der Berner Velgilscholiast sagt ausdrücklich: quam avem Galli cavannum nuncupant.

[6]) H. F. 4, 51, p. 186, 17: cum cultris ualidis quos vulgo scramasaxos uocant. Здѣсь распознаны слова: schram, кривой, и sahs, кортикъ. Другое слово дано подъ формой чисто германской: h. F. 9, 28, p. 383, 8: duabus pateris ligneis quas uulgo bacchinon uocant. Это—Becken. (Bonnet, Le Lat. de Gr., p. 27—28).

ратура предмета [1]), въ вопросѣ о галльскихъ особенностяхъ, какъ и объ африканскихъ, есть много неяснаго и спорнаго. Достойно вниманія, что Bonnet, авторитетный изслѣдователь поздней латыни, переходившей въ французскую рѣчь, склоненъ былъ, какъ отмѣтилъ Brewer, изъ всѣхъ синтаксическихъ особенностей признать своеобразнымъ галльскимъ образованіемъ только обозначеніе поссессивнаго отношенія посредствомъ предлоговъ «ad» и «ab» съ винительнымъ или творительнымъ падежомъ. Это сочетаніе встрѣчается, напримѣръ, въ конструкціяхъ: «terra ab illo homine» (=illius hominis) и «membra ad duus fratres» (=duorum fratrum) [2]). Впрочемъ, нѣкоторые другіе излѣдователи представляютъ особенности латыни въ Галліи

---

[1]) Кромѣ указанныхъ выше трудовъ, могутъ быть названы:

D' Arbois de Jubainville, La déclinaison latine en Gaule, 1872.

Schuchardt, I, 60 ff.

Clairin, Du genitif latin et de la préposition De. Etude de syntaxe historique sur la décomposition du latin et la formation du français. 1880.

Le Blant, Man. d' epigr. chr., passim.

Le Blant, Inscr. chr. de la Gaule. Préface, p. CXVI ss.

Geyer въ Wölfflins Archiv II, 25 ff. (Beiträge z. Kenntniss des gallischen Lateins), IV, 612 ff., VIII, 469 ff., VIII, 482 (Zur Bezeichnung d. Reciprocität im Gallischen Latein), также въ Jahresber. Bd. 98, s. 51.

Thurneysen, Zur Bezeichnung der Reciprocität im Gallischen Latein, въ Archiv VII, 523 ff.

G. Kohn, Die Suffixwandlungen im Vulgärlatein und im vorlitterarischen Französisch nach ihren Spuren im Neufranzösischen, 1891.

Huemer, Gall. Rhythmen und Gallisches Latein.

Brewer, Kommod., 353.

Neumann, Verzeichniss der auf die Aussprache und Rechtschreibung bezüglichen Eigenthümlichkeiten in den Inschriften aus Gallia Narbonensis, Progr. 1897—1898.

Leclercq, La langue des inscriptions latines de la Gaule, въ Rev. d. quest. histor., livr. 147, p. 123 ss.

Pirson, La phonetique des inscr. lat. de la Gaule. Liége.

Pirson, La langue des inscr. lat. de la Gaule. Bruxelles. 1901. Отз. P. Lejay въ Rev. crit. 1904, 8, 154—159.

Pirson, Le style d. inscr. lat. en Gaule, въ Musée Belge II, 2 (1898), 97—125.

C. C. Rice, The Phonology of Gallic Clerical Latin after the sixth century, Diss. Cambridge 1902.

Durel, Commodien, 1912, p. 311—312, и др.

[2]) Bonnet, Le lat. de Gr. de T., p. 45, 1; 41, 3; Brewer, Kommod. v. G., s. 147. Указанный своеобразный оборотъ встрѣчается и у Коммодіана. Engelbrecht, въ Proleg. къ его изданію сочиненій Fausti Reiensis, въ Corpus, vol. XXI, p. XXXIII, говоря объ особенностяхъ такъ наз.

болѣе значительными и ставятъ ихъ въ связь съ кельтскими вліяніями [1]).

Вопроса о томъ, были ли какія нибудь особенности въ латыни Ирландіи, которая находилась въ сношеніяхъ съ Галліей [2]), и въ латыни Британніи, которая также подвергалась романизаціи [3]), особо, кажется, почти не ставилось. Автору настоящаго очерка извѣстны, кромѣ сужденій Зиттля въ книгѣ Die lokalen Verschiedenheiten der lateinischen Sprache, только замѣчанія Гюбнера въ его изданіи христіанскихъ надписей Британніи [4]).

Археологическое прошлое Испаніи [5]) сравнительно мало извѣстно, и самое изслѣдованіе испанскихъ памятниковъ началось сравнительно недавно [6]). Однако латыни этихъ памятниковъ, особенно лапидарныхъ, довольно посчастливилось, благодаря главнымъ образомъ изслѣдованіямъ Hübner'a [7]), Carnoy [8])

галльской латыни, свойственныхъ многимъ авторамъ V вѣка, жившимъ въ Галліи, указываетъ слово „mediante", употреблявшееся вмѣсто предлога (итал. mediante, фр. moyennant), „inde istinc hinc" (фр. en) вмѣсто de ea, ista, hac re, „ita quod" съ изъявит. вмѣсто ita (sic) ut и подобн.

[1]) См. Bonnet, p. 44 ss. и Budinszky s. 114—116.

[2]) Сравн. Budinszky и извлеченія въ B. ph. W. 1909, 49, 1549 f. изъ Sitzungsberichte der Berliner Akademie объ изслѣдованіяхъ Zimmer'a.

[3]) Къ вопросу о романизаціи Англіи срав. въ B. ph. W. 1910, 38, 1195 ff. рецензію F. Haug о книгѣ Teuber, Beiträge z. Gesch. der Erober. Britanniens durch die Römer, 1909.

[4]) Inscriptiones Britanniae christianae, ed. Aemilius Hübner, 1876, pag. XVII ss. и p. 97. Здѣсь упоминается Rhys, Inscribed stones of Wales. О романизаціи Британніи со стороны языка есть нѣкоторыя указанія въ The Romanization of Roman Britain, by F. Haverfield, Oxford 1912, какъ видно изъ отзыва въ The Classical Review 1913, 3, 102—103, объ указанномъ второмъ изданіи труда Haverfield'a. Отзывъ о первомъ изданіи—въ B. ph. W. 1907, 16, 501—502 (F. Haug).

[5]) Сравн. † Skutsch, въ Glotta, III, 4 (1912), 374 объ „испанскихъ симптомахъ" въ древней латыни.

[6]) Срав. A. Schulten въ B. ph. W. 1911, 52, 1628 ff. и отзывъ G. Ficker'a въ Theol. Literaturzeitung 1907, 9, 275—7 о книгѣ Leclercq, L'Espagne chretienne, 1906.

[7]) Inscriptiones Hispaniae christianae, ed. Aem. Hübner, 1871; Additamenta ad Inscr. Hisp. chr. въ изданіи Inscr. Britanniae chr. 1876; Inscriptionum Hispaniae christianarum supplementum ed. Aem. Hübner, 1900, гдѣ въ особенности цѣненъ для историка языка Index XV: Grammatica.

[8]) Трудъ A. Carnoy, Le Latin d'Espagne печатался первоначально, съ 1901 по 1905 г., частями, въ бельгійскомъ журналѣ Le Muséon; были пущены въ продажу и отдѣльные оттиски первыхъ двухъ частей труда.

и Martin'a [1]), посвященнымъ языку надписей. Наблюденія Carnoy, напримѣръ, выяснили, въ числѣ другихъ, тотъ фактъ, что латынь Испаніи, насколько можно судить по эпиграфическимъ даннымъ, отличается сохраненіемъ, до сравнительно новаго времени, нѣкоторыхъ архаизмовъ въ падежныхъ формахъ, фактъ, объясняемый древней датой романизаціи испанскаго полуострова [2]); выяснили нѣкоторые испанизмы, напримѣръ употребленіе «tam magnus» вмѣсто «tantus», откуда вышло испанское «tamaño» [3]), преобладаніе «iste» и «ipse» надъ «ille» и «hic» [4]), существованіе только въ надписяхъ Испаніи нѣкоторыхъ словъ [5]). Вопросъ объ испанской латыни возникалъ также въ связи съ вопросами о родинѣ такъ наз. Сильвіи или Этеріи [6]), о языкѣ нѣкоторыхъ другихъ провинціальныхъ писателей, христіанскихъ [7]) и языческихъ, объ

Нѣсколько позже, для удовлетворенія спроса, въ нѣсколько дополненномъ и исправленномъ видѣ, трудъ этотъ вышелъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: Le latin d'Espagne d'après les inscriptions (2-me edition, Bruxelles 1906). Rec.: Boletin de la real Academia de la historia de Madrid, XLIV, V, 363 (Fita); Bulletin bibliogr. et pedag. du Musée Belge, X, 6, 232—4 (E. Remy); B. ph. W. 1902, 52, 1623—4 (F. Solmsen); Romania 1903, p. 307 (M. Roquez); Rev. cr. 1903, 26, 509 (E. Bourciez); Bolletino di filologia classica IX, 7 (L. V.); Archiv XIII, 4 (E. Herzog); Indogerm. Forsch., XVII, 1—3 (M. Niedermann); B. ph. W. 1907, 36, 1142—1143 (Solmsen); Revue critique 1907, 12, 221—222.

[1]) H. Martin, Notes on the syntax of the latin inscriptions found in Spain, Baltimore 1909. Rec.: Bolletino di filologia classica XVI, 7, 149—150; W. f. kl. Ph. 1909, 36, 979—980 (Gustafsson); Rev. cr. 1912, 7—8, 153—4 (J. D.); B. ph. W. 1911, 21, 653—4 (M. Niedermann). Одна изъ задачъ Martin'a (p. 5): incidentally to observe what light, if any, could be thrown on the relation between the latin of these documents and the spanish language.

[2]) Carnoy, p. 222. [3]) Carnoy, 244. [4]) Carnoy, 247.

[5]) Carnoy, 255. По Carnoy, p. 101—102, въ латыни испанскихъ надписей наблюдается склонность къ вокальной ассимиляціи, перешедшая и въ испанскій языкъ.

[6]) Löfstedt, Phil. Komm., s. 5 и др.

[7]) По Bellanger, Le poeme d'Orientius, 1903, p. 85—86, языкъ поэмы располагаетъ къ мысли о вліяніи Испаніи на ея автора (котораго, впрочемъ, Bellanger относитъ къ галльскимъ писателямъ): испанизмъ „tenere“ вмѣсто „habere“ встрѣчается въ Commonitorium нѣсколько разъ; тотъ же испанизмъ попадается дважды въ De Trinitate, одной изъ маленькихъ поэмъ, приписываемыхъ Оріенцію. Но въ другомъ изъ этихъ небольшихъ произведеній, именно въ Expl. nom. Dom., французскимъ ученымъ отмѣчается романизмъ галльскій, именно „obstare“ въ значеніи „ôter“. По Lapôtre, La Cena Cypriani, въ Recherches

африцизмахъ и о народной латыни, и по другимъ поводамъ [1]). Полученные результаты пока, кажется, не могутъ быть названы значительными [2]), тѣмъ болѣе, что надежность ихъ представляется часто спорною [3]). Нѣчто подобное утверждается и вообще по вопросу о мѣстной латыни [4]).

---

de science religieuse, 1912, 6. 594, P. Tailhan, Bibliothèques espagnoles au moyen âge, p. 302, n. 6 (въ Nouveaux mélanges d'archéologie P. Cahier'a), выразилъ мнѣніе, что „Cena Cypriani" составлена можетъ быть въ Испаніи, такъ какъ авторъ пользуется нѣкоторыми выраженіями, которыя встрѣчаются въ этой странѣ, напримѣръ словомъ „cardina" для обозначенія фіолетоваго цвѣта пурпура.

[1]) G. Paris, L'Appendix Probi, въ Mélanges Renier, p. 308, note 1: „Самый древній примѣръ приставки „i" предъ „sc" идетъ, повидимому, изъ Барселоны отъ II вѣка (Schuchardt, III, 271): „iscolasticus". Любопытно, что онъ идетъ отъ школьнаго учителя и, слѣдовательно, указываетъ на то, что это произношеніе не ограничивалось кругомъ людей невѣжественныхъ. Bonnet, p. 40, not., сообщивъ приведенное сужденіе, съ своей стороны замѣтилъ, что скорѣе должно удивлять то, что школьный учитель принялъ неправильную орѳографію. См. еще языковыя данныя, приведенныя у Budinszky, s. 73—75.

[2]) Одна изъ причинъ этого кроется, быть можетъ, въ самомъ существѣ испанской латыни. Martin, 1909, p. 48, замѣтивъ, что отступленія въ испанскихъ надписяхъ отъ нормальнаго употребленія менѣе часты, чѣмъ въ надписяхъ Галліи, что тамъ нѣтъ такого большого количества своеобразныхъ конструкцій и новыхъ словъ, прибавилъ, что это зависитъ отчасти отъ полной романизаціи Испаніи.

[3]) Характерно желаніе, выраженное Niedermann'омъ въ отзывѣ о диссертаціи Martin'a, чтобы авторъ нѣсколько всмотрѣлся въ другіе (кромѣ испанскихъ эпиграфическихъ памятниковъ) источники свѣдѣній о позднѣйшей народной латыни, а также привлекъ въ бо́льшемъ объемѣ соотвѣтствующую литературу по языкознанію. При выполненіи этого условія кое-что у него, по мнѣнію рецензента, получило бы болѣе правильное освѣщеніе. Anglade, въ диссертаціи о Peregrinatio Aetheriae, 1905, pag. XVI, допускаетъ выраженіе „испанская латынь" лишь въ условномъ смыслѣ: ut in illa saepissime fere nihil aliud quam quandam rationem commode loquendi videas.

[4]) Сравн. общее положеніе W. Kroll'я, выраженное имъ (мимоходомъ) въ Rhein. Museum, 1897, s. 572: „у галльскихъ, испанскихъ и италійскихъ авторовъ могутъ быть указаны лишь ничтожные (verschwindend geringe) слѣды мѣстныхъ идіотизмовъ". Относительно Италіи любопытна диссертація Hammer'a, Die lokale Verbreitung frühester romanischer Lautwandlungen im alten Italien, Halle 1894, и вызванная ею критика. По отзыву, выраженному въ Jahresber. Bd. 98, 1898, III, s. 42, при случайности и скудости сохранившагося матеріала, основанныя на немъ заключенія, естественно, не надежны. Нельзя однако забывать, что еще древними даже у Ливія усматривалась Patavinitas, состоявшая,

Итакъ, подобно народной и обиходной латыни, влiявшей на языкъ древнихъ западныхъ христiанъ, на этотъ языкъ производила нѣкоторое дѣйствiе и латынь мѣстная, латынь отдѣльныхъ областей римскаго государства, свойственными ей чертами. Это влiянiе не представляется однако значительнымъ и рѣзко бросающимся на видъ, какъ не кажутся особо замѣтными и мѣстныя особенности латинской рѣчи. Послѣднiя были не многочисленны, часто не составляли исключительной принадлежности только одной какой либо провинцiи, притомъ относились едвали не въ преимущественной мѣрѣ къ произношенiю, сторонѣ въ языкѣ не первостепенной важности, хотя и имѣвшей немалое значенiе по связи древней фонетики съ морфологiей и синтаксисомъ. Наконецъ, влiянiе бывшей въ употребленiи живой латыни на языкъ латинской письменности въ каждой странѣ часто сдерживалось и уравновѣшивалось дѣйствiемъ образованiя и литературнаго языка [1]).

А. Садовъ.

очевидно, въ присущихъ его рѣчи нѣкоторыхъ своеобразностяхъ говора, существовавшаго въ его родномъ городѣ Падуѣ. Составъ и объемъ этихъ своеобразностей не выясненъ; несомнѣнно, кажется, одно, что Ливiй, какъ и его землякъ Педiанъ, писалъ „sibe„ и „quase“, формы, засвидѣтельствованныя и мѣстными надписями. Quintil., Inst. Orat. VIII, 1, 3: Et in Tito Livio, mirae facundiae viro, putat inesse Pollio Asinius quandam Patavinitatem; I, 5, 56: Pollio deprehendit in Livio Patavinitatem; I, 7, 24: „Sibe“ et „quase“ scriptum in multorum libris est, sed an hoc voluerint auctores, nescio; T. Livium ita his usum ex Pediano comperi, qui et ipse eum sequebatur; haec nos „i“ littera finimus. О другихъ чертахъ, характеризующихъ нѣсколько своеобразную окраску латыни въ сѣверной Италiи, говорятъ Schuchardt, Vocalismus des Vulgärlateins, I, s. 90—91, и Budinszky, Die Ausbreitung der lat. Sprache über Italien und die Provinzen des röm. Reiches, s. 56—57.

[1]) Примѣръ—языкъ въ древней Vita Wandregiseli. См. выводы Müller-Marquardt'a, s. 121—122.

Современныя открытія въ области папирусовъ и надписей въ ихъ отношеніи къ Новому Завѣту *).

Но въ новооткрытыхъ документахъ почерпаются обильныя и непосредственныя свѣдѣнія не объ оффиціальныхъ лишь, т. ск., вѣрованіяхъ людей языческаго міра и ихъ религіозныхъ обычаяхъ и нравахъ, но содержатся въ изобиліи и такого рода данныя, кои позволяютъ видѣть доселѣ недоступные интимные уголки личной религіозно-нравственной жизни людей тогдашняго міра [1]), позволяютъ какъ бы уловить біеніе ихъ сердца, даютъ возможность проникнуть въ самый основной строй внутреннихъ вѣрованій, надеждъ и чаяній людей той эпохи. Особенно письма на папирусахъ съ возможною вѣрностью и наглядностью представляютъ намъ состоянія и переживанія древнихъ душъ [2]). Благодаря этимъ новооткрытымъ текстамъ, мы теперь лучше познакомились и со свѣтлыми и съ темными сторонами интимной жизни людей, къ коимъ была обращена проповѣдь евангельская [3]). Для характеристики религіозныхъ переживаній тогдашняго міра новооткрытые тексты содержатъ особенно обильныя данныя, ибо большая часть ихъ—прямо религіознаго содержанія. Таковы—многочисленныя надгробныя надписи въ стихахъ и прозѣ; таковы—молитвы и посвященія; таковы проникнутыя религіознымъ настроеніемъ частныя письма, гороскопы, амулеты, таблицы съ проклятіями, книги по магіи, оракулы и благодарственныя

*) Окончаніе. См. іюнь.

[1]) *A. Deissmann*, Licht vom Osten, S. 20. 5. 21; *H. Windisch*, Das Neue Testament, S. 208.

[2]) *A. Deissmann*, Licht vom Osten, S. 218.

[3]) *A. Deissmann*, The Philology of the Greek Bible, p. 36.

извѣстія о спасеніи отъ тяжкаго бѣдствія, разсказы о чудесахъ, якобы совершенныхъ при большихъ капищахъ [1]). И—въ противовѣсъ большею частію весьма неблагопріятнымъ сужденіямъ прежняго времени относительно религіозно-нравственнаго состоянія тогдашняго міра—теперь нерѣдко наблюдается въ отзывахъ современныхъ ученыхъ преувеличенный оптимизмъ. «Въ широкихъ слояхъ трудящагося люда мы найдемъ много здоровыхъ, трудолюбивыхъ, благонадежныхъ элементовъ, гдѣ семейное чувство и дружба сплачивали маленькихъ людей и дѣлали ихъ сильными; благословенія одной древней и относительно устойчивой культуры достигали до послѣднихъ деревень, и—что самое главное—глубокое религіозное стремленіе проникало весь этотъ міръ» [2]). «Если бы мы могли всѣ оригинальные документы языческаго благочестія въ ихъ существенныхъ оттѣнкахъ представить и окинуть однимъ быстрымъ взглядомъ, то мы получили бы то же самое впечатлѣніе, какое побудило Ап. Павла, послѣ обозрѣнія мѣстъ и предметовъ религіознаго почитанія въ Аѳинахъ, высказать въ ареопагѣ: «*по всему зрю вы аки благочестивыя*» (Дѣян. XVII, 22) [3]). Другіе ученые выражаются нѣсколько сдержаннѣе: «въ нисшемъ слоѣ народа все же сохранился еще богатый запасъ добраго, благочестиваго, здороваго настроенія и жизненной силы» [4]). Однако—прежде всего—приведенныя слова Апостола Павла болѣе или менѣе благопріятное [5]) сужденіе выражаютъ лишь въ виду того обстоятельства, что Апостолъ среди другихъ предметовъ культа нашелъ и жертвенникъ съ надписью: «невѣдомому Богу», и въ этомъ усмотрѣлъ искренность ихъ религіозныхъ исканій и нѣкоторую подготовленность къ христіанской проповѣди о единомъ истинномъ Богѣ [6]). И безпристрастное научное изслѣдо-

---

[1]) *A. Deissmann*, Licht vom Osten, S. 213; *P. Wendland*, Die Hellenist.—Röm. Literatur, S. 100.

[2]) *A. Deissmann*, Licht vom Osten, SS. 212—213.

[3]) *A. Deissmann*, Licht vom Osten, S. 213.

[4]) *H. Windisch*, Das Neue Testament, S. 212.

[5]) ὡς ограничиваетъ понятіе, оттѣняя въ немъ моментъ субъективный, т. е. Аѳиняне при обозрѣніи ихъ религіозныхъ памятниковъ *прѣдставляются* людьми особенно — по сравненію съ другими греками—религіозными.

[6]) До послѣдняго времени въ качествѣ историческихъ аналогій приводили обычно литературныя свидѣтельства изъ Павзанія, Филострата и Діогена Лаертійскаго, изъ коихъ видно, что въ Греціи въ древности иногда воздвигались „жертвенники безъ имени“ (ἀνώνυμοι βωμοί—

ваніе приходитъ къ тому заключенію, что «религіозная истина дана естественному человѣку лишь въ *стремленіи*, но не въ

у Діогена Лаертійскаго),—жертвенники „невѣдомымъ богамъ", каковые существовали въ Олимпіи (Павзаній: ἀγνώστων θεῶν βωμός, рядомъ съ жертвенникомъ Олимпійскому Зевсу), въ Фалеронѣ (древнѣйшая аѳинская гавань; Павзаній: βωμοὶ θεῶν ὀνομαζομένων ἀγνώστων) и въ самомъ городѣ Аѳинахъ (Филостратъ Vita Apollonii 6, 3: Ἀθήνησιν οὗ καὶ ἀγνώστων δαιμόνων βωμοὶ ἵδρυνται). При раскопкахъ въ Пергамѣ въ 1909 году найденъ не безъ поврежденій сохранившійся древній языческій жертвенникъ, съ поврежденнымъ также текстомъ надписи, содержавшей слова посвященія. Самая важная часть надписи—1-ая строка,—къ сожалѣнію, сохранила изъ второго слова только начало: θεοῖς ἀγ. H. Hepding, опубликовавшій надпись, высказалъ догадку, что второе слово было первоначально ἀγ—νώστοις). Эту догадку уже съ полною увѣренностію поддержалъ Дейсманъ (Paulus. Eine kultur — und religionsgeschichtliche Skizze. Tübingen, 1911, S. 178—181), хотя H. Hepding предположенное дополненіе еще ранѣе призналъ невѣрнымъ (Ath. Mitt. XXXV (1910), S. 456). Въ 1913 году появилась замѣчательная—по богатому собранію цѣннаго матеріала,—книга Eduard'a Norden'a „Agnostos Theos". Здѣсь, м. пр., приводится нѣсколько мѣстъ изъ древнихъ языческихъ писателей, гдѣ (независимо отъ упоминанія въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ) встрѣчается ἄγνωστος θεός въ единственномъ числѣ. Norden при этомъ воспользовался нерѣдко впервые литературными свидѣтельствами такого рода, кои сдѣлались извѣстными только въ послѣднія десятилѣтія истекшаго XIX столѣтія. Въ недавно (съ 1898 г.) сдѣлавшихся извѣстными извлеченіяхъ изъ произведенія Лаврентія Лида, напр., содержится слѣдующее мѣсто: „у богослововъ было и есть большое разногласіе относительно почитаемаго у евреевъ Бога... Ливій въ общей Римской исторіи называетъ почитаемаго іудеями Бога *невѣдомымъ* (ἄγνωστον τὸν ἐκεῖ τιμώμενόν φησι); согласно же съ нимъ Луканъ говоритъ, что въ Іерусалимѣ есть храмъ неизвѣстнаго Бога (ἀδήλου θεοῦ).—У Лукана дѣйствительно сохранилась рѣчь Помпея, въ коей онъ перечисляетъ покоренныя имъ страны земного круга. Здѣсь, м. проч., читаемъ: „Каппадокійцы боятся моихъ знаменъ и преданная почитанію, а равно неизвѣстнаго Бога (incerti dei) Іудея". Схоліастъ къ этому дѣлаетъ замѣчаніе: „Ливій—объ Іудеяхъ: какого изъ боговъ храмъ въ Іерусалимѣ,—они не называютъ, и нѣтъ тамъ никакого изображенія, ибо они думаютъ, что Богъ не имѣетъ и фигуры". Понятіе θεὸς ἄγνωστος оказывалось также однимъ изъ существенныхъ элементовъ гностической системы,—не только позднѣйшаго времени, но и на раннѣйшихъ начальныхъ ступеняхъ его развитія, которыхъ слѣдуетъ искать въ эпоху еще до-христіанскую. По крайней мѣрѣ, существованіе θεὸς ἄγνωστος отмѣчается (Иринеемъ Adv. haer. I, 23) еще въ системѣ Симона Мага и его послѣдователя Менандра, и такъ далѣе. Въ синкретистическія гностическія системы это понятіе проникло вмѣстѣ съ мистическою струею, изъ восточнаго религіознаго міровоззрѣнія.

И послѣ всѣхъ обстоятельныхъ справокъ совершенно неожиданнымъ оказывается заключеніе Нордена, что единственное число ἄγνωστος θεός по-

достигнутомъ состояніи». «Если даже, въ виду несомнѣнно присущихъ языческому религіозному сознанію запросовъ или постулатовъ безусловной истины, мы и будемъ усвоять язы-

---

коится не на выдумкѣ, а на дѣйствительныхъ фактахъ; но въ надписи на жертвенникѣ это понятіе, какъ религіозно-философская абстракція, конечно не имѣло никакого мѣста (S. 124). Однако, почему же—спросимъ,—въ какой-либо надписи (напр. благодарственной) изъ многихъ θεῶν ἀγνώστων не могъ быть выдѣлёнъ одинъ? Такъ именно и предполагаетъ св. Златоустъ: „Аѳиняне, принимавшіе въ разныя времена разныхъ боговъ и даже иноземныхъ, напримѣръ богиню Минерву, Пана и другихъ изъ другихъ странъ, боясь, чтобы не нашелся еще какой-нибудь богъ, невѣдомый имъ, но почитаемый въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ, для большей безопасности поставили жертвенникъ и ему; и такъ какъ этотъ богъ былъ неизвѣстенъ, то и написали: „невѣдомому богу". Твор. св. Іоанна Златоуста въ русскомъ переводѣ. Томъ девятый, книга первая (Спб., 1903), стр. 333. Или что мѣшаетъ предположить, что кто-либо изъ язычниковъ посвятилъ памятникъ даже прямо Богу іудеевъ, — характеризуя его наименованіемъ, придававшимъ Божеству ореолъ особой таинственности, но для нѣкоторыхъ—вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно—и ореолъ особой привлекательности, разъ „мистика", какъ подтверждаетъ и самъ Норденъ, сдѣлалась „рѣшительнымъ факторомъ религіознаго чувства" (S. 109) разумѣемой эпохи. когда и многіе эллины разочаровались въ возможности приблизиться къ Божеству путемъ интеллектуалистическимъ, при помощи понятій, образуемыхъ умомъ—„νοῦς", и стали искать единенія съ Божествомъ въ глубинѣ религіознаго чувства, въ отрѣшеніи отъ чувственнаго міра (S. 97). *Norden*, Agnostos Theos, SS. 55—124. *A. Deissmann*, Paulus, SS. 179—181. Климентъ Александрійскій, происходившій изъ Аѳинъ, и Оригенъ, посѣщавшій Аѳины, цитируютъ слова Апостола (Strom. V, 83; tom. X, 5 на Іоанна) безъ всякихъ сомнѣній и оговорокъ. Ко времени Дидима (Mai Nova p. bibl. IV, 2, 139) таковой надписи болѣе не находили, а могли указать только подобныя, съ посвященіемъ божеству не въ единственномъ, но во множественномъ числѣ. Если сравнить съ этими свидѣтельствами слова бл. Іеронима ad Tit., то легко убѣдиться, что онъ, съ одной стороны, пользуется показаніемъ своего учителя Дидима, съ другой стороны—имѣетъ въ виду другого грека, который сообщилъ иной смыслъ надписи,—по всей вѣроятности Оригена. Объединивъ два сообщенія, Іеронимъ исказилъ текстъ, какъ показываетъ сравненіе съ Экуменіемъ (Migne, CXVIII, 237), который почерпнулъ текстъ изъ того же самаго источника, какъ и Іеронимъ, т.-е. вѣроятно изъ Оригена; θεοῖς Ἀσίας καὶ Εὐρώπης καὶ Λιβύης, θεῷ ἀγνώστῳ καὶ ξένῳ. Іеронимъ, подъ впечатлѣніемъ замѣчанія Дидима, измѣнилъ эти слова въ *diis ignotis et* peregrinis. Надпись, на которую сослался Апостолъ, еще можно было видѣть въ Аѳинахъ при жизни Климента и Оригена, ко времени же Дидима († 395) и Іеронима она исчезла,—быть можетъ, во время языческой реакціи при Юліанѣ. *Th. Zahn*, Einleitung in das Neue Testament. II Bd. Leipzig, 1907, S. 444.

честву,—не той или другой отдѣльной языческой религіи, но всему язычеству, въ совокупности, какъ цѣлому собирательному,—характеръ «универсальный», то, во всякомъ случаѣ, это будетъ лишь универсальность *вопроса*, но не отвѣта, безотчетной догадки, смутнаго прозрѣнія, но не ясно сознанной увѣренности въ истинѣ» [1]). И въ *этомъ* смыслѣ можно, не погрѣшая противъ истины, сказать, что язычество постепенно шло навстрѣчу христіанству, поскольку само являлось выраженіемъ потребностей, стремленій, запросовъ богоподобной человѣческой природы къ истинѣ и добру. Въ этомъ отношеніи вновь пріобрѣтенныя свѣдѣнія, въ свою очередь, свидѣтельствуютъ, насколько христіанство шло на встрѣчу стремленіямъ душъ древняго міра. Все болѣе и болѣе уясняется глубокій смыслъ того видѣнія, какое было Ап. Павлу въ Троадѣ. «И было ночью видѣніе Павлу: предсталъ нѣкій мужъ Македонянинъ, прося его и говоря: приди въ Македонію и помоги намъ» (Дѣян. XVI, 9) [2]). Такъ напр., съ нарочитою выразительностію подчеркивается, что молитва другъ за друга, особенно въ мѣстахъ, почитавшихся священными, составляла потребность души человѣческой и въ язычествѣ [3]). Увѣреніе во введеніи къ письму въ томъ, что пишущій письма молится за адресата, составляло даже благочестивый обычай древняго письма [4]). Но каковы были содержаніе и характеръ этой молитвы? Вотъ одинъ изъ характерныхъ примѣровъ. Въ письмѣ отъ II столѣтія послѣ Р. Х. нѣкто Апіонъ, сынъ Епимаха, изъ маленькаго мѣстечка Филадельфіи, солдатъ римскаго войска, пишетъ своей сестрѣ: «прежде всего молитвенно желаю (εὔχομαι), чтобы ты была здорова. Я же самъ здоровъ. Воспоминая о тебѣ предъ здѣшними богами, я получилъ письмецо отъ Антонина, нашего согражданина, и, узнавши изъ него, что ты здорова, очень обрадовался» [5]) и т. д. Итакъ предметомъ молитвы за сестру является исключительно ея здоровье. Солдатъ молится богамъ той мѣстности, гдѣ расположенъ его гарнизонъ, какъ раньше молился Серапису,—и въ результатѣ явилось благопріятное письмо.

Но, насколько были искренни и глубоки религіозныя стре-

---

[1]) † Проф. *А. И. Введенскій*. Религіозное сознаніе язычества. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Т. I, стр. 5. 8.

[2]) Ср. *A. Deissmann*, Licht vom Osten, S. 225.

[3]) *A. Deissmann*, Licht vom Osten, S. 117.

[4]) Ibid., S. 125. [5]) Ibid.

мленія и потребности (даже во взаимномъ молитвенномъ общеніи), настолько недостаточными и шаткими оказывались «чаянія» и объективныя опоры таковыхъ надеждъ и стремленій, такъ что, напр., въ вопросѣ объ участи умершихъ даже лучшіе язычники оказывались совершенно «не имущими упованія» (1 Өесс. IV, 13). Яркую и характерную иллюстрацію къ этимъ словамъ Апостола представляетъ письмо египтянки Ирины къ своимъ добрымъ друзьямъ—скорбящимъ по случаю потери сына родителямъ. Ирина пишетъ, что она искренне соболѣзнуетъ понесшимъ невознаградимую потерю своимъ знакомымъ, вполнѣ понимаетъ тяжесть ихъ скорби,—тѣмъ болѣе, что и сама она незадолго предъ тѣмъ понесла подобное же несчастіе. Ирина и все ея семейство исполнили все, что полагается въ такихъ случаяхъ (καὶ πάντα, ὅσα ἦν καθήκοντα ἐποίησα καὶ πάντες οἱ ἐμοί). Впрочемъ,—продолжала она,—ничто и никто не въ состояніи помочь въ подобныхъ обстоятельствахъ (ἀλλ' ὅμως οὐδὲν δύναταί τις πρὸς τὰ τοιαῦτα). Невольно, т. обр., вырвалось наружу настроеніе полной безпомощности и неутѣшной тоски, когда безсильнымъ и безполезнымъ оказывается все то, что полагается въ такихъ случаяхъ, включая и религіозные обряды (б. м., жертвы за умершаго, молитвы, трауръ и под.). Въ наставленіи Апостола: *утѣшайте другъ друга въ словесѣхъ сихъ* (παρακαλεῖτε ἀλλήλους ἐν τοῖς λόγοις τούτοις ст. 18) содержится мотивированный призывъ ко взаимному утѣшенію, имѣющій для себя твердое основаніе въ вѣрѣ въ воскрешеніе умершихъ для всегдашняго пребыванія съ Господомъ,— между тѣмъ какъ языческое «успокаивайте или утѣшайте другъ друга» (παρηγορεῖτε ἑαυτούς) [1]), съ каковымъ совѣтомъ обращается въ заключеніе Ирина къ удрученнымъ родителямъ,—могло призывать лишь къ успокоенію, въ виду неизбѣжной необходимости покориться неотвратимой судьбѣ [2]). Трудно даже представить себѣ, какимъ непрогляднымъ мракомъ окутывалась въ представленіи тогдашнихъ людей участь умершихъ и какою ѣдкою горечью, вслѣдствіе этого, отравлялась и вся жизнь тѣхъ, кто относился къ ней вдумчиво и серьезно... Насколько пагубно такая безнадежность отражалась на нравственной жизни язычества,—свидѣ-

---

[1]) *I. H. Moulton*, A Grammar of New Testament Greek, p. 87: „ἑαυτούς въ папирусахъ иногда стоитъ вмѣсто ἀλλήλους".

[2]) *A. Deissmann*, Licht vom Osten, SS. 118—180.

тельствуютъ многія надгробныя надписи. Одну изъ нихъ, какъ весьма характерную, приводитъ и A. Deissmann. «Хрисогонъ по имени лежитъ здѣсь, почитатель нимфъ. Всякому путнику онъ говоритъ: «пей»! Ты видишь, (каковъ) конецъ (человѣческой жизни)!» Приглашеніе «пить» въ виду предстоящей смерти, принадлежитъ къ извѣстнымъ формуламъ древней народной морали (Ис. XXII, 13; LVI, 12; Премудр. II, 6; 1 Кор. XV, 32) и въ надгробныхъ надписяхъ встрѣчается нерѣдко [1]). Но какимъ рѣзкимъ дисонансомъ съ восхищеніями Deissmann'а предъ языческою моралью звучитъ подобный призывъ, являющійся поистинѣ страшнымъ приговоромъ надъ всѣмъ язычествомъ, поскольку оно было оставлено ходить путями своими!.. Дейсманъ восхваляетъ, — какъ мы видѣли,— взаимныя отношенія язычниковъ въ кругу родной семьи, близкихъ друзей. Наличность этихъ качествъ въ нравственныхъ отношеніяхъ язычниковъ указалъ и Самъ Господь (Мѳ. V, 46—47. Лк. VI, 32—33), но именно затѣмъ, чтобы объяснить, что эти и подобныя проявленія нравственной жизни, хотя они и хороши сами себѣ, вовсе не приближаютъ ихъ къ христіанскому совершенству, каковое осуществляется по подобію и въ безконечномъ устремленіи къ совершенству Самого Отца Небеснаго и состоитъ въ томъ, чтобы любить своихъ враговъ, благословлять проклинающихъ, благотворить ненавидящихъ и молиться за обижающихъ и гонящихъ (ст. 44)... Однако и въ указанныхъ естественныхъ предѣлахъ языческая нравственность, даже по свидѣтельству нашихъ документовъ, далеко не была безупречна... Испорченность грѣховной природы ослабляла и помрачала даже и эту оберегаемую инстинктомъ самой природы область... Поденщикъ Иларіонъ пишетъ изъ Александріи 17 іюня 1-го года до Р. Х. въ письмѣ своей женѣ Алисѣ, ожидавшей появленія на свѣтъ ребенка: «если это будетъ мальчикъ, оставь; если же дѣвочка,—подкинь» [1])

---

[1]) *A. Deissmann*, Licht vom Osten, 109—111. Ср. *проф. Д. И. Введенскаго*, Патріархъ Іосифъ и Египетъ. (Опытъ соглашенія данныхъ Библіи и Египтологіи (Сергіевъ Посадъ, 1914), стр. 200 слѣд.: „на эпикурейскій мотивъ: „ѣшь, пей и веселись" написанъ рядъ египетскихъ пѣсенъ" и т. д.

III.

Сближеніе (у Дейсмана и др. ученыхъ) новозавѣтныхъ памятниковъ, преимущественно посланій св. Апостола Павла, съ новооткрытыми документами въ отношеніи литературной формы. — Взглядъ на посланія Ап. Павла какъ на настоящія письма, съ частнымъ, а не общимъ предназначеніемъ.—Основанія для указанныхъ утвержденій и дѣйствительное значеніе приводимыхъ доводовъ.—Посланія св. Ап. Павла по ихъ цѣли, содержанію, авторитету и значенію для вѣрующихъ.—Посланіе къ Филимону и „пастырскія“ посланія по ихъ дѣйствительному значенію для Церкви.—Сходство посланій Ап. Павла съ письмами на папирусахъ— лишь самое незначительное и внѣшнее.—Новозавѣтный Апокалипсисъ и со стороны своей литературной формы существенно отличается отъ произведеній іудейской, такъ наз., апокалиптической литературы.— „Евангелія“ отличаются своимъ своеобразіемъ отъ всѣхъ другихъ книгъ, кои содержатъ воспоминанія о значительныхъ событіяхъ. — „Дѣянія Апостольскія“ въ ихъ отношеніи къ обычнымъ исторіографическимъ произведеніямъ. — Особенный характеръ новозавѣтныхъ писаній, даже со стороны ихъ внѣшней литературной формы, не можетъ быть выведенъ изъ исторической связи съ позднѣйшимъ іудействомъ и эллинистической культурой.—*Заключеніе*.

Изслѣдованіе новыхъ папирусныхъ документовъ дало основаніе Дейсману и нѣкоторымъ другимъ ученымъ сблизить новозавѣтные памятники, собственно посланія Ап. Павла, съ новооткрытыми документами и въ отношеніи литературной *формы*.

Большинство изслѣдователей,—разсуждаетъ Дейсманъ,— до послѣдняго времени, не смущаясь, признавало, т. наз., «посланія» литературными произведеніями. Но вотъ новыя открытія писемъ на папирусахъ выяснили необходимость болѣе точнаго дифференцированія въ томъ родѣ документовъ, которые доселѣ назывались безразлично письмами,—обязательность болѣе опредѣленнаго различенія и разграниченія между частными и литературными письмами. Эти открытія дали возможность установить и масштабы, на основаніи коихъ съ большею увѣренностью можно опредѣлить, къ какому изъ двухъ указанныхъ видовъ «писемъ» принадлежитъ тотъ или иной документъ. Новыя открытія обострили эту проблему, такъ что теперь ее невозможно стало уже замалчивать. И вотъ, на основаніи совокупности данныхъ, со всею рѣшительностію провозглашается тезисъ: въ Новомъ Завѣтѣ имѣются и не литературныя письма и литературныя посланія. Т. н. «посланія» Ап. Павла не имѣютъ яко бы литературнаго характера и особенностей искусственно построенныхъ литературныхъ произведеній. Они—

настоящія письма, съ частнымъ, а не общимъ предназначеніемъ. Апостолъ Павелъ писалъ ихъ не для широкаго распространенія, но исключительно для своихъ непосредственныхъ адресатовъ. Почти всѣ ошибки въ изслѣдованіяхъ объ Ап. Павлѣ объясняются тѣмъ, что не обращаютъ должнаго вниманія на то обстоятельство, что сохранившіеся съ его именемъ тексты имѣютъ характеръ собственно не-литературныхъ писемъ. Чѣмъ болѣе—благодаря чтенію древнихъ писемъ—изощряется воспріимчивость къ тому, что́ было настоящимъ письмомъ, тѣмъ легче будто бы устанавливается видовое родство «посланій» Ап. Павла именно съ *не*-литературными текстами его эпохи.

Что же представляетъ собою—по характеру своего построенія и по особенностямъ своего предназначенія—«письма» въ собственномъ и точномъ смыслѣ?

Письмо,—отвѣчаетъ Дейссманъ,—есть нѣчно не-литературное: оно служитъ исключительно общенію лицъ, раздѣленныхъ между собою пространственно. Интимное и личное по своему внутреннѣйшему существу, письмо предназначено только для адресата или адресатовъ, но не для публичнаго прочтенія. Письмо не отличается существенно отъ устнаго разговора. Оно не касается никого, за исключеніемъ того лица, которое его написало, и того или тѣхъ, кто его долженъ открыть. Для всѣхъ другихъ оно должно остаться тайной. Его содержаніе такъ же разнообразно, какъ и сама жизнь. Весьма различна также и форма письма. Однако въ теченіе столѣтій установились нѣкоторыя особенности формулъ, и мы находимъ нерѣдко, даже въ независимыхъ другъ отъ друга культурныхъ областяхъ, тѣ же самыя формы, сдѣлавшіяся формулами. Для опредѣленія сущности письма содержаніе, форма и формулы во всякомъ случаѣ не могутъ признаваться исключительнымъ масштабомъ. Искусное письмо или не искусное, длинное или короткое дѣловое—серьезное или шутливое, написанное въ спокойномъ или приподнятомъ тонѣ,—всѣ эти обстоятельства и особенности ничего не измѣняютъ въ характеристическомъ своеобразіи письма, какъ таковаго. Однако, вслѣдствіе того, что не всегда ясно понимали не-литературную сущность письма, особенно античнаго, уже въ древности стали пользоваться формою не литературнаго письма для литературныхъ цѣлей. Именно въ эпоху возникновенія христіанства литературное письмо у Грековъ, Рим-

лянъ и Іудеевъ сдѣлалось любимымъ видомъ литературной производительности.

Литературное письмо является искусственной литературной формой. Съ письмомъ раздѣляетъ оно только внѣшнюю форму, въ остальномъ же имѣетъ такъ мало общаго съ настоящимъ письмомъ, что является въ сущности противоположностью послѣдняго. Содержаніе литературнаго письма разсчитано на публичность, хочетъ заинтересовать «публику». Если настоящее письмо—тайна, то литературное письмо—собственность каждаго. Всякій долженъ и можетъ его читать. Чѣмъ болѣе оно находитъ читателей, тѣмъ лучше выполняетъ свою цѣль. Что въ настоящемъ письмѣ—главное (адресъ и другія особенности), то въ литературномъ письмѣ является только внѣшнимъ орнаментомъ, благодаря коему достигается иллюзія формы письма. Большинство писемъ намъ совершенно не понятны, пока мы не знаемъ получателей и ситуацію писателя. Большинство литературныхъ писемъ намъ понятны, хотя бы мы не знали автора и мнимыхъ адресатовъ. Литературное письмо отличается отъ дѣйствительнаго письма такъ же, какъ діалогъ—отъ обычнаго разговора, какъ историческая драма—отъ историческаго событія, — вообще какъ искусство отличается отъ природы. Письмо—уголокъ самой жизни, литературное письмо—результатъ искусства. Конечно, бываетъ средній родъ того и другого письма,—когда пишущій разсчитываетъ на публичность. Однако, такія письма—плохія письма. Посланія Ап. Павла, — утверждаетъ Дейсманъ, — являются настоящими письмами, возникшими изъ потребностей текучаго историческаго момента и направленными къ строго ограниченному, конкретно опредѣленному кругу лицъ. По своему строенію и содержанію это—чисто народные документы. Запасъ встрѣчающихся въ нихъ словъ почерпнутъ именно изъ народной сокровищницы языка. Въ «посланіяхъ» имѣются въ виду проблемы и нужды маленькихъ людей,—хотя, какъ «пророческая личность» Апостолъ и возвышается неизмѣримо надъ этимъ слоемъ своими возвышенными и творческими переживаніями [1]). Настоящій экзегезисъ этихъ писаній долженъ состоять именно въ «психологической репродукціи» настроеній и переживаній Апостола, а не въ систематизаціи его богословскаго ученія, ибо если и въ самихъ письмахъ Апостола

---

[1]) *A. Deissmann,* Licht vom Osten, S. 179, 175.

встрѣчается нѣчто «систематическое», то оно «показываетъ уже границы его одаренности», какъ Апостола и пророка; тайна же величія Апостола лежитъ именно въ тѣхъ проявленіяхъ его религіозности, которыя не укладываются въ систему (im systemlos religiösen liegt das Geheimniss seiner Grösse [1]). Изъ «писемъ» Апостола мы можемъ составить представленіе о его вѣрѣ, но не объ его догматическихъ понятіяхъ; о его нравственной личности, но не объ его этическихъ воззрѣніяхъ; о его надеждахъ, но не объ его эсхатологіи [2]). Апостолъ будто бы и потому еще не могъ предполагать широкаго распространенія его писаній въ мірѣ, что пламенно ожидалъ и непоколебимо вѣровалъ въ скорое пришествіе Господа для суда надъ этимъ міромъ и въ скорое наступленіе будущаго міра, и самое существованіе настоящаго міра считалъ не столѣтіями и тысячелѣтіями, но годами [3]). Легче всего,—продолжаетъ Дейсманъ,—квалифицируется какъ настоящее письмо т. н. посланіе къ Филимону. Только совершенно лишенный чутья педантъ можетъ считать это «восхитительное письмецо» за трактатъ объ отношеніи христіанства къ рабству». Его дѣйствительное значеніе—исключительно въ томъ, что оно въ немногихъ строкахъ очень живо и вѣрно отражаетъ личное настроеніе и отношенія Апостола къ собратьямъ по вѣрѣ. Второе посланіе къ Коринѳянамъ потому и представляется для многихъ очень трудно понятнымъ, что оно является сплошь письмомъ, полнымъ индивидуальныхъ намековъ, которыя для насъ—за утратой историческихъ свѣдѣній—большею частью дѣйствительно не понятны. Вся личность Апостола разнообразно и ярко отразилась въ этомъ «письмѣ»; въ него вплетены разнообразно смѣняющіяся и перекрещивающіяся настроенія его великой души и т. д. Въ большей или меньшей степени то же самое утверждаетъ Дейсманъ и о другихъ писаніяхъ Апостола Павла, настаивая на томъ, что по своей природѣ писанія Апостола языковъ были лишь частными письмами,—«посланіями» же, составною частью совокупности литературныхъ памятниковъ Новаго Завѣта сдѣлало ихъ,—правда, уже въ очень раннюю эпоху,—благоговѣйное почитаніе ихъ со стороны вѣрующихъ,—какъ и весь Новый За-

---

[1]) Ibid., S. 179.

[2]) *A. Deissmann*, Bible Studies, p. 58.

[3]) *A. Deissmann*, Licht vom Osten, S. 175.

вѣтъ является, въ качествѣ канона священныхъ книгъ,—«произведеніемъ Церкви» (The New Testament is an offspring of the Church [1]).

Разсужденія и выводы Дейсмана до такой степени парадоксальны, что можно только изумляться по поводу ихъ. Остановившись на одной, притомъ наиболѣе внѣшней сторонѣ явленія, ученый, игнорируя все другое, дѣлаетъ отсюда прямолинейные выводы, хотя бы это значило идти наперекоръ явной дѣйствительности. Да, Ап. Павелъ писалъ извѣстнымъ лицамъ и общинамъ настоящія письма, по извѣстнымъ историческимъ поводамъ, въ связи съ своими личными обстоятельствами, съ конкретными обстоятельствами своихъ адресатовъ, и эти письма дѣйствительно замѣняли или подготовляли его личное присутствіе. Отсюда—и историческія условія и обстоятельства, для уясненія коихъ сдѣлано весьма многое и современною наукой (Lightfoot, Ramsay, R. Harris и др.),—имѣютъ несомнѣнное и весьма важное значеніе для уразумѣнія общихъ особенностей и частныхъ деталей этихъ посланій. Помнить это обстоятельство весьма важно и затѣмъ, чтобы остеречься отъ нѣкоторыхъ поспѣшныхъ выводовъ. Напр., если ученіе о томъ или другомъ предметѣ вѣры и нравственности не содержится къ какомъ либо раннѣйшемъ по времени посланіи Апостола, то изъ этого обстоятельства еще нельзя заключать, что Апостолъ въ тотъ историческій моментъ этого ученія еще не содержалъ, а значитъ лишь, что онъ не имѣлъ повода и побужденій его излагать. Но—за всѣмъ тѣмъ—нельзя же было не поставить себѣ вопроса: пусть это были памятники личнаго, непосредственнаго общенія Апостола съ его духовными дѣтьми, однако что́ это была за личность и что́ именно служило основной его письменной бесѣды, каковы были ея содержаніе и главная цѣль?

Апостолъ всякій разъ самъ нарочито указываетъ, что въ своихъ писаніяхъ онъ выступаетъ какъ носитель апостольскихъ полномочій, видитъ въ нихъ осуществленіе своего ввѣреннаго ему Богомъ призванія [2]). Къ своему личному имени

---

[1]) *A. Deissmann*, Bible Studies, p. 59. Аналогичныя сужденія высказываетъ и *Wilhelm Soltau*, Brief oder Epistel въ „Neue Jahrbücher, 1906, II, SS. 17—29 (по отдѣльному оттиску).

[2]) Объ авторитетѣ Апостоловъ въ первохристіанской общинѣ см. и у проф. *В. Н. Мышцына*, Устройство христіаиской церкви въ первые два вѣка (Сергіевъ Посадъ, 1909) стр. 17: „Какъ Богъ послалъ Сына воз-

св. Павелъ во всѣхъ почти посланіяхъ (за исключеніемъ двухъ) присоединяетъ описаніе своего положенія или своей обязанности. Его любимыми терминами въ этой связи являются или «апостолъ», или «рабъ», или иногда совмѣстно оба эти наименованія, съ опредѣленіями: «Іисуса Христа». или «Іисуса Христа, по волѣ Божіей». Таковое указаніе имѣется и въ посланіи къ Филимону: «узникъ Іисуса Христа». Писателемъ всѣхъ этихъ посланій является тотъ, кто самъ о себѣ свидѣтельствуетъ: «я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ. А что нынѣ живу во плоти, то живу вѣрою въ Сына Божія, возлюбившаго меня и предавшаго себя за меня» (Галат. II, 19—20). Въ основѣ же отношеній къ руководимымъ имъ ко спасенію людямъ лежало, также по собственному свидѣтельству Апостола, такое настроеніе: «дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ» (Галат. IV, 19). И то̀, что̀ Апостолъ проповѣдывалъ устно и что излагалъ въ своихъ писаніяхъ, были не какія-либо его субъективныя переживанія, хотя бы и весьма цѣнныя, но объективные факты исторіи спасенія и ученіе Самого Господа, такъ что церкви Христовы въ Іудеѣ могли только засвидѣтельствовать, что «гнавшій ихъ нѣкогда нынѣ благовѣствуетъ вѣру, которую прежде истреблялъ» (Галат. I, 23). И «почитаемые столпами» церкви Іаковъ, Петръ и Іоаннъ не нашли никакого различія въ основахъ проповѣди Ап. Павла съ ихъ проповѣдью (Галат. II, 6. 9. 1 Кор. XV, 8—11), такъ что какъ въ устномъ апостольскомъ словѣ, такъ и въ посланіи христіане получали то наученіе апостольскимъ преданіямъ, слѣдованіе коимъ обезпечивало ихъ вѣчное спасеніе и достиженіе славы Господа Іисуса Христа (2 Өесс. II, 12—15). Апостолъ самъ вырази-

вѣстить евангеліе людямъ (Лк. IV, 13; X, 16; Мө. X, 40; Іоан. XVII, 18. 21), Который есть поэтому Апостолъ Божій (ср. Евр. III, 1), такъ Сынъ посылаетъ (ἀποστέλλει) теперь учениковъ (Лк. IX, 2; Мө. X, 5. 16; Мрк. III, 14; VI, 7; Іоан. XVII, XVIII, XX, XXI), давъ имъ имя Апостоловъ (Лк. VI, 13). Они избраны и призваны не общиной и не собственнымъ рѣшеніемъ, но Самимъ Господомъ. Они возвѣщаютъ не свое ученіе, а ученіе Христа. Слушающій Апостоловъ слушаетъ Самого Господа, принимающій Апостоловъ принимаетъ Господа. Отсюда авторитетъ Апостоловъ въ ученіи безусловный“ и т. д.; ср. также *проф. Вл. Троицкаго* (нынѣ архимандрита Иларіона) Очерки изъ исторіи догмата о церкви (Сергіевъ Посадъ, 1913), стр. 52—53 и др.

тельно указываетъ на такое значеніе и своихъ посланій наравнѣ съ устнымъ наставленіемъ, причемъ въ своихъ посланіяхъ иногда просто напоминалъ имъ то, что говорилъ имъ въ устной проповѣди (2 Θесс. II, 5). «Напоминаю вамъ, братіе, Евангеліе, которое я благовѣствовалъ вамъ, которое вы и приняли, въ которомъ и утвердились, которымъ и спасаетесь, если преподанное удерживаете такъ, какъ я благовѣствовалъ вамъ, если только не тщетно увѣровали. Ибо я первоначально преподалъ вамъ, что и самъ принялъ и т. д. Итакъ я ли, они ли, мы такъ проповѣдуемъ, и вы такъ увѣровали» (1 Кор. XV, 1—3. 11. Ср. Евр. VI, 1—2). Уже въ апостольское время существовалъ «катихизисъ» (Ср. Лк. I, 4; Дѣян. XVIII, 25; 1 Кор. XVI, 19),—совокуппость важнѣйшихъ истинъ содержанія историческаго—касательно событій преимущественно земной жизни Господа (Дѣян. XVIII, 25; XXVIII, 31; Колос. IV, 8; Ефес. VI, 22; Филипп. II, 19. 20), истинъ догматическихъ и литургическихъ дѣйствій, сопровождавшихъ таинства крещенія (Римл. VI, 3; Евр. VI, 2), возложенія рукъ (ср. Галат. III, 2—3; Дѣян. XIX, 2—6), евхаристіи (ср. 1 Кор. XI, 23; Евр. VI, 2), и, наконецъ, правилъ нравственнаго поведенія, въ основѣ коихъ лежалъ призывъ къ покаянію (Дѣян. II, 38; III, 19; XVII, 30, XX, 21; XXVI, 20; 1 Θесс. I, 9 и др.), къ «обращенію отъ мертвыхъ дѣлъ къ вѣрѣ въ Бога» (Евр. VI, 1). Существовалъ извѣстный «типъ ученія» (Римл. VI, 17), въ составъ коего входило наученіе «путямъ во Христѣ»,—какъ Апостолъ училъ вездѣ, во всякой церкви» (1 Кор. IV, 17) [1]. Какъ въ устной проповѣди, такъ и въ посланіяхъ Апостолъ излагалъ не свое евангеліе, но евангеліе Божіе (εὐαγγέλιον Θεοῦ Римл. I, 1; XV, 16; 2 Кор. XI, 7; 1 Θесс. II, 2. 8. 9), евангеліе Сына Божія (Римл. 1, 9), евангеліе Христово (Римл. XV, 19; Гал. I, 7; Филипп. 1, 27), какъ «соучастникъ» евангелія (1 Кор. IX, 23) съ цѣлью спасти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ (1 Кор. IX, 23). Неизбѣжный въ пастырскомъ дѣлѣ моментъ приспособительности (1 Кор. IX, 19—22) не переходилъ у Апостола *во ино благовѣствованіе*» (Галат, I, 6), не превращалъ благовѣствованіе Христова (Галат. I, 7), но являлъ на всѣ времена недосягаемый образецъ пастырской мудрости въ постепенномъ сообщеніи божественной истины, примѣнительно къ постепен-

[1]) *A. Prat*, La theologie saint Paul, p. 61—66.

ному возрастанію вѣрующихъ,—когда и самыя препятствія и недостатки получаютъ типическое значеніе (Ср. 1 Кор. III, 2; Евр. V, 12—14). И эсхатологическія истины сообщаетъ Апостолъ на основаніи ученія Самого Господа (*сіе вамъ глаголемъ словомъ Господнимъ* 1 Өесс. IV, 15). Въ посланіяхъ Апостола Павла «частные запросы служили только внѣшними поводами къ письменному выраженію христіанскихъ истинъ, которыя, направляясь сначала къ извѣстнымъ адресатамъ, по существу обязательны для всѣхъ вѣрующихъ. Все ограниченіе касалось развѣ полноты и способа раскрытія, обусловливавшихся ближайшими цѣлями, но за этимъ изъятіемъ содержаніе было абсолютно равнымъ устному наученію, и всѣ христіане должны были держаться письменныхъ преданій апостольскихъ не менѣе, чѣмъ и словесныхъ (1 Өесс. II, 15). Тутъ и писатель и читатель непремѣнно сходились въ твердомъ убѣжденіи о принципіальномъ достоинствѣ этихъ документовъ, созидавшихся на незыблемой догматической почвѣ» [1]).

Что и въ самихъ христіанскихъ общинахъ посланіямъ Апостола придавался высокій авторитетъ и догматическое значеніе,—видно м. пр. и изъ того, что появленіе среди өессалоникійскихъ христіанъ посланія, ложно приписаннаго Апостолу, будто уже наступаетъ день Христовъ,—произвело цѣлое колебаніе умовъ и смущеніе въ средѣ вѣрующихъ (2 Өесс. II, 2),—въ виду чего Апостолъ излагаетъ подлинное христіанское эсхатологическое ученіе. Уже самое содержаніе его показываетъ, что Дейсманъ неправильно истолковываетъ ученіе Апостола о концѣ міра. Въ виду же возможныхъ подлоговъ и недоразумѣній касательно подлинности его посланій, Апостолъ пресѣкаетъ сумую возможность обмана со стороны фальсификаторовъ, сообщая отличительный признакъ своихъ подлинныхъ посланій. Слѣдоват., Апостолъ не только не имѣлъ никакихъ основаній препятствовать распространенію посланій, и не принималъ къ этому мѣръ, но таковое распространеніе, напротивъ, вполнѣ соотвѣтствовало его миссіонерскимъ планамъ. Въ 1-мъ посланіи къ өессалоникійцамъ Апостолъ даже «заклинаетъ» адресатовъ прочитать сіе посланіе «*предъ всею святою братіею*» (1 Өесс. V, 27), а въ посланіи къ колосянамъ пишетъ: «когда это посланіе прочитано будетъ у васъ,

---

[1]) Проф. *Н. Н. Глубоковскій,* Благовѣстіе св. Ап. Павла по его происхожденію и существу. Кн. II, стр. 953—954.

то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и въ лаодикійской церкви; а то, которое изъ Лаодикіи, прочитайте и вы» (Колос. IV, 16). Здѣсь, вѣроятно, разумѣется посланіе къ ефесянамъ, каковое, въ такомъ случаѣ, уже тогда вышло изъ предѣловъ своего прямого назначенія,—какъ окружное. Единственное частное письмо, которое сохранилось отъ Апостола Павла,—посланіе къ Филимону (ἐπιστολή συστατική или παραθετική),—освѣщаетъ частный случай съ точки зрѣнія вѣчныхъ христіанскихъ началъ, въ духѣ спасенія во Христѣ на основѣ христіанской вѣры и любви (ст. 5. 8. 10 и дал.). Притомъ же случай здѣсь разумѣется типическій, ибо рабство было однимъ изъ коренныхъ соціальныхъ явленій того времени, да и въ современменномъ культурномъ мірѣ оно еще не отошло въ область прошлаго... Притомъ Апостолъ обращается не къ одному Филимону, но и къ домашней его церкви (ст. 3), косвенно также и ко всей общинѣ, ибо выраженію Апостола «надѣюсь, что по молитвамъ вашимъ я буду дарованъ вамъ» (ст. 22),—естественнѣе придавать смыслъ общій. Не смотря на свою краткость, посланіе къ Филимону имѣетъ всѣ тѣ же самыя составныя части, что и другія—обширныя—посланія [2]). *Пастырскія* посланія Апостолъ пишетъ во имя своего пастырскаго авторитета (Παῦλος ἀπόστολος—во всѣхъ трехъ посланіяхъ). Апостолъ несомнѣнно всегда соединялъ въ своей мысли Тимоѳея и Тита со всѣмъ христіанскимъ обществомъ, порученнымъ ихъ пастырскому водительству. Свои совѣты и рекомендуемые порядки Апостолъ преподаетъ нерѣдко въ общей формѣ; переходитъ отъ единственнаго ко множественному числу съ чрезвычайною легкостію (2 Тим. IV, 22), а посланіе къ Титу заканчиваетъ словами: «привѣтствуй любящихъ насъ въ вѣрѣ. Благодать со всѣми вами» (Тит. III, 15). Этимъ уже явно расширялся кругъ читателей посланія, которые въ нѣкоторой степени оказывались даже его адресатами.

Расширенію круга читателей посланій Ап. Павла благопріятствовало и то обстоятельство, что общины, къ коимъ они первоначально были направлены, стремились къ дальнѣйшему распространенію благовѣстія о Христѣ Спасителѣ, были миссіонерскими общинами, что естественно способствовало все большему и большему распространенію и посланій, какъ не-

---

[1]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 62.

[2]) *F. Prat*, La theologie de saint Paul. I partie, p. 588.

посредственныхъ свидѣтелей христіанской истины, прежде всего—среди вновь обращенныхъ христіанскихъ общинъ [1]). Въ посланіяхъ Апостола Павла мы имѣемъ, слѣдовательно, такія необычайныя письма, кои имѣютъ опредѣленный адресъ, но универсальное содержаніе и универсальную тенденцію [2]). Дейсманъ, остановившись на чисто внѣшнихъ и случайныхъ деталяхъ, совершенно оставилъ безъ вниманія подлинную сущность новозавѣтныхъ посланій Ап. Павла, кои въ дѣйствительности являются своеобразными свидѣтельствами и ни съ чѣмъ не сравнимыми памятниками миссіонерскихъ трудовъ и пастырскихъ попеченій первохристіанства [3]). Сходство посланій Ап. Павла съ письмами, написанными на папирусахъ,—самое незначительное и внѣшнее, основывающееся на томъ, что Ап. Павелъ обращался къ извѣстнымъ церковнымъ общинамъ несомнѣнно все же въ формѣ письма, хотя это было весьма своеобразное и совершенно особенное письмо. Въ началѣ обычнаго письма той эпохи нерѣдко авторъ его язычникъ выражалъ увѣреніе въ томъ, что онъ вспоминаетъ адресата въ своихъ молитвахъ предъ богами, въ концѣ же часто присоединялись привѣтствія къ различнымъ, иногда очень многимъ, лицамъ, родственникамъ и знакомымъ, равно какъ и поклоны отъ тѣхъ или иныхъ лицъ. Добрый обычай древности, превращавшійся, несомнѣнно, часто въ простую форму, Апостолъ освящаетъ въ духѣ высокаго христіанскаго настроенія истинной вѣры и любви, предваряя свои сообщенія просительною и благодарственною молитвою. Общеніе здѣсь, быть можетъ, только въ формулѣ μνείαν ὑμῶν ποιούμενοι (1 Θесс. I, 2) или ἔχω τὴν περὶ σοῦ μνείαν (2 Тим. I, 3. Ср. Филипп. I, 4. 2 Тим. I, 5), но и эта формула не имѣетъ устойчивости и является въ посланіяхъ Апостола сравнительно рѣдко [4]). И обычай взаимнаго привѣтствія получаетъ у Апостола истинно христіанскій характеръ. Ср. 1 Кор. XVI, 19: ἀσπάζονται ἐν Κυρίῳ πολλά ἄσπασαι πολλά въ письмѣ солдата Апіона къ своему отцу [5]). Торжественный тонъ начала

---

[1]) *H. Windisch*, Das Neue Testament, S. 216, 217.

[2]) *H. Windisch*, Das Neue Testament, S. 217.

[3]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, SS. 58—59.

[4]) Слѣдуетъ замѣтить также, что выраженіе μνείαν ποιεῖσθαι не составляло специфической особенности письменнаго стиля, ибо встрѣчается и въ надписяхъ. *G. Thieme*, Die Inschriften von Magnesia, S. 23.

[5]) *A. Deissmann*, Licht vom Osten, SS. 122—123, 133.

посланій съ распространенными надписаніями и съ присоединенными благодарственными молитвами, равнымъ образомъ торжественный тонъ заключеній посланій—опредѣлялись стремленіемъ къ назиданію общинъ, къ коимъ эти посланія были направлены [1]). Вообще посланія Ап. Павла являются своеобразными свидѣтельствами изъ миссіонерскихъ трудовъ и пастырскихъ попеченій первохристіанства [2]), имѣющими основоположительное и обязательное значеніе для всего послѣдующаго времени. То, чего достигали миссіонеры своею дѣятельностію, должно было обезпечить въ своей устойчивости. Вѣрующіе нуждались въ постоянномъ напоминаніи, наученіи и ободреніи. Какъ осуществлялась задача сохраненія и усовершенія общины, порядка ея христіанской жизни,—и показываютъ посланія Ап. Павла. Они не только даютъ представленія о различныхъ методахъ миссіи, но являются, въ то же время, живыми свидѣтелями организаціонной работы, и притомъ свидѣтелями единственными. Прочія посланія уже предполагаютъ эту работу, а Дѣянія Апостольскія повѣствуютъ, сверхъ фрагментарныхъ свѣдѣній изъ начальныхъ моментовъ іерусалимской общины, объ основаніи христіанскихъ общинъ.

Такому исключительному своеобразію содержанія и чрезвычайной важности назначенія посланій св. Ап. Павла вполнѣ соотвѣтствуетъ и ихъ внѣшняя форма построенія. Всякія сравненія въ отношеніи ихъ внѣшней литературной формы съ тѣми или иными якобы аналогичными ихъ документами (напр., съ письмами Эпикура, въ коихъ этотъ философъ излагаетъ свою систему для друзей, равно какъ съ письмами Лизія) оказываются исключительно поверхностными [4]), затрогивающими лишь чисто внѣшніе и притомъ совершенно не существенные моменты, и потому ни мало не могутъ поколебать ихъ полнаго своеобразія. Въ результатѣ имѣемъ, что въ посланіяхъ Ап. Павла «мы должны видѣть совершенно новый литературный типъ христіанскаго творчества, гдѣ эллинскій благовѣстникъ былъ плодотворнѣйшимъ созидателемъ, начавшимъ особую христіанскую письменность [5])». Неудивительно, что

---

[1]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 123.

[2]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, SS. 58—59.

[3]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 27.

[4]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 58.

[5]) Проф. *Н. Н. Глубоковскій*, Благовѣстіе св. Апостола Павла по его происхожденію и существу. Кн. II-ая, стр. 956.

попытки во что бы то ни стало отнести посланія Ап. Павла къ какой-либо изъ извѣстныхъ въ исторіи литературы формъ терпятъ полное крушеніе и заканчиваются признаніемъ совершенной безпомощности стремленій въ этомъ направленіи [1]). Въ этомъ мы видимъ лишь подтвержденіе того факта, что новозавѣтная письменность создала себѣ свои формы изъ собственныхъ средствъ, въ соотвѣтствіе съ собственными нуждами. Только одна искусственная форма дѣйствительно была заимствована—Апокалипсисъ, но это была форма іудейская [2]), да и эта форма была существенно преобразована, въ соотвѣтствіе съ новымъ содержаніемъ и новымъ духомъ христіанскихъ вѣрованій и чаяній [3]). Знаменательно уже то, что ни одно изъ произведеній, по времени предшествовавшихъ нашему каноническому Апокалипсису, не носило наименованія «апокалипсисъ». Не говоря уже о существенномъ идейномъ различіи между нашимъ Апокалипсисомъ и произведеніями іудейской т. наз. апокалиптической литературы, также и со стороны своей формы онъ отличается отъ этого рода литературы весьма важными и характерными особенностями. Бросается въ глаза уже то обстоятельство, что авторы аналогичныхъ псевдэпиграфическихъ произведеній переносятъ себя назадъ на цѣлыя столѣтія и даже тысячелѣтія, присвояютъ себѣ славныя и священныя имена сѣдой древности и обращаются къ легковѣрной публикѣ своего времени, даже и не пытаясь установить съ нею какое-либо личное отношеніе. Напротивъ, писатель Апокалипсиса обращается къ семи асійскимъ провинціямъ и имъ передаетъ свою книгу, которая показываетъ самое близкое его знакомство съ современными обстоятельствами и состояніемъ этихъ церквей, говоритъ имъ отъ лица Іоанна, безъ ближайшаго опредѣленія этой личности, которая, слѣдовательно, адресатамъ была хорошо извѣстна, въ

---

[1]) *Wilamowitz*, Griechische Litteraturgeschichte in der Kultur der Gegenwart 18, S. 157: „посланія Павла суть и не частныя письма и не литература“.

[2]) *Wendland*, Christentum und Hellenismus, S. 3.

[3]) Ср. *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 33: „евангельская проповѣдь возвѣщается въ ясномъ, увѣренномъ въ побѣдѣ—самочувствіи обладанія истиной. Мужественная увѣренность въ побѣдѣ является отсюда основнымъ настроеніемъ новозавѣтныхъ писаній, въ коихъ выражается настроеніе первохристіанства. Никакой сентиментальности, никакой романтики съ разбитыми чувствованіями, никакого пессимизма, какъ онъ выступаетъ въ эллинизмѣ и въ іудействѣ,—нѣтъ въ Апокалипсисѣ“.

силу ближайшаго и непосредственнаго общенія. Если псевдэпиграфы предлагають картину минувшей исторіи, искусственно облекая ее въ форму пророчествъ, то писатель Апокалипсиса въ изображеніи прошедшаго не простирается далѣе событій, которыя онъ самъ пережилъ въ качествѣ свидѣтеля земной жизни Искупителя, а затѣмъ непосредственно переходитъ къ изображенію будущихъ судебъ раскрытія на землѣ царства Христова. И въ предвозвѣщеніи грядущаго Іоаннъ исходитъ отъ конкретныхъ обстоятельствъ и состоянія непосредственно извѣстныхъ ему церковныхъ общинъ, какъ характерныхъ и типичныхъ моментовъ въ положительномъ и отрицательномъ отношеніяхъ, и въ дальнѣйшихъ видѣніяхъ представляетъ картину окончательнаго раскрытія и борьбы этихъ началъ во всемірной исторіи до ея завершенія. Приписывая свое произведеніе одному изъ славныхъ мужей древности, писатель псевдэпиграфической литературы выражалъ этимъ сознаніе позднѣйшаго іудейства о прекращеніи дѣйствія пророческаго духа въ эту эпоху (ср. 1 Мак. IX, 27). Между тѣмъ «Іоаннъ» пишетъ въ сознаніи обладанія истиной, какъ носитель и выразитель непосредственнаго откровенія св. Духа, свидѣтельствуя, что и въ окружающемъ его религіозномъ обществѣ преизобилуютъ духовныя дарованія (II, 7. 11. 29 и др.) Какъ современникъ и признанный всѣми обладатель чрезвычайныхъ полномочій, новозавѣтный апокалиптикъ придаетъ своему писанію форму посланія «къ семи общинамъ въ Асіи». Подобно посланіямъ, Апокалипсисъ начинается надписаніемъ съ привѣтствіемъ (I, 4—5[a]) и продолжается славословіемъ (ст. 5а—6. Ср. Ефес. I, 3. 1 Петр. I, 3). Въ концѣ книга содержитъ обычное для посланій заключеніе [1]). Такимъ образомъ, новозавѣтный апокалиптикъ существенно преобразовалъ извѣстную ранѣе литературную форму, на основѣ собственныхъ необычайныхъ переживаній и видѣній подъ водительствомъ св. Духа (I, 9 слѣд.),—того состоянія, какого былъ удостоенъ и Ап. Павелъ (2 Кор. XII, 1 слѣд.). Такъ какъ видѣнное и слышанное въ такомъ состояніи не можетъ быть передано въ точности на человѣческомъ языкѣ (ср. 1 Кор. II, 9; 2 Кор. XII, 4), то, при письменномъ изложеніи своихъ видѣній, тайнозрителю пришли на помощь воспоминанія изъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ и наиболѣе под-

[1]) *Th. Zahn*, Einleitung in das Neue Testament. Zw. Bd., Leipzig, 1907, S. 596—597.

ходящіе образы современной апокалиптики. Всѣ эти иногда, повидимому, не согласованные между собою образы (Самъ Господь изображается то въ качествѣ возсѣдающаго на тронѣ Сына Человѣческаго, то какъ закланный Агнецъ, то какъ левъ изъ колѣна Іудина, то какъ новорожденный младенецъ, то какъ ясная утренняя звѣзда) съ разныхъ сторонъ характеризуютъ собственно одинъ и тотъ же предметъ: пришествіе прославленнаго Мессіи Іисуса Христа для спасенія Своихъ вѣрныхъ послѣдователей и для суда надъ Своими врагами [1]).

Христіанство возникло изъ дѣйствительной исторіи жизни и спасительнаго дѣла воплотившагося Сына Божія—Господа Іисуса Христа, всецѣло основывается на его богосыновнемъ самосознаніи и божественномъ искупительномъ подвигѣ уничиженія и прославленія. То, что Апостолы проповѣдуютъ, есть благовѣстіе (εὐαγγέλιον), сообщеніе о событіяхъ исключительной важности и чрезвычайнаго значенія,—на основаніи самовидчества жизни и воскресенія Господа. Это есть свидѣтельство (μαρτυρία, μαρτύριον) въ собственномъ и точномъ смыслѣ этого слова, такъ что апостольская проповѣдь является точнымъ отображеніемъ и воспроизведеніемъ дѣйствительныхъ спасительныхъ событій, такъ что здѣсь имѣетъ полное значеніе аксіома: nomina consequentia rerum. Содержаніе апостольской проповѣди являлось общимъ достояніемъ христіанской Церкви, которая была воздвигнута на основѣ исповѣданія предлагавшихся въ проповѣди спасительныхъ истинъ [2]). Потребности миссіи предъявляли благовѣстникамъ Евангелія двоякую задачу: собрать во едино все, что̀ жило въ достовѣрной памяти Его учениковъ, какъ подлинное сказаніе о жизни и дѣлахъ Господа, и, во-2-хъ, изъ ветхозавѣтныхъ писаній извлечь доказательства, что искупительное служеніе Господа являлось исполненіемъ божественныхъ плановъ и пророческихъ предвозвѣщеній о спасеніи людей. Синоптическія евангелія показываютъ, какъ была осуществлена эта задача. Въ нихъ со всею точностію отпечатлѣлось то, какъ дѣла и страданія Господа изображались предъ взорами ищущихъ спасенія (Галат. III, 1), чтобы они со всею убѣжденностію исповѣдовали въ Немъ Вождя и Совершителя ихъ спасенія [3]). Синоптическія евангелія

[1]) *Fritz Barth*, Einleitung in das Neue Testament. 2 Aufl. Gütersloh, 1911, SS. 268—269.

[2]) Ср. *Heinrici*, Der litterarische Charakter, SS. 24, 26.

[3]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 26.

гелія почерпаютъ свое содержаніе не изъ двухъ источниковъ, но они отражаютъ, каждое въ своемъ родѣ, то, о чемъ повѣствовали очевидцы, какъ проповѣдовали евангеліе первые христіанскіе миссіонеры и что составляло общее достояніе вѣрующихъ [1]).

При выборѣ словесныхъ выраженій писатели евангелій стремились къ наглядности, ясности и силѣ [2]), къ достиженію возможно точнаго соотвѣтствія словесной формы съ необычайнымъ содержаніемъ. Такъ были вновь созданы тѣ формы, въ коихъ были изложены преданія о Божественномъ Основателѣ христіанской вѣры [3]). Неудивительно, что евангелія отличаются своимъ своеобразіемъ отъ всѣхъ другихъ книгъ, кои содержатъ воспоминанія о значительныхъ событіяхъ. Объ ихъ своеобразіи свидѣтельствуетъ уже самое наименованіе ихъ Евангеліемъ [4]). Λόγια и εὐαγγέλια могутъ быть поставлены лишь въ самую отдаленную связь съ Apophthegmata Самый титулъ εὐαγγέλιον чувствовался какъ самими христіанами, такъ и нехристіанами—какъ нѣчто новое, необычное [5]). Апологеты Аристидъ и Іустинъ говорятъ о «такъ называемыхъ» евангеліяхъ. Іустинъ для разъясненія смысла этого наименованія прибѣгаетъ къ аналогіи съ ἀπομνημονεύματα [6]). Въ апокрифическія же евангелія привнесено уже много фантастическаго, что соотвѣтствовало вкусамъ времени [7]). И четвертое евангеліе можетъ быть правильно понято не изъ аналогій, но изъ своей имманентной цѣли. Евангеліе это является исторіей, изъясненіемъ исторіи и исповѣданіемъ въ одно и то же время [8]). Наименованіе Πράξεις Ἀποστόλων точно соотвѣтствуетъ особенностямъ книги, между тѣмъ какъ это наименованіе въ другихъ случаяхъ не было обычнымъ для исторіографическихъ произведеній, ибо обычными обозначеніями для историческихъ трудовъ

---

[1]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 39.

[2]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 107.

[3]) *P. Wendland*, Christentum und Hellenismus, S. 3.

[4]) *Heinrici*, Litterarische Charakter, S. 39. Ср. S. 48.

[5]) Ср. *Alfred Seeberg*, Das Evangelium Christi (Leipzig, 1905), S. 71: εὐαγγέλιον съ самаго начала употреблялось у христіанъ въ смыслѣ именно возвѣщенія спасительныхъ фактовъ, совершенныхъ Господомъ Іисусомъ Христомъ.

[6]) *P. Wendland*, Christentum und Hellenismus, S. 3.

[7]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 41.

[8]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 51.

были ἱστορία, διήγημα, συγγραφή, πραγματεία, ὑπόμνημα [1]). Лишь нѣкоторую, весьма отдаленную, аналогію указываютъ съ начавшеюся со времени Каллисѳена πράξεις — литературою [2]). Въ соотвѣтствующей Дѣяніямъ Апостольскимъ литературѣ существовали извѣстныя общія мѣста (τόποι). Таковыхъ, а также вульгарныхъ вычурностей напрасно стали бы искать въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ. Дѣянія Апостольскія излагаютъ дѣйствительную исторію безъ сенсанціонныхъ измышленій и тенденціозныхъ прикрасъ [3]). Вообще особеннаго характера новозавѣтныхъ писаній—даже по ихъ внѣшней, литературной формѣ—совершенно нельзя понять изъ исторической связи съ позднѣйшимъ іудействомъ и эллинистической культурой,—какъ нельзя изъ нихъ вывести и христіанства [4]). Вѣдь если бы христіанство было синкретистическимъ продуктомъ эллинизма и позднѣйшаго іудейства, то мы должны бы ожидать, что его первоначальные письменные памятники воспримутъ существовавшіе въ то время литературные типы и будутъ подражать имъ. Однако, этого совершенно нѣтъ [5]). Такимъ образомъ, полное своеобразіе христіанства, независимость его отъ чего бы то ни было посторонняго и внѣшняго, совершенная несоизмѣримость съ «мудростью» вѣка сего,—имѣютъ полное соотвѣтствіе и въ совершенномъ своеобразіи внѣшней литературной формы новозавѣтныхъ каноническихъ памятниковъ, точно и ярко отпечатлѣвшихъ на себѣ дыханіе Духа Божія. Для вѣрующихъ это явленіе не требуетъ никакого другого объясненія, кромѣ того, что Апостолы приняли не духа міра сего, но Духа отъ Бога, дабы знать дарованное имъ отъ Бога,—что и возвѣщали они не отъ человѣческой мудрости наученными словами, но словами, наученными отъ Духа Святаго, поставляя въ соотвѣтствіе духовное съ духовнымъ (1 Кор. II, 12—14) [6]).

---

[1]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 93.

[2]) *P. Wendland*, Christentum und Hellenismus, S. 3.

[3]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 94, 96.

[4]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 126.

[5]) *A. Deissmann*, Licht vom Osten, SS. 109—111.

[6]) Въ дополненіе къ указателю литературы на стр. 430 — 432 апрѣльской книжки „Христіанскаго Чтенія" поименуемъ слѣд. изслѣдованія, ближайшимъ образомъ относящіяся къ нашему предмету: *L. Radermacher*, Neutestamentliche Grammatik. Das Griechisch des

Евангеліе вступило въ богато одаренный культурою міръ, какъ пришелецъ изъ чуждаго міра. Его измѣряли по маштабамъ этой культуры, и оно казалось образованнымъ современникамъ ничѣмъ не обоснованною мечтою, дѣломъ неученыхъ и не образованныхъ фанатиковъ [1]). Своеобразіе новозавѣтныхъ писаній, по языку и содержанію, ихъ отличіе отъ классическихъ выдавались столь сильно, что не замѣчались даже нѣкоторые пункты соприкосновенія [2]). На послѣдніе приходилось иногда обращать вниманіе уже самимъ христіанамъ, въ лицѣ своихъ апологетовъ. Таково было непосредственное впечатлѣніе носителей языческой культуры, ихъ непосредственное самочувствіе, ихъ непосредственная реакція въ виду христіанства, какъ жизненнаго явленія. Прошли вѣка... Благодаря вліянію и воздѣйствію христіанства, языческая закваска во многихъ отношеніяхъ ослабѣла въ человѣчествѣ, культура восприняла въ себя много христіанскихъ элементовъ, смягчилась и облагородилась подъ вліяніемъ христіанства, но и сама жизнь христіанъ и ихъ христіанское самосознаніе потеряли во многомъ

Neuen Testaments im Zusammenhang mit der Volkssprache. Tübingen, 1911. *J. H. Moulton*, Einleitung in die Sprache des Neuen Testaments. Heidelberg, 1911 (переработка англійскаго изданія); *Jean Rouffiac*, Recherches sur le caractères du grec dans le Nouveau Testament d'après les inscriptions de Priène. Paris, 1911. *Fr. M. J. Lagrange*, Le sens de Luc. I, 1 d'après les papyrus. Bulletin d'ancienne litterature et d'archéologie chrétienne 2 (1912), 96—100. Статья имѣетъ значеніе для уясненія смысла употребленнаго св. Лукою глагола πληροφορεῖν.—*W. H. P. Hatch*, Some illustration of New Testament Usage from Greek Inscriptions of Asia Minor. Journal of Bibl. Literature, Vol. 27, Part 2 (1908), S. 134—146; *F. Peister*, Die parataktische Darstellungsform in der volkstümlichen Erzählung. Wochenschrift für klass. Philologie 28 (1911), Sp. 809—813. Болѣе подробный переченъ см. у *St. Witkowski*, Bericht über die Literature zur Koine aus den Jahren 1903—1906. Jahresbericht für Altertumswissenschaft. Bd. 159 (1912 III), S. 1—279; *A. Deissmann*, Die Sprache der griechischen Bibel въ „Theologische Rundschau" 1912, Oktober, S. 339—364.—По отношенію къ *Ветхому Завѣту* новѣйшія открытія въ области Египта и вообще древняго Востока цѣлесообразно и плодотворно использованы проф. *Д. И. Введенскимъ* въ его докторской диссертаціи. „Патріархъ Іосифъ и Египетъ. Серг. Посадъ, 1914 г.",—прекрасно „соглашающей данныя Библіи и египтологіи". Скоро появится въ свѣтъ и магистерская диссертація доцента С.-Петербургской Духовной Академіи о. *Вл. И. Зыкова*, привлекающая указанныя данныя для уясненія библейскаго повѣствованія о *патріархѣ Авраамѣ*.

[1]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter d. neutest. Schriften, S. 1.

[2]) *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 3.

свою непосредственную живость и яркость, потускнѣли и ослабѣли... О первоначальномъ христіанствѣ и древнемъ, современномъ его происхожденію, язычествѣ стали судить на основаніи свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ книгъ,—на основаніи яко-бы безпристратныхъ и объективныхъ данныхъ, въ дѣйствительности же при помощи лишь поверхностнаго и чисто внѣшняго сравненія отдѣльныхъ фразъ, выраженій, терминовъ и т. д. На западѣ, особенно въ протестантскомъ мірѣ, такое чисто внѣшнее, книжное, теоретическое, если не прямо раціоналистическое, то—во всякомъ случаѣ—односторонне раціональное [1]) изслѣдованіе христіанскихъ памятниковъ явилось прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ утраты истинно церковнаго соборнаго самосознанія, полноты дѣятельной жизни въ стихіи Христовой жизни. Истинное христіанство, не ощущаемое болѣе въ живой дѣйствительности, въ реальной жизни Церкви, стало предметомъ не переживанія, а теоретическаго научнаго разысканія въ прошедшемъ, по слабымъ его и частичнымъ отраженіямъ и отпечатлѣніямъ въ различныхъ древне-христіанскихъ памятникахъ и документахъ. Неудивительно, что этихъ данныхъ оказалось потомъ недостаточно, и вниманіе со всѣмъ напряженіемъ устремилось на изученіе внѣ—и до—христіанскихъ документовъ, причемъ потерялась уже всякая грань между христіанствомъ и язычествомъ, и во всякой самымъ отдаленнымъ образомъ напоминающей то или иное христіанское выраженіе отдѣльной фразѣ языческаго писателя стали находить и отмѣчать предвареніе христіанства по его догматическому и нравственному ученію. Долгое время искали составныхъ элементовъ и предшественниковъ христіанства въ раннѣйшей и современной его происхожденію культурѣ, преимущественно въ философіи,—написали на эту тему многіе томы, съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ подыскали и систематизировали аналогіи и параллели—большею частію внѣшнія и вербальныя въ языческой литературѣ и философіи... Но... всякая ошибка, доведенная до послѣднихъ выводовъ, обнаруживаетъ слишкомъ замѣтно свое заблужденіе и въ лицѣ наиболѣе добросовѣстныхъ работниковъ науки наступаетъ и проявляется реакція, выражается сознаніе крайности и преувеличеній прежняго направленія научныхъ изслѣдованій... И вотъ въ

[1]) Проф. *Н. Н. Глубоковскій,* Православіе по его существу. Спб. 1914, стр. 19.

такой моментъ открывается новый міръ для изслѣдованія,—широкій міръ эллинистической, современной христіанству и предшествовавшей ему жизни простого некультурнаго народа,—и здѣсь начинаютъ находить близкую аналогію съ христіанствомъ... Увѣряютъ, что уже не въ міровоззрѣніи культурныхъ людей, но въ воззрѣніяхъ и идеалахъ простого народа слѣдуетъ искать подпочвы христіанства... За чисто внѣшнимъ, случайнымъ и частичнымъ не видятъ непроходимой бездны, я со спокойною совѣстію затушевываютъ даже явно бьющее въ глаза различіе. И причина здѣсь—безспорно—не въ личныхъ только качествахъ тѣхъ или иныхъ ученыхъ,—напротивъ, многихъ изъ нихъ нельзя не уважать за ихъ необычайное трудолюбіе, научную добросовѣстность и безспорную талантливость... Причина—въ томъ, что протестанты потеряли надлежащій компасъ въ своихъ богословскихъ изслѣдованіяхъ, что они разсматриваютъ новозавѣтные памятники, какъ обычные литературные тексты—только съ религіознымъ содержаніемъ [1]... Новозавѣтные священные памятники оказываются удаленными отъ своей природной стихіи, оторванными отъ связи съ живымъ общецерковнымъ преданіемъ и, такимъ образомъ, изъ живого и дѣйственнаго слова Божія обращаются въ собраніе текстовъ и изреченій, критерій и объясненіе коихъ начинаютъ искать въ современной и предшествовавшей литературѣ, въ сближеніяхъ съ одинаково звучащими фразами и отдѣльными словами языческаго міра... Конечно, крайности и даннаго теченія впослѣдствіи—и б. м. очень скоро—будутъ сознаны и устранены, но, несомнѣно, лишь затѣмъ, чтобы уступить свое мѣсто крайностямъ и увлеченіямъ въ какомъ-либо другомъ направленіи...

Во всякомъ случаѣ, для филологическаго и историческаго изученія Новаго Завѣта западной наукой привлечено много

[1]) Конечно, и въ ученомъ протестантскомъ мірѣ замѣчаются различныя степени приближенія или удаленія отъ историческаго преданія, но послѣднее понимается слишкомъ узко и внѣшне, такъ сказать книжно—въ смыслѣ совокупности извѣстныхъ письменныхъ документовъ и формулъ,—и это неизбѣжно, въ виду отрѣшенія протестантизма отъ органическаго единства съ церковнымъ самосознаніемъ. Однако и при такихъ условіяхъ положительное или отрицательное отношеніе къ преданію весьма существенно вліяетъ на „историко-критическую работу изслѣдователя". Ср. и *F. Von Soden*, Ist die historisch-kritische Behandlung des Neuen Testaments berufen, seine Bedeutung für das religiöse Leben zu mindern oder steigern. Berlin, 1910, SS. 3—4.

цѣннаго матеріала, въ коемъ православный богословъ обязанъ разобраться и извлечь заботливо все, что въ томъ или иномъ отношеніи (преимущественно въ филологическомъ) можетъ быть полезнымъ при исагогическихъ и экзегетическихъ работахъ и что требуетъ апологетическаго разъясненія и полемическаго примѣненія... Православный богословъ имѣетъ всѣ данныя и полную возможность построить зданіе своего научнаго сооруженія «на камнѣ»; и хотя бы «пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ; онъ не упадетъ, потому что основанъ былъ на камнѣ» (Мѳ. VII, 24—25) истиннаго исповѣданія вѣры во Христа, какъ сына Бога Живаго,—неотторжимаго отъ того великаго камня, о коемъ Самъ Господь сказалъ: «на семъ камнѣ Я создамъ Церковь мою и врата ада не одолѣютъ ея» (Мѳ. XVI, 18). Именно православный богословъ имѣетъ надежный критерій, чтобы отдѣлить зерно отъ шелухи и въ новыхъ открытіяхъ, и дѣйствительно цѣнными изъ нихъ въ надлежащей мѣрѣ благоразумно воспользоваться для торжества христіанской истины и для ея вразумительнаго раскрытія на пользу требующихъ отчета въ его упованіи (1 Петр. III, 15), дабы онъ могъ, какъ книжникъ, наученный Царству Небесному, уподобиться хозяину, который выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое (Мѳ. XIII, 52). Авторитетъ свв. Отцовъ и учителей церкви сохраняетъ свою непререкаемую важность и основное значеніе при пониманіи и истолкованіи Св. Писанія и въ чисто филологическихъ вопросахъ. Вотъ что по этому вопросу говоритъ одинъ изъ наиболѣе безпристрастныхъ и знаменитыхъ протестантскихъ ученыхъ Th. Zahn. Труды экзегетовъ и переводчиковъ первыхъ четырехъ—пяти столѣтій важны для насъ, во 1-хъ, потому, что въ ихъ время тѣ культурныя отношенія, среди коихъ возникли писанія Новаго Завѣта, еще оставались существенно не измѣненными. Во 2-хъ, они не только благодаря литературнымъ занятіямъ, но и вслѣдствіе живого употребленія, въ совершенствѣ (volkommen) владѣли общегреческимъ языкомъ, на коемъ писали не только Ап. Павелъ и ев. Лука, но и св. Маркъ и Ап. Іоаннъ, не смотря на семитическую стихію ихъ языка» [1]).—Такимъ путемъ богословская наука и нашей дорогой Академіи выполняла, по мѣрѣ силъ выполняетъ и будетъ, съ помощью Божіею, вы-

---

[1]) *Th. Zahn*, Das Evangelium des Matthäus. 3 Aufl. Lpz. 1910, SS. VI—VII.

полнять и впредь свое назначеніе въ качествѣ именно служительницы и органа Православной Церкви, въ неразрывномъ единеніи съ ея благодатною жизнью, на основѣ ея живого и неизмѣннаго апостольскаго преданія, которое является залогомъ истиннаго развитія и усовершенствованія какъ духовно-благодатной церковной жизни вообще, такъ и православной богословской науки, въ частности,—*дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. IV, 13). Такъ осуществлялась и—уповаемъ—будетъ неуклонно осуществляться и впредь всегда «великая задача» Академіи, отмѣченная съ «Монаршимъ благоволеніемъ» и Помазанникомъ Божіимъ возлюбленнымъ нашимъ Государемъ Императоромъ въ незабвенномъ для Академіи Высочайшемъ Указѣ отъ 21 февраля минувшаго—1913—года, «давать строго православную, вѣрную незыблемымъ основамъ и вѣчнымъ завѣтамъ вселенской Церкви самостоятельную русскую богословскую науку».

С. Заринъ.

Рѣчь предъ защитой магистерской диссертаціи.

Лейбницъ и Спиноза (историко-критическое изслѣдованіе системы Лейбница, какъ опроверженія пантеистической системы Спинозы и какъ попытки дать философское обоснованіе христіанскаго теизма). СПб. 1914.

Я долженъ прежде всего извиниться предъ почтеннымъ собраніемъ, что добрая половина моей рѣчи не будетъ имѣть прямого отношенія къ предмету диссертаціи, а будетъ рѣчью лишь по поводу диссертаціи. Это обусловливается тѣмъ, что настоящее сочиненіе нѣсколько уклоняется отъ обычнаго типа диссертацій на богословскую ученую степень. Оно, такъ сказать, не имѣетъ внѣшнихъ признаковъ богословской диссертаціи. Настоящее сочиненіе представляетъ собою критическое изслѣдованіе двухъ философскихъ системъ и написано по строго философскому методу. Богословское значеніе его обусловливается исключительно содержаніемъ тѣхъ проблемъ, которыя въ немъ изслѣдуются, а также направленіемъ этого изслѣдованія. Такой типъ богословской диссертаціи у насъ все еще довольно необыченъ, и представители „чистаго" богословія склонны относиться къ нему нѣсколько подозрительно. Въ силу этого философствующему богослову приходится обыкновенно доказывать, что диссертаціи такого рода имѣютъ право на существованіе. Правда, мое положеніе значительно легче, чѣмъ положеніе другихъ диссертантовъ и диспутантовъ, выступавшихъ съ сочиненіями аналогичнаго характера. Теперь существуютъ уже прецеденты, имѣвшіе благопріятный исходъ. Однако, посвящая свою рѣчь реабилитаціи богословской диссертаціи философскаго типа, я все же не буду ломиться въ

открытую дверь. Дѣло въ томъ, что предубѣжденіе противъ подобныхъ диссертацій все еще остается, ибо остается источникъ, изъ котораго это предубѣжденіе питается. Этимъ источникомъ служитъ узость, робость нашей богословской мысли. Думается, что отмѣченные недостатки приносятъ громадный вредъ интересамъ русской богословской науки и вообще всей нашей религіозной культурѣ. Сознавая этотъ вредъ, я осмѣливаюсь оставить оборонительную позицію, которая болѣе соотвѣтствуетъ смыслу моего настоящаго положенія, и занять позицію наступательную, которой требуютъ отмѣченные высокіе интересы.

Состояніе нашей богословской мысли представляетъ удивительную аналогію съ состояніемъ нашей церковной жизни вообще. Кажется, характернѣйшей особенностью нашей церковной жизни служитъ то, что она отмѣчена господствомъ свѣтской стихіи, протекаетъ подъ знаменемъ ея преобладанія. Это, впрочемъ, нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что свѣтская стихія вошла въ самыя нѣдра Церкви и здѣсь получила перевѣсъ. Подобные упреки раздавались и раздаются, но они глубоко несправедливы. Скорѣе, наоборотъ, въ нашей церковной жизни заключается стремленіе ревностно оберегать свой церковный, духовный характеръ и даже нѣсколько преувеличенная боязнь предъ всѣмъ свѣтскимъ, мірскимъ. Господство свѣтской стихіи мы понимаемъ въ смыслѣ, такъ сказать, ея внѣшняго давленія на церковную жизнь. Это давленіе сказывается въ томъ, что въ чисто мірскихъ интересахъ для нашей церковной жизни поставлены опредѣленныя и тѣсныя границы. Эти границы установлены уже давно; въ свое время дѣло не обошлось безъ борьбы съ церковной стороны, но съ теченіемъ времени все это забылось, и теперь эти границы уважаются, словно онѣ вытекаютъ изъ существа Церкви, словно онѣ подсказаны церковными интересами, а не интересами чуждыми Церкви, иногда прямо ей враждебными.

Положеніе богословской мысли характеризуется тѣмъ же давленіемъ со стороны свѣтской стихіи. Только здѣсь, т. е. въ отношеніи богословской науки, эта свѣтская стихія, разумѣется, представлена другими силами. Силы, которыя здѣсь мыслятся, суть свѣтская философія, свѣтская наука и вообще вся такъ называемая свѣтская, мірская культура. Со стороны этихъ силъ богословской мысли такъ же поставлено

достаточно границъ. Именно богословской мысли отведена особая, спеціальная сфера, отъ которой строго отграничивается область свѣтской философіи и свѣтской науки. Отношенія между этими областями имѣютъ подобіе строгаго взаимнаго нейтралитета, основываются на взаимномъ уваженіи раздѣляющихъ ихъ границъ. И здѣсь такое отношеніе установилось только послѣ упорной борьбы и противодѣйствія со стороны богословской мысли, которая вначалѣ этихъ границъ совершенно не знала, такъ какъ и самыхъ понятій „свѣтская философія" и „свѣтская наука" еще не существовало. Эти понятія народились лишь въ исходѣ среднихъ вѣковъ, когда подъ воздѣйствіемъ классической древности, начался великій процессъ секуляризаціи философіи и науки. Чтобы отстоять права свѣтскаго знанія предъ могущественнымъ тогда богословіемъ, дѣятели этого движенія и выставили упомянутый принципъ нейтралитета и строгаго разграниченія областей богословскаго и свѣтскаго знанія. Разумѣется, сначала этотъ принципъ со стороны представителей богословской мысли встрѣтилъ энергичный отпоръ, но новое движеніе оказалось настолько побѣдоноснымъ, что сопротивленіе, въ концѣ концовъ, было сломлено, новый принципъ былъ принятъ представителями богословскаго знанія и ими прочно усвоенъ. Здѣсь мы имѣемъ примѣръ того гипнотизирующаго дѣйствія, какое способно оказывать движеніе сильное и страстное даже на своихъ противниковъ. Такъ получилось, что принципъ по существу вредный интересамъ богословской мысли, выставленный со спеціальной цѣлью нанести ей ущербъ, былъ принятъ богословами, какъ нѣчто цѣнное, и отстаивается, какъ нѣчто соотвѣтствующее церковнымъ интересамъ! Теперь уже не только люди свѣтскаго лагеря говорятъ: „остановитесь, это не ваша сфера", но такой окрикъ даже гораздо чаще слышится со стороны представителей богословскаго знанія, которые, такимъ образомъ, являются ревностными стражами границъ, противъ нихъ же установленныхъ!

Такъ создался дуализмъ въ сознаніи человѣчества—дуализмъ двухъ областей, и даже двухъ правдъ, двухъ истинъ—богословской и философской. Этимъ дуализмомъ страдаетъ сознаніе всѣхъ народовъ европейской культуры, но нигдѣ онъ, можетъ быть, не сказывается такъ рѣзко, какъ у насъ въ Россіи. Это объясняется тѣмъ, что новое свѣтское напра-

вленіе у насъ не развилось на нашей собственной почвѣ, какъ это было у народовъ западныхъ, а явилось, какъ заносное, иноземное, чуждое. Нигдѣ наука такъ не чужда и не враждебна религіи, какъ у насъ; нигдѣ крайнія философскія направленія, особенно рѣшительно отвергающія высокія религіозныя цѣнности, не пользуются такой популярностью. Нигдѣ, съ другой стороны, богословская мысль не отличается такою робостію, нигдѣ она такъ не склонна покорно лобызать стѣны той темницы, которую ея враги противъ нея же воздвигли. Нигдѣ, наконецъ, отмѣченный дуализмъ не проявляется съ такой конкретной опредѣленностью, какъ опять-таки у насъ. На западѣ, по крайней мѣрѣ, внѣшне богословское и свѣтское знаніе объединяются въ одной высшей школѣ—университетѣ; у насъ же университетъ является исключительно храмомъ свѣтской науки, богословское же знаніе культивируется въ особой спеціальной высшей школѣ.

Но, вѣдь, это же величайшая фальшь—этотъ дуализмъ двухъ правдъ и двухъ истинъ, эта непримиримая противоположность богословія и свѣтскаго знанія. Мы привыкли къ этой двойственности, загипнотизированы ея обычностію, и не замѣчаемъ всей ея психологической и логической нелѣпости. На самомъ дѣлѣ, конечно, не можетъ быть двухъ правдъ, а должна быть только одна правда, одна истина.

Мы такъ легко примиряемся съ отмѣченной двойственностью, можетъ быть, потому, что она соотвѣтствуетъ нашей духовной слабости, нашей нравственной дряблости, нашей теплохладности. Мы потому такъ легко успокаиваемся на этой двойственности, что наши убѣжденія слишкомъ теоретичны, что имъ недостаетъ страстности и огня. Будь все это, никогда бы мысль не осталась въ опредѣленныхъ, произвольно ей поставленныхъ границахъ,--она хотѣла бы все обнять, все подчинить своей истинѣ. Подлинное и живое убѣжденіе всегда ревниво, оно не терпитъ соперниковъ. Путь компромисса—ибо иначе нельзя назвать отмѣченную двойственность мысли—насъ привлекаетъ потому, что онъ обѣщаетъ квіэтистическое благополучіе, спокойную замкнутость въ своей „спеціальной“ сферѣ. Здѣсь не требуется прозелитизма, не требуется борьбы, здѣсь не нужно принимать и наносить удары!

Но если дуализмъ богословія и свѣтскаго знанія съ теоретической стороны непріемлемъ, а съ нравственной предо-

судителенъ, то необходимо рѣшительно отказаться отъ него. Необходимо бороться за утраченное современнымъ сознаніемъ единство мысли и настроенія. Необходимо устранить антагонизмъ духовнаго и свѣтскаго, богословскаго и научнаго, нужно внести въ отношеніе между этими областями подлинный миръ и подлинную гармонію. Богословіе не должно себя болѣе отгораживать китайской стѣною отъ науки и философіи, а должно смѣло устремиться на завоеваніе этихъ областей.

Эти призывы могутъ показаться утопическими, несбыточными. Но не нужно забывать, что въ основѣ ихъ лежитъ аксіоматически вѣрная мысль объ единствѣ и единодержавіи истинъ. Къ тому же кое-гдѣ эти кажущіеся столь несбыточными призывы—уже совершившійся фактъ. Въ то время какъ у насъ съ какимъ-то суевѣрнымъ, піэтическимъ страхомъ изгоняютъ изъ духовной школы чуть не всѣ свѣтскія науки, католическая церковь не боится подчинять своему вліянію цѣлые университеты, какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто въ Австріи.

Устраненіе давняго дуализма религіознаго и свѣтскаго сознанія соотвѣтствуетъ также и интересамъ свѣтской науки и вообще свѣтской мірской культуры. Тотъ процессъ секуляризаціи, коему эта культура обязана своимъ существованіемъ, въ настоящее время дошелъ до своихъ естественныхъ предѣловъ, такъ, сказать, изжилъ самъ себя. Поэтому, въ различныхъ отрасляхъ свѣтской культуры замѣчается жажда религіозной стихіи, томленіе по религіозномъ принципѣ. За процессомъ секуляризаціи теперь долженъ послѣдовать обратный процессъ—десекуляризаціи, размірщенія культуры во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ. Въ виду такого положенія дѣла на обязанности представителей богословской мысли лежитъ пойти на встрѣчу этому движенію, преодолѣвъ въ себѣ воспитанное долгимъ теченіемъ жизни отвращеніе и отчужденность отъ всего мірского, свѣтскаго.

Итакъ, все говоритъ за то, чтобы богословская мысль сошла съ позиціи замкнутости и отчужденности отъ силъ мірской культуры и вошла бы съ ними въ тѣснѣйшее соприкосновеніе. Вполнѣ естественно, что начало должно быть сдѣлано въ ближайшей и наиболѣе родственной богословію области, какою, конечно, слѣдуетъ считать область философіи. Миръ и гармонія между богословіемъ и философіей—

такова ближайшая задача современной богословской и философской мысли. Съ этой стороны нельзя не пожалѣть о томъ, что не осуществилось въ свое время заявленное пожеланіе о предоставленіи академіямъ права присуждать, помимо богословскихъ, и ученыя философскія степени. Эта мѣра, надо думать, должна бы была существеннѣйшимъ образомъ содѣйствовать, съ одной стороны, размірщенію философіи, устраненію ея отчужденности отъ религіознаго знанія, а съ другой стороны, болѣе широкой постановкѣ богословскихъ задачъ. Впрочемъ, само по себѣ это право не столь важно и существенно. Самое главное—устранить отмѣченный дуализмъ двухъ истинъ и двухъ правдъ, и крѣпко утвердить въ вѣрующемъ сознаніи принципъ единства истины. Не важно, какое названіе мы будемъ прилагать къ ученой степени. Въ существѣ дѣла между докторомъ богословія и докторомъ философіи разницы нѣтъ: и тотъ и другой есть и должны быть докторомъ единой истины.

Послѣ этого, можетъ быть, оказавшагося слишкомъ длиннымъ вступленія, обращаемся, наконецъ, къ самому предмету настоящей диссертаціи.

Бываютъ такіе историческіе факты, такія историческія явленія, которыя получаютъ длительное, чуть ли не вѣчное значеніе. Причина этого заключается въ ихъ типичности,—въ томъ, что они концентрируютъ и ярко выражаютъ принципъ цѣлаго направленія, цѣлаго движенія. Къ такого рода историческимъ явленіямъ, съ длительнымъ значеніемъ, думается, принадлежатъ системы Лейбница и Спинозы. Неумирающее, принципіальное значеніе принадлежитъ каждой изъ нихъ, ибо въ каждой съ яркой типичностію нашло себѣ выраженіе опредѣленное направленіе философской мысли. Но значеніе обѣихъ системъ еще болѣе возрастаетъ, если мы возьмемъ ихъ не отдѣльно, а въ сопоставленіи. Дѣло въ томъ, что въ антитезѣ: Лейбницъ и Спиноза, нашла себѣ воплощеніе основная философская противоположность—противоположность кардинальныхъ философскихъ принциповъ, борьбою которыхъ характеризуется вся исторія человѣческой мысли, устремленной на постиженіе послѣдней основы бытія. Имя этимъ двумъ противоположнымъ принципамъ—личность и вещь. Можетъ быть, такая формулировка основной философской противоположности покажется нѣсколько экстравагантной, но, думается она весьма вѣрна и точно схваты-

ваетъ смыслъ основной философской антитезы. Къ тому же она отличается ясностью и опредѣленностію, ибо всѣ знаютъ, что такое личность и что такое вещь. Личность составляетъ основное понятіе опыта внутренняго, вещь является такимъ же основнымъ понятіемъ опыта внѣшняго. Личность—это живое „я“ каждаго разумно-нравственнаго существа. Вещь—это противостоящее ему мертвое не-я. Можно сказать, что личность есть чистая жизнь, есть maximum жизни, ибо личное сознаніе всегда утверждаетъ свое бытіе и не можетъ допустить, не можетъ представить своего уничтоженія. Вещь, напротивъ, есть чистая безжизненность, есть maximum безжизненности, ибо все свое содержаніе, весь свой смыслъ получаетъ чрезъ противоположеніе личности. Принципъ вещности наиболѣе полно воплощается во всякомъ матеріальномъ, чуждомъ жизни и сознанія предметѣ. Это, такъ сказать, вещь по преимуществу. Но и все другое, что не есть личность, заключаетъ въ себѣ принципъ вещности. Если такія безличныя существа и не суть вещи, то они суть отъ вещи, заключаютъ въ себѣ этотъ мертвый и мертвящій принципъ.

Несмотря на то, что изъ разсмотрѣнныхъ двухъ основныхъ принциповъ всѣ преимущества, какъ мы видимъ, на сторонѣ личности—ибо она настолько же выше вещи, насколько жизнь выше отсутствія жизни—однако, на дѣлѣ въ исторіи философской мысли рѣшительно преобладаетъ принципъ вещи. Европейская философія по преимуществу есть фисософія вещи.

Впрочемъ, мы должны замѣтить, что говоримъ о личности и вещи и ихъ противоположности лишь примѣнительно къ истолкованію именно послѣдней основы бытія, а не всякаго вида бытія. Можно держаться персональнаго направленія, напримѣръ, въ отношеніи тѣхъ или другихъ областей бытія, въ отношеніи же послѣдняго принципа существованія находиться во власти принципа вещности. Это можно видѣть на примѣрѣ греческаго религіознаго сознанія. Оно было персональнымъ въ отношеніи отдѣльныхъ областей бытія, но въ пониманіи послѣдней его основы недвусмысленно склонялось къ принципу вещности, поскольку для грека за личными существами—богами стояла слѣпая безличная εἱμαρμένη, имѣвшая значеніе высшей силы, которой все подвластно и которая во всемъ дѣйствуетъ.

Итакъ, говоря о преобладаніи принципа вещности въ исторіи философской мысли, мы имѣемъ въ виду послѣднюю основу бытія, иными словами, мы имѣемъ въ виду не философію вообще, а метафизику. Строго говоря, существуетъ лишь три типа метафизики: метафизика греческая, метафизика христіанская и метафизика германская. И вотъ только христіанская метафизика безусловно стоитъ на сторонѣ принципа личности; что же касается метафизики греческаго и особенно метафизики германскаго типа, то онѣ склоняются къ принципу вещности.

Такимъ характеромъ безусловно отличается метафизика начала греческой философіи. Нужно замѣтить, что это предпочтеніе принципа вещи въ данномъ случаѣ было простодушнымъ и наивнымъ; оно обусловливалось просто тѣмъ, что еще слабо развитое философское сознаніе было обращено именно къ вещному міру и не замѣчало внутренняго міра личности. Только на вершинѣ развитія греческой философской мысли наивная метафизика вещи поколебалась въ своемъ значеніи, и совершается поворотъ въ сторону принципа личности. Говоря объ этомъ поворотѣ, мы имѣемъ въ виду собственно философію Платона и Аристотеля, хотя нѣкоторые симптомы этого движенія можно констатировать и ранѣе, напримѣръ, въ философіи Анаксагора. О послѣднемъ Аристотель говоритъ, что выступивъ съ ученіемъ о разумѣ, какъ началѣ міра и всякаго порядка въ мірѣ, онъ, по сравненію съ предшествовавшими ему философами, производитъ впечатлѣніе трезваго среди одержимыхъ полнымъ бредомъ.

Но даже въ своихъ самыхъ высокихъ образцахъ философія греческая никогда не могла освободиться отъ власти принципа вещности и стать вполнѣ философіей личности. Такая философія впервые возникла на христіанской почвѣ и была результатомъ благотворнаго вліянія идей христіанскаго Откровенія на греческую философскую мысль. Христіанская метафизика долгое время единодержавно владычествовала надъ умами, но съ началомъ эпохи такъ назыв. новаго времени снова возраждается философія вещи и мало-по-малу получаетъ рѣшительный перевѣсъ предъ философіей личности. Философія Джіордано Бруно, философія Спинозы и, наконецъ, германская философія послѣ - Кантовскаго періода—вотъ главные этапы успѣха въ философіи вещи.

Въ томъ, что принципъ вещи снова получилъ преобладаніе,—этому не слѣдуетъ особенно удивляться, ибо въ вещи заключенъ великій соблазнъ, большая искушающая сила. Этотъ соблазнъ обусловливается присущимъ человѣку недовольствомъ собою, тѣмъ бѣгствомъ отъ себя, тѣмъ центробѣжнымъ стремленіемъ, которое можно назвать великодушнымъ заблужденіемъ человѣка... Человѣкъ слишкомъ низко цѣнитъ себя, чтобы высоко ставить принципы личности. И ему кажется, что болѣе высокій принципъ онъ найдетъ внѣ себя—въ этомъ безсознательномъ бытіи окружающаго его внѣшняго міра...

Что принципъ личности въ примѣненіи къ послѣдней основѣ бытія даетъ теизмъ, это ясно само собою. Но и что принципъ вещи, въ томъ же примѣненіи, необходимо даетъ пантеизмъ, это также не требуетъ большихъ объясненій. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только стать на путь презрѣнія къ личности, стоитъ только въ вещи усмотрѣть подлинный типъ бытія—и немедленно создаются данныя для пантеистическаго воззрѣнія. Если въ представленіи Бога беретъ перевѣсъ принципъ вещности, то Его отношеніе къ міру не можетъ мыслиться иначе, какъ пантеистически: Богъ тогда—энергія, сила или просто даже субстанція, а міръ лишь развитіе, дѣйствіе, модификація этой силы, этой субстанціи.

Какъ уже было сказано, новѣйшая философія—особенно философія германская—находится во власти принципа вещности и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, тяготѣетъ къ пантеизму и отвращается отъ теизма. Но въ послѣднее время, безспорно, замѣчается отрезвленіе отъ этого гипноза вещи и поворотъ въ сторону личнаго принципа. Это движеніе можно констатировать во Франціи (персонализмъ Ренувье), въ Англіи (рядъ теистически настроенныхъ мыслителей) и даже въ Германіи (Эйкенъ). О Россіи нечего и говорить; здѣсь, благодаря духовнымъ академіямъ, никогда не изсякалъ живой родникъ христіанской философіи, только эта философія не пользовалась вліяніемъ.

Въ виду обрисованнаго положенія современной философской мысли, является вполнѣ умѣстнымъ изслѣдовать оба принципа въ ихъ наиболѣе типичныхъ проявленіяхъ. Что философія Спинозы наиболѣе типичный образецъ пантеистической философіи вещности, — это въ исторіи философіи, можно сказать, установившееся мнѣніе. Философія же Лейб-

ница заслуживаетъ предпочтенія предъ другими видами философскаго теизма потому, что она создана въ значительной степени въ виду философіи Спинозы, такъ сказать, полемически заострена въ сторону послѣдней. Все это дѣлаетъ обѣ названныя системы наиболѣе пригодными для изслѣдованія основной философской антитезы — вещи и личности.

Задача настоящаго труда заключается въ томъ, чтобы на конкретныхъ образцахъ показать преимущества принципа личности предъ противоположнымъ ему принципомъ. Насколько успѣшно эта задача выполнена—мы предоставляемъ судить другимъ.

Въ заключеніе своего слова, я считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ выразить свою искреннюю благодарность тѣмъ, чьею помощію я пользовался при написаніи настоящей диссертаціи. Прежде всего я глубоко признателенъ Виталію Степановичу, который помогъ мнѣ въ выборѣ темы, преподалъ первоначальныя руководственныя указанія и за весь процессъ работы, съ присущими ему добротою и готовностію, постоянно приходилъ мнѣ на помощь своими совѣтами и указаніями. Признателенъ я также и второму рецензенту моей диссертаціи—Димитрію Павловичу, который, со свойственной ему остротою и вѣрностію критической мысли, указалъ на нѣкоторые пробѣлы и дефекты моей работы, которые я, по мѣрѣ возможности, постарался восполнить и исправить при печатаніи.

Равнымъ образомъ я считаю своею священною обязанностію благодарно вспомнить покойныхъ и живыхъ учредителей фонда въ память столѣтія нашей Академіи, на средства какового фонда была издана подлежащая защитѣ диссертація.

В. Бѣляевъ.

Новгородскій и С.-Петербургскій митрополитъ Григорій (Постниковъ) и его заслуги для духовнаго просвѣщенія.

Къ столѣтію перваго выпуска студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Личность митрополита Григорія.—Побужденія къ изученію его жизни и дѣятельности.—Задачи и предѣлы очерка.

Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи русской церкви богатъ славными именами. Въ частности, область духовнаго просвѣщенія выдвигаетъ цѣлый рядъ знаменитыхъ дѣятелей, которые создаютъ духовной школѣ ея настоящую физіономію. Это было время, когда природная русская религіозность должна была соединиться съ систематическимъ богословскимъ вѣдѣніемъ и имъ укрѣпиться навсегда, создавъ тѣмъ характерную черту русскаго богослова. Русское богословіе тогда нарождалось и дѣлало свои первые шаги. Среди представителей нарождающейся богословской науки личность митрополита Григорія не теряется безслѣдно, какъ ординарная единица въ массѣ; она солидно выдѣляется и занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Дѣятельность митрополита Григорія была направлена къ полному торжеству самобытной русской богословской науки съ православнымъ настроеніемъ и русскимъ языкомъ. Его любовь къ наукѣ и просвѣщенію была безпредѣльна и непрерывно поддерживалась въ теченіе всей его жизни, несмотря на то, что скоро по окончаніи академіи онъ занимаетъ видный адмистративный постъ инспектора академіи, затѣмъ ректора и епархіальнаго архіерея. Будучи епархіальнымъ архіеремъ, Григорій съ неменьшею быстротою полу-

чаетъ санъ архіепископа, званіе члена Св. Синода и т. д. до митрополита С.-Петербургскаго и первенствующаго члена Сvнода включительно. Нельзя сказать, чтобы этотъ іерархическій успѣхъ Григорія зависѣлъ отъ какихъ-либо особенныхъ дарованій его: талантами онъ не блисталъ. Нельзя сказать и того, чтобы Григорій какъ-либо добивался успѣха, бралъ его приступомъ: онъ приходилъ самъ собою, какъ должная награда за постоянный и честный трудъ на нивѣ духовнаго просвѣщенія. Всю свою жизнь Григорій посвятилъ службѣ духовному просвѣщенію въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія,—уча, проповѣдуя и миссіонерствуя. Въ свое время онъ былъ первокласснымъ ученымъ богословомъ въ Россіи. Первый докторъ изъ всѣхъ своихъ товарищей, несмотря на то, что между ними былъ знаменитый Г. П. Павскій, первый докторъ за диссертацію, а не honoris causa,—Григорій составилъ по догматическому богословію лекціи, которыя получили извѣстность во всѣхъ академіяхъ и семинаріяхъ, какъ важное пособіе для учащихся [1]). Далѣе, митрополитъ Григорій пользовался заслуженнымъ уваженіемъ за основательность, простоту и ясность своихъ проповѣдей, которыхъ очень много оставилъ, а еще болѣе сказалъ, такъ какъ не упускалъ случая, чтобы не предложить вѣрующимъ приличнаго наставленія. Но болѣе всего митрополитъ Григорій памятенъ намъ, какъ миссіонеръ и расколовѣдъ. О немъ можно смѣло сказать, что онъ многимъ открылъ двери истины и любви, двери церкви православной, что онъ единственный виновникъ того, что расколомъ заинтересовались многіе въ его время и не перестаютъ интересоваться теперь, что онъ, наконецъ, сообщилъ дѣлу миссіонерства его настоящій характеръ гуманности и мирнаго разсужденія. Тѣмъ важнѣе миссіонерская дѣятельность митрополита Григорія, что во всемъ ему самому принадлежитъ иниціатива дѣла, его теоретическая разработка и образцовая практика. Литературнымъ памятникомъ грандіозныхъ миссіонерскихъ трудовъ митрополита Григорія осталась его знаменитая „Истинно-древняя и истинно-православная Христова церковь“. Въ свое время эта книга была противораскольнической энциклопедіей, первымъ систематическимъ курсомъ по обличенію раскола, необхо-

---

[1]) Проф. Чистовичъ. Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи. Спб. 1857 г., стр. 280.

димымъ руководствомъ для миссіонеровъ и священниковъ и единственнымъ учебникомъ въ средней духовной школѣ. Значеніе ея не утратилось и теперь, какъ систематическаго собранія выдержекъ изъ раскольническихъ книгъ по многимъ вопросамъ полемики съ расколомъ.

Жизнь митрополита Григорія, который заявилъ себя столь разнообразною и плодотворною просвѣтительною дѣятельностью, должна быть особенно интересною. Она становится очень поучительною, когда мы снова подчеркнемъ, что преосвященный Григорій не блисталъ талантами, что онъ былъ человѣкомъ со средними способностями, похожимъ на многихъ другихъ. Онъ не былъ универсаленъ, какъ митрополитъ Филаретъ (Дроздовъ), блестящъ, какъ архіепископъ Ѳеофилактъ (Русановъ), и фанатиченъ, какъ архимандритъ Фотій (Спасскій). Онъ былъ только высокимъ идеалистомъ по духу и самоотверженнымъ труженикомъ по дѣлу. Жизнь преосвященнаго Григорія тѣмъ болѣе интересна, что его, высокаго идеалиста, многіе не понимали, и нѣкоторые его проекты, полные высокихъ надеждъ разлитія истины Христовой по неправославной Россіи и усиленія ея въ православной, еще тогда были отвергнуты, какъ несвоевременная и неосуществимая мечта. Мало того, обстоятельства времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ Григорій, а равно и нѣкоторыя черты характера самого Григорія—способствовали тому, что онъ не былъ ярко отмѣченъ ни въ свое время очевидцами, ни въ послѣдующее—исторіей. Разумѣемъ блестящихъ предшественниковъ Григорія по Комиссіи Духовныхъ Училищъ и склонность его къ уединенію и замкнутости. Непосредственно передъ Григоріемъ область духовнаго просвѣщенія обратила на себя вниманіе всей мыслящей Россіи (учрежденіе К. Д. У. и первые годы ея дѣятельности) и выдвинула блестящихъ дѣятелей въ лицѣ митрополита Филарета, архіепископа Ѳеофилакта, кн. А. Н. Голицына и М. М. Сперанскаго. Ихъ дѣятельность была чрезвычайно интенсивною, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и увѣнчалась неувядаемою славою. Но всякая напряженность кратковременна. По закону естественной реакціи скоро пала энергичная дѣятельность К. Д. У. и ослабѣло вниманіе къ ней общества, которое уже не интересовалось, кто и что тамъ дѣлалъ. Тѣмъ удобнѣе общество могло не замѣтить Григорія, который шумному полю общественной дѣятельности всегда предпочиталъ тихій уголъ

ученаго кабинета. Путемъ современниковъ Григорія, путемъ невниманія къ нему, идетъ пока и исторія. Такова ужъ психологія человѣчества: оно, какъ младенецъ, прежде всего тянется къ тому, что блеститъ. Мы видимъ массу изслѣдованій, статей и замѣтокъ о митрополитѣ Филаретѣ, объ архіепископѣ Ѳеофилактѣ, о Голицынѣ и Сперанскомъ. Тщательно собираются и издаются ихъ письма, мнѣнія и отзывы. Боятся обронить каждое ихъ слово. Ихъ дѣятельность разсматривается въ цѣломъ и по частямъ. Нерѣдко изслѣдованія одной какой-либо части ихъ дѣятельности даютъ обильный матеріалъ для цѣлыхъ ученыхъ диссертацій. Таковы, напримѣръ, изслѣдованія о митрополитѣ Филаретѣ. Что же касается митрополита Григорія, то о немъ, можно сказать, ничего нѣтъ въ печати, если не считать біографическаго очерка М. Шаврова [1]), біографіи въ „Историко-статистическихъ свѣдѣніяхъ о С.-Петербургской епархіи“ [2]), юбилейныхъ замѣтокъ въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“ [3]) и „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ [4]) и попутныхъ замѣтокъ въ исторіяхъ епархій, академій, семинарій, различныхъ обществъ и учрежденій, къ которымъ Григорій имѣлъ прямое отношеніе. Указанная печатная литература о митрополитѣ Григоріи, конечно, и не претендуетъ на то, чтобы быть спеціальною хотя въ одной части его дѣятельности; она не даетъ даже общаго вѣрнаго представленія о свѣтлой личности почтеннаго митрополита.

Обстоятельствами времени дѣятельности митрополита Григорія и отношеніемъ къ нему современниковъ и исторіи опредѣляется наша задача. Мы обязаны извлечь высокаго идеалиста и самоотверженнаго труженика изъ исторической тѣни, показать, что и въ тиши кабинета и глубинѣ духа могутъ совершаться дѣла общаго значенія, и отдѣлить преосвященному Григорію то, что явилось продуктомъ его идеальныхъ мечтаній и уединенныхъ занятій. Въ частности,

---

[1]) Церк. Лѣтопись, 1860 г. Іюль, стр. 356—432. Преосвященный Григорій, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

[2]) „Высокопреосвященный митрополитъ Григорій“. Спб. 1884 г., стр. 63—74.

[3]) „Высокопреосвященный Григорій, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій. 1910 г. Іюль—Августъ. Стр. 1249—1258.

[4]) Прот. Ф. Знаменскій. „Высокопреосвященный Григорій, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій. 1910 г. № 24, стр. 961—966.

мы считали бы свою задачу выполненною, если бы намъ удалось представить дѣятельность митрополита Григорія въ С.-Петербургской духовной академіи, выяснить роль его въ К. Д. У. и указать просвѣтительные труды въ періодъ епархіальной службы. Для своей цѣли мы ознакомились съ архивомъ С.-Петербургской духовной академіи и въ Св. Сѵнодѣ—съ архивомъ К. Д. У. и общимъ сѵнодскимъ. Въ самомъ сочиненіи мы намѣрены остановиться, главнымъ образомъ, на времени академической службы митрополита Григорія, которая будетъ представлена у насъ на основаніи всѣхъ нужныхъ для нея архивовъ, исключая архива Канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода, не имѣющаго къ намъ прямого отношенія. Что касается дальнѣйшей просвѣтительной дѣятельности преосвященнаго Григорія, то она будетъ представлена на основаніи архива С.-Петербургской духовной академіи, К. Д. У., общаго сѵнодскаго архива и относящейся къ личности митрополита Григорія печатной и нѣкоторой рукописной литературы.

ГЛАВА I.

Біографія митрополита Григорія.—Происхожденіе.—Начальное и среднее образованіе.—Григорій—студентъ С.-Петербургской духовной академіи.—Состояніе академіи того времени.—Успѣхи и поведеніе Григорія въ академіи.—Первое торжественное собраніе Конференціи.—Служебная карьера Григорія: назначенія, награды, разныя порученія и почетныя избранія.—Смерть Григорія и его духовное завѣщаніе.

Митрополитъ Григорій (въ мірѣ Георгій Петровичъ Постниковъ) родился 1 ноября 1784 года. По происхожденію онъ былъ великороссіяниннъ, что ярко подчеркивается мѣстомъ его рожденія. Его родиной было село Михайловское, Никитскаго уѣзда, Московской губерніи. Отецъ его—Петръ Θедоровъ—былъ діакономъ [1]. О родителяхъ Григорія ничего неизвѣстно, и можно только предполагать, что это была небогатая семья, крѣпкая присущимъ русакамъ здравымъ смысломъ и вѣрная своей православной церкви. Ко времени поступленія Григорія въ академію въ жизни его родителей произошла небольшая, для духовныхъ обычная перемѣна: отецъ его былъ переведенъ изъ Михайловскаго на діаконскую же дол-

---

[1]) А. С. С. Архіер. форм. № 115.

жность къ Николаевской церкви Нерскаго погоста, Броницкаго уѣзда [1]).

Жизнь Григорія начинается самымъ обыкновеннымъ образомъ. Разумѣемъ его образованіе. Ничего не зная объ его первоначальной школѣ, можно лишь предположить, что честь перваго обученія Григорія принадлежитъ его отцу—діакону, такъ какъ въ то время обычно діаконъ являлся и сельскимъ учителемъ. Кроткое сердце Григорія и здоровый духъ говорятъ, что имъ руководила вначалѣ любящая и заботливая рука. Къ сожалѣнію, мы лишены возможности сказать что-либо болѣе опредѣленное о жизни Григорія до окончанія имъ Троице-Сергіево-Лаврской семинаріи. Извѣстно лишь, что до 6 сентября 1805 года онъ обучался въ Перервинской семинаріи, а съ этого времени въ Троицкой [2]). Думается, что въ Троицкой семинаріи Григорій съ пользою провелъ свои юные годы. Къ этому представлялась полная возможность. Троицкая семинарія въ это время была на высотѣ своей исключительной славы, которой едва ли когда достигала другая семинарія. Послѣ духовно-учебной реформы 1808 года многіе изъ ея наставниковъ и воспитанниковъ вошли въ составъ первой профессорской корпораціи С.-Петербургской духовной академіи [3]). Своею славною дѣятельностью они создали свѣтлый періодъ въ жизни этой академіи, увѣковѣчили свои имена въ наукѣ и надолго оставили по себѣ добрую память въ сердцахъ своихъ питомцевъ. Для иллюстраціи достаточно сказать, что Троицкая семинарія породила и подарила С.-Петербургской духовной академіи знаменитаго Филарета (Дроздова), впослѣдствіи митрополита Московскаго. Въ этой семинаріи суждено было и Григорію попытать молодыя силы своего духа. Здѣсь онъ изучилъ грамматику, поэзію, риторику, исторію, философію, богословіе, медицину, географію, латинскій и французскій языки [4]). Въ 1808 году Григорій окончилъ семинарію со званіемъ студента. Окончаніе семинаріи удачно для Григорія совпало съ великою духовно-учебною реформою 1808 года. Періодъ времени 1808—1814 гг. можно назвать золотымъ вѣкомъ въ исторіи духовнаго просвѣщенія на Руси. Это было время, когда умъ, сочетавшись съ талантомъ, знаніе дѣла—съ энергіей и любовью къ нему,

---

[1]) К. Д. У. № 427. [2]) К. Д. У. № 78.
[3]) К. Д. У. №№ 21—24. [4]) К. Д. У. № 18.

церковный авторитетъ—съ государственнымъ, были принесены на дѣло созиданія духовной школы. Разумѣемъ время дѣятельности „Комитета объ усовершеніи духовныхъ училищъ“ (29 ноября 1807 года) и первое время дѣятельности Комиссіи Духовныхъ Училищъ, въ которую былъ переименованъ Комитетъ 26 іюня 1808 года. Дѣловитостью, работоспособностью и необыкновенной быстротой ознаменовались первые шаги этихъ двухъ институтовъ. Писались новые уставы, составлялись штаты, приглашались профессора, изыскивались финансы, покупались нужныя книги и т. д. Дѣло было поставлено широко и, укрѣпляясь теплымъ сочувствіемъ Благословеннаго Государя, выходило изъ рамокъ кастовой обособленности духовенства и пріобрѣтало общегосударственный интересъ и значеніе. Все предвѣщало блага, которыя вскорѣ же осуществились.

27 октября 1808 года К. Д. У. издала правила объ истребованіи изъ академій и семинарій студентовъ въ составъ перваго курса обновленной С.-Петербургской Академіи. [1]) 20-го ноября Сvнодъ отправилъ правила къ епархіальнымъ архіереямъ, которые должны были выбрать студентовъ „самыхъ лучшихъ, какъ со стороны успѣховъ, такъ наипаче со стороны способностей къ наукамъ и благонравія“ и, снабдивъ ихъ всѣмъ нужнымъ, отправить въ С.-Петербургъ къ 15 января 1809 года. По тѣснотѣ академическихъ зданій (Θеодоровскій корпусъ) было рѣшено вызвать сто человѣкъ. Двадцат архіереевъ представили „отличнѣйшихъ и способнѣйшихъ студентовъ“, которые вмѣстѣ съ семью студентами, переведенными изъ старой Александро-Невской академіи, послѣ предварительнаго испытанія, были приняты въ новую академію и составили ея первый курсъ [2]). Въ числѣ семи студентовъ, присланныхъ изъ Троицкой семинаріи, былъ и Георгій Постниковъ. Митрополитъ Платонъ (Левшинъ) рекомендовалъ его въ аттестатѣ какъ „весьма честнаго, въ ученіи успѣховъ изрядныхъ и къ продолженію наукъ весьма способнаго“ [3]).

Реформированная академія и вызовъ въ нее Григорія открывали для него широкія перспективы, рождали большія надежды и окрыляли юношескіе идеалы. De facto Григорій

---

[1]) К. Д. У. № 17. [2]) К. Д. У. № 18.

[3]) Прав. А. Спб. Д. А. Внутр. Правл. 1808 г. № 3.

нашелъ въ академіи—ученыхъ профессоровъ, лучшихъ представителей тогдашней богословской мысли, хорошую библіотеку и относительно достаточный внѣшній комфортъ.

Устройствомъ классовъ въ академіи занялись сами члены К. Д. У. Естественно, что каждый заботился о томъ, чтобы профессоръ его класса былъ на высотѣ своего положенія. На философію Сперанскій вызвалъ изъ Берлина Фесслера, который преподавалъ и еврейскій языкъ, и послѣ былъ извѣстенъ, какъ крайній мистикъ. На математику Голицынъ пригласилъ академика Гурьева. Классами словесныхъ наукъ руководилъ самъ устроитель его архіепископъ Ѳеофилактъ (Русановъ). Богословіе преподавалъ ректоръ академіи, архимандритъ Евграфъ (Музальскій); исторію—вызванный изъ Троицкой семинаріи профессоръ Орловъ. Въ числѣ молодыхъ баккалавровъ былъ, между прочимъ, іеромонахъ Филаретъ (Дроздовъ). Классы языковъ К. Д. У. постановила ввѣрять иностранцамъ: греческій языкъ преподавалъ Скипасъ, нѣмецкій—Отто Смольяно, французскій—де Боэ [1]). Самый порядокъ назначенія въ профессора академіи говорилъ о большомъ вниманіи къ ней К. Д. У. Каждый изъ претендентовъ представлялъ въ К. Д. У. конспектъ, въ которомъ излагалъ методъ и содержаніе своего предмета. Нерѣдко эти конспекты поражали своею обширностью и ученостью [2]). Методъ преподаванія первыхъ профессоровъ былъ направленъ къ тому, чтобъ возбудить у студентовъ самодѣятельность ихъ молодыхъ умовъ. Профессора вмѣстѣ со студентами читали и разбирали подлинные источники науки [3]), а для физики имѣлся спеціальный кабинетъ [4]).

Академическій курсъ, отличаясь по составу наукъ энциклопедизмомъ (богословіе—философія—словесность—математика—языки), а каждая наука—по содержанію чрезвычайною обширностью, побуждали профессоровъ и студентовъ къ усиленнымъ занятіямъ. Нерѣдко профессорамъ приходилось составлять самыя учебныя руководства. Поэтому послѣднихъ справедливо называютъ преданными и безкорыстными піоне-

---

[1]) Проф. Чистовичъ. Исторія С.-Петербургской духовной академіи. Спб. 1857 г., стр. 183.

[2]) К. Д. У. № 21. См. конспектъ архим. Евграфа (Музалевскаго).

[3]) См. К. Д. У. № 21.

[4]) См. К. Д. У. № 53.

рами созиданія самостоятельнаго, истинно-каѳолическаго богословія [1]).

Академическая библіотека съ самаго начала реформы не переставала пополняться учеными книгами, а спеціальные кабинеты—нужными инструментами и приборами. Въ самый годъ открытія академіи было пріобрѣтено для нея на 12,631 р. 20 к. книгъ и математическихъ инструментовъ [2]). 1811 года К. Д. У., по предложенію Голицына, купила для академіи ученую коллекцію книгъ у вдовы покойнаго профессора Московскаго университета Маттеи [3]). Въ томъ же году академія была удостоена милостиваго вниманія самого Благословеннаго Государя, который, желая умножить способы къ совершенному образованію духовнаго юношества, въ 8 день мая повелѣлъ: „всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, издающимъ въ свѣтъ книги и сочиненія, безденежно доставлять для С.-Петербургской духовной академіи... по экземпляру книгъ, могущихъ соотвѣтствовать цѣли духовнаго воспитанія“ [4]). А четыре года спустя (1815 г.) К. Д. У. издала аналогичное постановленіе о тѣхъ книгахъ, которыя печатались съ дозволенія духовной цензуры въ типографіяхъ духовнаго вѣдомства [5]).

Такимъ образомъ, въ отношеніи ученыхъ руководителей и средствъ академія сразу же стала на должную высоту. Студентамъ оставалось только учиться. Но излишняя ревность часто бываетъ причиною несчастій. Если ученые профессора не успѣвали прочитывать своихъ курсовъ по причинѣ ихъ обширности, то тѣмъ труднѣе было ихъ усваивать студентамъ, нерѣдко малоподготовленнымъ къ академическимъ лекціямъ. Ихъ усидчивость и работоспособность прямо поражаютъ. До восьми часовъ въ день, и утромъ и вечеромъ, они слушали лекціи, бѣгло записывая ихъ за профессоромъ, что было необходимо при отсутствіи печатныхъ руководствъ и возможности литографировать лекціи. Остальное время дня уходило на то, чтобы исправить записанное, переписать и заучить. Кромѣ лекцій студенты занимались сочиненіями и составленіемъ проповѣдей, на которыя про-

---

[1]) Проф.-прот. Соллертинскій. Историческая записка о Спб. д. а. Спб. 1910 г., стр. 51.

[2]) К. Д. У. № 53. [3]) К. Д. У. 586. [4]) К. Д. У. № 510.

[5]) Внутр. Правл. 1815 г. № 15.

фессора обращали особенное вниманіе, такъ какъ сочиненія признавались лучшимъ средствомъ для возбужденія мыслительной самодѣятельности у студентовъ. Обиліе работы превышало обыкновенныя человѣческія силы. Несмотря на то, что студенты академіи предварительно были закалены въ семинаріяхъ, ненормальность академическихъ занятій не замедлила принести печальные плоды: многіе изъ студентовъ со стези науки сходили въ могилу [1]). Въ виду этого еще въ 1810 году, по предложенію ректора академіи, архимандрита Сергія (Крылова), учебные часы были сокращены съ 8 до 6 [2]). Затѣмъ послѣдовало новое облегченіе: была введена факультетская система [3]) и, наконецъ, въ 1813 году, по предложенію митрополита Амвросія (Подобѣдова), былъ сокращенъ до настоящей нормы и самый учебный курсъ, опредѣленный сначала въ шесть лѣтъ [4]).

Внѣклассная жизнь студентовъ протекала большею частію въ стѣнахъ академіи въ подлинномъ смыслѣ, — особенно зимою, такъ какъ академическій уставъ не предусматривалъ необходимости для студентовъ теплой верхней одежды. Въ реестрахъ студенческихъ вещей и контрактахъ мы также не находимъ никакихъ указаній на нее, какъ не находимъ указаній и на то, чтобы студентамъ выдавались полотенца и носовые платки. Въ остальномъ матеріальная жизнь студентовъ была удовлетворительной и тѣмъ болѣе, если сравнивать ее съ жизнью тогдашнихъ семинарій и бурсъ. Студенческій столъ не прельщалъ разнообразіемъ и богатствомъ, но отличался питательностью и обиліемъ [5]). Гардеробъ состоялъ изъ четырехъ смѣнъ: зимняя (мухояровая), лѣтняя (китайчатая или тиковая) и праздничная (изъ синяго „аглицкаго“ сукна—сюртукъ и фракъ). Необходимымъ дополненіемъ къ этому были: пуховыя шляпы, теплыя (оленьи) перчатки и двѣ косынки изъ черной тафты [6]). Помѣщались студенты по нѣскольку человѣкъ въ одной комнатѣ, которая была занятною и спальней. Обстановка ком-

---

[1]) См. Журн. Внутр. Правл. 1810 г. 15 іюля, 1811 г. 26 апр., 31 іюля; 1812 г., 21 іюня 1813 г. 20 янв., 1814 г. 16 іюля и др.

[2]) К. Д. У. № 265.

[3]) Доброклонскій. Прав. Соб. 1885 г., III, стр. 415.

[4]) Внутр. Правл. 1814 г. № 24. [5]) К. Д. У. № 202.

[6]) К. Д. У. № 306, ср. ibid. № 563, 696, 876, 955.

наты была достаточно комфортабельна [1]). Въ каждой комнатѣ былъ одинъ „старшій", непосредственному вѣдѣнію котораго ввѣрялась вся комната [2]). По дѣламъ комнаты „старшіе" имѣли право непосредственнаго сношенія съ начальствомъ академіи. Они являлись какъ бы помощниками инспектора, которыхъ тогда еще не было. Черезъ нихъ инспекторъ вѣдалъ всѣхъ студентовъ. А иногда они доносили о жизни студентовъ и самому ректору. Институтъ „старшихъ" на первый взглядъ поражаетъ своею ненормальностью, но если сообразить, что въ „старшіе" могли пройти самые благонравные и способные студенты, то рѣзкость этой ненормальности нѣсколько сглаживается. Есть возможность даже идеализировать жизнь студентовъ того времени и говорить „объ атмосферѣ какой-то общей порядочности, полной уваженія къ ихъ студенческому достоинству, на каждомъ шагу напоминающей о самоуваженіи и воспитаніи въ себѣ благородныхъ чувствъ и поступковъ" [3]). Но „буйство", произведенное студентами въ столовой 10 апрѣля 1810 года [4]) и повлекшее за собою расширеніе сферы вѣдѣнія „старшихъ" [5]) и жестокое наказаніе виновныхъ отдачею въ солдаты и церковники, говоритъ о другомъ, именно: о суровости нравовъ высшей духовной школы того времени. Есть возможность допустить, что въ академіи употреблялись даже розги. По дѣлу о „буйствѣ" архіепископъ Ѳеофилактъ (Русановъ), оберъ-свящ. Державинъ и Сперанскій, вслѣдствіе ходатайства митрополита, предложили: „студентовъ Любомудрова, Романова, Страхова, Недешева и Протопопова не исключая изъ академіи наказать розгами въ присутствіи всѣхъ студентовъ, а Левикова осудить на одну недѣлю въ уединенное заключеніе и на другую—на хлѣбъ и воду" [6]). Для студентовъ имѣлась особая больница, „достаточная вещами и приспособленіями" [7]).

Такую обстановку Григорій встрѣтилъ въ С.-Петербургѣ. Очутившись въ столицѣ, когда жизнь церковно-общественная шла самымъ широкимъ разливомъ, захватывая все общество, студентъ Георгій Постниковъ имѣлъ полную воз-

---

[1]) К. Д. У. № 306. [2]) Внутр. Правл. 1809 г. № 38, ср. № 17.

[3]) Дьяконовъ. Духовная школа въ Царств. Импер. Николая I. С.-Посадъ, 1907 г. стр. 337.

[4]) К. Д. У. № 295. [5]) К. Д. У. № 297.

[6]) К. Д. У. № 295, л. 20. [7]) К. Д. У. № 737.

можность наблюдать эту жизнь и усваивать ея интересы. Но положеніе питомца духовной школы стѣсняло его, а званіе студента академіи налагало массу своихъ обязанностей, которыя были по душѣ молодому студенту и которымъ онъ всецѣло отдался. Изъ экзаменаціонныхъ списковъ видно, что Григорій не сразу оказалъ отличные успѣхи; онъ шелъ выше средняго. Замѣчательно при этомъ, что въ первые годы академическаго обученія лучшіе изъ его успѣховъ были не въ той спеціальности, которая послѣ составила ему ученое имя. „Похвально" онъ учился по всеобщей гражданской исторіи, „довольно хорошо"--по словесности, „хорошо"—по философіи, „преизрядно"—по географіи, а по богословію онъ былъ только „благонадеженъ" [1]). Но уже въ 1910 году его вниманіе отливаетъ къ будущей спеціальности: по философіи у него „очень хорошо", а по богословію—„превосходные успѣхи" [2]). Далѣе успѣхи по этимъ предметамъ только прогрессируютъ, сопровождаясь пониженіемъ по другимъ. Все время до окончанія курса по богословію онъ идетъ „превосходно" и „отлично", по философіи—„bene" и „optime", по церковной исторіи—„прекрасно", „очень хорошо", „сходно" и „изрядно", тогда какъ по гражданткой исторіи, по словесности и географіи въ большинствѣ случаевъ стоитъ „не худо" [3]). Изъ языковъ съ наибольшимъ успѣхомъ Григорій занимался—французскимъ („satis diligenter et bene", „valde diligens"), и со среднимъ успѣхомъ—еврейскимъ. Особенно туго давался ему греческій языкъ, съ которымъ онъ не былъ знакомъ до академіи. По этому языку у него сплошь значится—„не худо", „отчасти занимается", „мало занимается" и даже совсѣмъ „не занимается" [4]). Въ разрядномъ спискѣ, который начали составлять съ 1812 года, за этотъ годъ Григорій занялъ мѣсто подъ № 14 въ первомъ разрядѣ, отличившись по богословію, философіи и церковной исторіи и проповѣди. А за 1813 годъ онъ перешелъ девятымъ въ первомъ разрядѣ [5]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что успѣхи Григорія въ теченіе академическаго курса совсѣмъ не обѣ-

---

[1]) Внутр. Правл. 1889 г. № 45. [2]) Внутр. Правл. 1810 г. № 90.

[3]) Внутр. Правл. 1811 г. № 26, 53; 1812 г. № 42, 65; 1813 г. № 34.

[4]) Внутр. Правл. 1809 г. 45; 46; 1810 г. № 57, 90; 1811 г. № 26, 53; 1812 г. № 42, 65; 1813 г. № 34.

[5]) Внутр. Правл. 1813 г. № 3.

щали ему большого будущаго въ области науки. Григорій былъ серьезнымъ человѣкомъ съ опредѣленными учеными симпатіями, хорошо успѣвающимъ студентомъ и только. Студентовъ лучшихъ его можно было считать десятками.

До самаго окончанія Григоріемъ академическаго курса мы совершенно не имѣемъ данныхъ говорить о какихъ-либо особыхъ его наклонностяхъ въ смыслѣ избранія образа жизни и рода дѣятельности. Списки поведенія однообразно говорятъ о „добропорядочности“ его, о „хорошемъ состояніи“, „похвальномъ поведеніи“, „добромъ поведеніи“ и т. п. [1]). Съ 1811 года мы видимъ его каждый годъ въ числѣ студентовъ, особенно отличившихся благонравнымъ поведеніемъ [2]). А въ 1814 году, какъ „всегда примѣрный, по силѣ академическаго устава, онъ былъ причисленъ къ сословію старшихъ не по должности, но въ знакъ благоволенія начальства“ [3]). Ясно, что Григорій былъ самымъ исправнымъ студентомъ, могущимъ угодить даже на монашествующее начальство того времени, къ которому онъ, видимо, тяготѣлъ. Монашескія симпатіи Григорія скоро обнаружились. Передъ выпускнымъ экзаменомъ, когда Комитетъ испытанія потребовалъ отъ студентовъ подписку о выборѣ профессіи, Григорій объявилъ, что „желаетъ посвятить себя навсегда и непосредственно духовному званію“ [3]).

Между тѣмъ К. Д. У., разсмотрѣвъ предложеніе митрополита Амвросія, опредѣлила—окончить занятія перваго академическаго курса въ іюлѣ 1814 года [4]). Съ приближеніемъ этого времени, академія начала готовиться къ выпускному экзамену. Профессора спѣшили закончить курсы. Студенты усиленнѣе занимались. Составлялись программы испытаній, производились самыя испытанія, писались выпускныя сочиненія. Приближался день перваго собранія Конференціи С.-Петербургской духовной академіи. Приглашались почетные гости. Было составлено очень интересное приглашеніе на русскомъ и латинскомъ языкахъ:

---

[1]) Внутр. Правл. 1811 г. № 10: 1812 г. № 40; 1814 г. № 15.

[2]) К. Д. У. № 427, 620, 785, 1023. [3]) А. С. С. 1814 г. № 740.

[3]) К. Д. У. № 1169.

[4]) Проф. Чистовичъ. „Исторія Спб. дух. академіи“. Спб. 1857 г. стр. 226.

„Благодатію и промысломъ Всеблагаго Бога, щедротами Благочестивѣйшаго Самодержца, трудами сословія, имѣющаго порученіе усовершить общее образованіе духовнаго юношества, вновь насажденный, напоенный, возращенный вертоградъ готовитъ дать первый плодъ. Не тщеславясь симъ, конечно, незрѣлымъ плодомъ, но страшась, чтобы не явиться недостойнымъ толикихъ попеченій и неблагодарнымъ къ такимъ благодѣяніямъ, отверзаетъ онъ свои двери и приглашаетъ благосклонныхъ покровителей и любителей просвѣщенія, особенно духовнаго, удостоить посѣщенія, взора и собственнаго испытанія представляемые ихъ вниманію слабые опыты основательныхъ и изящныхъ познаній“ [1]).

Numinis Optimi gratia et providentia munificentia Piissimi Αυτοκρατορος, nec non Coetus, qui totius Juventutis Ecclesiasticae cultura perficienda commissa est, labore plantata, irrigata et aucta, primam parat recens vinea vindemoniam. Proinde non fructu, quem immaturum celare nequit, superba, sed ne tantis curis indigna prorsus et ingrata iaceat, verita patenti ianua, eruditionis imprimis Sacrae Fauctores et Cultores Humanissimos invitat qualescunque tum solidiores imo, nidedignati fuerint, palpaturos et exploraturos“ [1]).

Собраніе обѣщало быть торжественнымъ. Къ самому дню собранія (13 августа) всѣ подготовительныя работы были удачно выполнены. Экзамены успѣшно закончились. У Григорія выпускной экзаменъ былъ самымъ удачнымъ за все время обученія его въ академіи. Возможно, что здѣсь сыграли роль симпатіи къ нему начальства и тяготѣніе самого Григорія къ монашеству. По всѣмъ предметамъ экзамена онъ удостоенъ 1-го разряда, кромѣ греческаго языка, по которому былъ причтенъ ко 2-му разряду. Въ разрядномъ спискѣ онъ занялъ мѣсто подъ № 3 [2]). 13 августа въ торжественномъ собраніи Конференціи онъ удостоенъ ученой степени магистра и имѣлъ честь закончить это собраніе своею рѣчью, въ которой благодарилъ высокихъ посѣтителей

[1]) Внутр. Правл. 1814 г. № 24.

[2]) Внутр. Правл. 1814 г. № 24.

и покровителей просвѣщенія и благочестія за ихъ „дѣятельное и мудрое попеченіе“ [1]). Этотъ день былъ для Григорія началомъ многосложной его жизни въ обществѣ, полной труда и заботъ, постепенно возрастающихъ успѣховъ по службѣ и справедливыхъ наградъ. Григорій былъ оставленъ баккалавромъ при каѳедрѣ богословія [2]). Назначеніе въ помощники къ Филарету было очень лестнымъ для Григорія и побуждало его къ особенному научному усердію. 14 августа, по предложенію Филарета, Григорій занялъ должность академическаго библіотекаря [3]). Однако первые успѣхи по службѣ не охладили прежнихъ намѣреній Григорія. Отъ природы склонный къ уединенной и созерцательной жизни, всегда сосредоточенный въ себѣ, онъ твердо рѣшилъ быть инокомъ, видя въ иночествѣ залогъ желаннаго ему жизненнаго идеала. Въ прошеніи къ митрополиту онъ писалъ: „по склонности моей къ уединенію и любви къ наукамъ, желаю поступить въ иноческое званіе, сему расположенію моему болѣе соотвѣтственное“ [4]). Просьба его была удовлетворена: 25 августа онъ былъ постриженъ, 27-го посвященъ въ іеродіакона, а 28-го въ іеромонаха [5]).

Принявъ постриженіе въ монашество, Григорій быстро пошелъ по ступенямъ административнаго возвышенія. 3 октября 1814 года онъ былъ избранъ членомъ Внѣшняго Академическаго Правленія [6]), а 18 марта 1816 года былъ назначенъ инспекторомъ академіи [7]). Въ томъ же году онъ былъ назначенъ вице-президентомъ Библейскаго общества [8]); въ 1817 г.— членомъ Строительнаго Комитета, Высочайше учрежденнаго при С.-Петербургской духовной академіи 24 февраля 1817 г. [9]); затѣмъ архимандритомъ Волоколамскимъ, Московской епархіи (29 іюля 1817 г.) [10]); экстраординарнымъ профессоромъ

[1]) Журналъ 1-го собранія Конференціи Спб. дух. академіи, Спб. 1814, стр. 29—35; ср. проф. Чистовичъ. „Исторія Спб. д. а.“ стр. 235.

[2]) Внутр. Правл. 1814 г. № 35.

[3]) Жур, Внутр. Правл. 1814 г. 14 авг. ср. А. С. С. Архіер. форм. № 115; акад. форм. 1815, 1816, 1817, 1817, 1819 и 1824 гг.

[4]) А. С. С. 1814 г. № 740. [5]) Внутр. Правл. 1814 г. № 37.

[6]) Внутр. Правл. 1814 г. № 45. К. Д. У. № 1233.

[7]) Внутр. Правл. 1816 г. № 15.

[8]) Проф. Чистовичъ. „Исторія перевода библіи на русскій языкъ“. Спб. 1899 г. стр. 16—20.

[9]) К. Д. У. № 1887. [10]) А. С. С. Арх. форм. № 115.

академіи (1-го октября 1817 г.) [1]) и въ 1818 г., „по основательнымъ и ревностнымъ трудамъ... въ руководствованіи богословскаго класса собственными его лекціями",—ординарнымъ профессоромъ [2]).

Назначеніемъ на постъ инспектора академіи Григорій выдвигаются въ ряды *первыхъ профессоровъ академіи.* Какъ членъ Внутренняго и Внѣшняго Правленій академическихъ онъ пріобрѣлъ значеніе для всего С.-Петербургскаго духовно-учебнаго округа. А какъ инспектору академіи, ему ввѣрялось воспитаніе юношей къ занятію высшихъ церковныхъ должностей и профессорскихъ каѳедръ въ семинаріяхъ. Съ назначеніемъ на должность инспектора Григорій отказался отъ обязанностей библіотекаря [3]).

Какъ человѣкъ свѣжей энергіи и дѣла, Григорій уже въ это время пріобрѣталъ извѣстность въ сферахъ, заправляющихъ тогда церковно-общественною жизнью. Разумѣемъ Россійское Библейское Общество (6 декабря 1812 г.). Назначеніе Григорія вице-президентомъ этого общества высоко поднимало его въ глазахъ современниковъ, и уже теперь будущность сулила ему многое [4]). Свое дѣловое участіе въ Библейскомъ Обществѣ Григорій обнаружилъ переводомъ на русскій языкъ книгъ Новаго Завѣта [5]). Когда послѣдовала реакція и посыпались нападки не только на Общество, но и на самый переводъ, то послѣдній въ лицѣ Григорія нашелъ себѣ настойчиваго и горячаго защитника, какъ дѣла праваго, безъ котораго производительность русской богословской мысли была бы зданіемъ безъ фундамента [6]). Своими совѣтами Григорій удерживалъ отъ рѣзкихъ выступленій противъ Общества нерасположеннаго къ нему м. Серафима (Глаголевскаго [7]).

Будучи связанъ обязанностями инспектора академіи и вице-президента Библейскаго Общества, Григорій не отвле-

---

[1]) А. С. С. Арх. форм. № 115. [2]) Внутр. Правл. 1818 г. № 35.

[3]) Внутр. Правл. 1816 г. № 15.

[4]) Проф. Чистовичъ. „Исторія перевода библіи на русскій языкъ". Спб. 1899 г., стр. 19.

[5]) Ibid. стр. 154, прим. 1-е.

[6]) Проф.-прот. Соллертинскій. „Историческ. записка о Спб. д. а.". Спб. 1910 г., стр. 24; ср. Львовъ. „Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митр. Моск. Филарету". Спб. 1918 г., стр. 76.

[7]) Львовъ. „Письма къ Филарету", стр. 64.

кался этимъ отъ ученыхъ занятій. Въ 1817 году онъ опубликовалъ капитальную ученую работу. Разумѣемъ его докторскую диссертацію „Commentatio de Prophetis in genere" [1]). Отзывы четырехъ почетныхъ докторовъ констатировали въ ней „обширныя и глубокія познанія" [2]). Нужно замѣтить, что Григорій былъ первымъ докторомъ изъ всѣхъ своихъ товарищей и первымъ докторомъ не „honoris causa", а за спеціальную диссертацію. Естественно, что это выдвигало Григорія, какъ ученую силу, обращало на него новое вниманіе начальства и сопровождалось новыми знаками вниманія.

Въ 1819 году Филаретъ былъ переведенъ въ Тверь. Прямымъ кандидатомъ на освободившееся мѣсто ректора академіи былъ инспекторъ—архим. Григорій. Григорія желалъ видѣть ректоромъ и Филаретъ; его рекомендовалъ и митрополитъ. 25 марта 1819 г. К. Д. У. назначила ректоромъ академіи „извѣстнаго ей по способностямъ и отличнымъ дарованіямъ" архим. Григорія [3]). 14 апрѣля Григорій былъ назначенъ членомъ С.-Петербургской Духовной Консисторіи съ правомъ „присутствовать въ оной въ одно только свободное отъ другихъ упражненій время" [4]). 2-го мая указомъ Св. Сvнода велѣно считать Григорія „подъ первоклассными епаршескихъ монастырей архимандритами по уваженію отличныхъ училищныхъ должностей, имъ занимаемыхъ" [5]). Въ этомъ же году Григорій состоялъ членомъ „Временнаго Комитета для составленія дополнительныхъ правилъ, относящихся до духовной цензуры" [6]). 21 августа 1821 года Высочайшимъ указомъ онъ назначенъ членомъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ [7]). И, наконецъ, 23 апр. 1822 г.—епископомъ Ревельскимъ, викаріемъ С.-Петербургской епархіи, съ оставленіемъ въ должности ректора [8]).

[1]) Конф. 1817 г. № 97. 14 іюля 1817—единогласно избранъ Конференціей Спб. духовной академіи; 16 іюля—утвержденъ К. Д. У, а 18 получилъ докторскій крестъ.

[2]) Конф. 1817 г. № 97. Михаилъ (Десницкій), архіеп. Черниговскій; Серафимъ (Глаголевскій), архіеп. Тверской; архим. Филаретъ (Дроздовъ), ректоръ С.-Петербургской духовной академіи и архим. Иннокентій (Смирновъ), ректоръ С.-Петербургской духовной семинаріи; К. Д. У. № 1972.

[3]) К. Д. У. № 2471; Внутр. Правл. 1819 г. № 29; Конф. 1819 г. № 222; журн. Конф. 14 апр. 1819 г.

[4]) Внутр. Правл. 1819 г. № 33.

[5]) А. С. С. 1819 г. № 403; Внутр. Правл. 1819 г. № 43.

[6]) Конф. 1819 г. № 2. [7]) К. Д. У. № 3028.

[8]) А. С. С. 1822 г. № 419; Внутр. Правл. 1822 г. № 51.

Какъ ректору академіи, Григорію ввѣрялась теперь вся академія, та академія, о которой еще недавно такъ заботились и которая еще недавно интересовала все русское общество. Самому Григорію было лестно не только это назначеніе, но и то, что онъ являлся преемникомъ знаменитаго учителя своего и друга Филарета. И Григорій съ честью несъ дѣло, переданное ему послѣднимъ. Ревизорскій отчетъ Филарета за 1819 годъ и частыя награды Григорія подтверждаютъ это. 1819 года по отличному о немъ и хорошему объ академіи отзыву Филарета онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3 ст.[1]). Въ 1821 году — „въ возданіе усердной и отличной службы по училищной части"—Григорій былъ Высочайше награжденъ наперснымъ крестомъ, украшеннымъ алмазами [2]). А въ 1823 г., по представленію м. Серафима, „за долговременные и усердные труды по С.-Петербургской духовной академіи" и „въ воздаяніе дѣятельныхъ попеченій о духовномъ просвѣщеніи"—орденомъ св. Владиміра 2 ст. [3]).

Но всѣ награды и высокія назначенія блекнутъ и становятся менѣе высокими передъ назначеніемъ Григорія членомъ К. Д. У. Григорій замѣнилъ въ ней оставившаго Сѵнодъ и К. Д. У. и уѣхавшаго въ свою епархію Филарета (Дроздова) [4]). Намъ извѣстенъ уже первый составъ К. Д. У., сфера ея дѣятельности и церковно-государственная компетентность. Ко времени назначенія Григорія членомъ К. Д. У., особыхъ перемѣнъ въ ней не произошло. Слѣдовательно, это назначеніе выдвигало Григорія въ рядъ важнѣйшихъ іерарховъ русской церкви, вѣдающихъ все духовно-учебное дѣло. Высокое для Григорія,—оно было важно для духовной школы. Быстрый ростъ послѣдней, взлелѣянной рукою Благословеннаго Государя и упроченной трудами его славныхъ сподвижниковъ, скоро вызвалъ черную реакцію, въ которой неславную роль сыгралъ кіевскій митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) [5]). Реакціонеры порицали учебныя руководства,

---

[1]) К. Д. У. № 2541; Внутр. Правл. 1819 г. № 103; 17 сент. 1819 г.

[2]) А. С. С. 1821 г. № 954; 13 авг. 1821.

[3]) А. С. С. 1823 г. № 1213; К. Д. У. № 3588; Внутр. Правл. 1823 г. № 91; 18 ноября 1823 г.

[4]) Проф. Чистовичъ. „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія", Спб. 1894 г. стр. 212.

[5]) Львовъ. „Письма къ Филарету", стр. 81—83.

вдругъ показавшiяся либеральными, самый методъ преподаванiя въ академiяхъ (лекцiонный), присужденiе оканчивающимъ академiю ученыхъ степеней и т. д. Здѣсь то и показалъ себя горячiй поборникъ обновленной академiи и зарождающейся самостоятельной русской богословской науки, ректоръ академiи, архим. Григорiй. Онъ смѣло отстаивалъ и отстоялъ присужденiе ученыхъ степеней и убѣдительно доказалъ пользу преподаванiя богословiя на русскомъ языкѣ, противъ котораго особенно возставали [1]). Выпускной экзаменъ 1825 года, когда присутствующiе были поражены работоспособностью и занятiями студентовъ, является фактомъ, краснорѣчиво подтверждающимъ теоретическiя доказательства Григорiя... [2]). Такое направленiе дѣятельность Григорiя имѣла во все дальнѣйшее время существованiя К. Д. У., членомъ которой онъ оставался до самаго закрытiя ея (1839 г.). 23 апрѣля 1822 года Государь повелѣлъ архим. Григорiю быть Епископомъ Ревельскимъ [3]).

Въ самомъ концѣ ректорства Григорiй былъ назначенъ „Президентомъ Комитета для разсмотрѣнiя вредныхъ книгъ" 1825 г. [4]). На этомъ новомъ поприщѣ Григорiй не успѣлъ зарекомендовать себя особою дѣятельностью, такъ какъ въ самомъ началѣ 1826 года долженъ былъ оставить С.-Петербургъ за назначенiемъ въ Калугу. Для насъ важенъ самый фактъ назначенiя Григорiя президентомъ, такъ какъ онъ стоитъ въ непосредственной связи съ исторiей мистицизма въ Россiи, сыгравшаго важную церковно-общественную роль въ первой половинѣ XIX столѣтiя. Дѣло, на которое былъ назначенъ Григорiй, было насколько важно, настолько и отвѣтственно. Ему поручалось доказать неправославiе и общественный вредъ того, что нѣкогда раздѣлялъ самъ Государь и его правительство... Началось разсмотрѣнiе и критика обильной мистической литературы, повлекшiя за собою уничтоженiе этой литературы, закрытiе Библейскаго Общества, паденiе Голицына и уничтоженiе мистическихъ клубовъ Котельниковой и Татариновой [5]).

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Проф. Чистовичъ. Руководящiе дѣятели"—стр. 251—253; К. Д. У. 4001. Самчевскiй. „Воспоминанiя". Кiевская Старина. 1893 г. № 11, стр. 359—361.

[3]) А. С. С. 1822 г. № 419. [4]) Конф. 1826 г. № 136.

[5]) См. о мистицизмѣ Прав. Собесѣд. 1885 г. П. Знаменскiй „Чтенiя изъ исторiи русской церкви за время царствованiя импер. Александра I";

За время ректуры Григорій три раза ревизовалъ С.-Петербургскую духовную семинарію и одинъ разъ обозрѣвалъ, по порученію К. Д. У., С.-Петербургскую духовную академію. Въ отчетахъ о семинаріи онъ обращалъ большое вниманіе на экономическую часть и ходатайствовалъ объ улучшеніи внѣшняго быта семинаристовъ [1]). Въ отчетѣ объ академіи, доказывая важность для православнаго богослова греческаго языка, онъ ходатайствовалъ объ усиленіи его преподаванія [2]). 28 августа 1821 года онъ былъ избранъ Членомъ Императорской Россійской Академіи Наукъ [3]). А 17 іюля 1824 года почетнымъ членомъ Императорскадо Человѣколюбиваго Общества [4]).

Мы уже говорили, что въ самомъ началѣ 1826 года Григорій долженъ былъ оставить С.-Петербургъ. 4 января онъ былъ назначенъ еп. Калужскимъ [5]). Переводъ на епархію былъ началомъ новыхъ административно-іерархическихъ успѣховъ Григорія. Въ этомъ же году (1826) онъ вызывается для присутствованія на коронаціи императора Николая I [6]), а въ 1827 году для присутствованія въ Св. Сѵнодѣ [7]). Потомъ слѣдуютъ переводы: въ Рязань—архіепископомъ [8]), въ Тверь [9]) и Ка-

---

Проф. Чистовичъ. „Исторія перевода библіи на русскій языкъ", „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія"; статья Доброклонскаго въ Прав. Соб. за 1885 г. и др.

[1]) Въ 1819 г.—К. Д. У. № 2617; въ 1821 г.—К. Д. У. № 3014; Внѣш. Правл. 1821 г. № 183; и въ 1823 г. К. Д. У. № 3483; Внѣш. Правл. 1823 г. № 127.

[2]) К. Д. У. № 4001. [3]) А. С. С. Архіер. форм. № 115.

[4]) А. С. С. Архіер. форм. № 115.

[5]) А. С. С. Архіер. форм. № 83. Назначеніе въ Калугу прошло съ какимъ то замѣшательствомъ. Синодъ представилъ туда (12 янв. 1825 г.): Владиміра, еп. Курскаго, Парѳенія—Владимірскаго, и Павла—Харьковскаго. Но изъ нихъ никто не былъ переведенъ. 23 янв. 1825 г. Синодъ представилъ новыхъ кандидатовъ: Григорія, Поликарпа, ректора Московской дух. академіи и архим. Новоспасскаго монастыря, и Евсевія, ректора Костромской дух. семинаріи и архим. Костромскаго второклассная Богоявленскаго монастыря. Но и изъ этихъ никто сразу назначенъ не былъ. Высочайшая резолюція состоялась лишь 4 янв. 1826 г.

[6]) Кіевская Старина 1893 г. № 11. Самчевскій. „Воспоминанія", стр. 363; Іером. Леонидъ „Исторія церкви въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губерніи и Калужскіе іерархи". Калуга, 1876 г., стр. 204.

[7]) А. С. С. 1827 г. № 303; 23 февр. 1827 г.

[8]) А. С. С. 1828 г. № 288; 3 марта 1828 г.

[9]) А. С. С. 1832 г. № 572; 25 іюля 1831 г.

зань [1]) и назначенія: въ члены Св. Сvнода [2]), во Временный Комитетъ для пересмотра переводовъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ [3]), и въ Секретный Комитетъ по дѣламъ раскольниковъ и отступниковъ отъ православія [4]).

Съ назначеніемъ на епархію Григорію ввѣрялась новая сфера дѣятельности; теперь отъ него требовалась полная самостоятельность. И Григорій наилучшимъ образомъ оправдалъ довѣріе Сvнода. Онъ всецѣло отдался дѣламъ своей епархіи. Онъ заботился о проповѣданіи Слова Божія, объ обращеніи раскольниковъ, сектантовъ, мусульманъ и язычниковъ къ православной церкви, объ улучшеніи содержанія монастырей, о поднятіи престижа духовенства и о благосостояніи прихода. Въ Калугѣ онъ ввелъ нѣчто въ родѣ выборнаго начала, уважая основательнымъ просьбамъ прихожанъ за или противъ какого-нибудь священника. „Заручное добренье" практиковалъ онъ и въ Твери. Много вниманія удѣлялъ онъ духовно-учебнымъ заведеніямъ, расширяя ихъ, перестраивая, улучшая содержаніе учениковъ и щедро жертвуя въ нихъ книги изъ своей богатой библіотеки. Но любимымъ дѣломъ Григорія были заботы миссіонерскія. Въ цѣляхъ миссіонерскихъ онъ неоднократно обозрѣвалъ самые отдаленные уѣзды своихъ епархій, неоднократно давалъ наставленія священно-церковно-служителямъ и нерѣдко самъ бесѣдовалъ съ раскольниками. Тверская епархія обязана ему противораскольническою библіотекою, противотатарская миссія въ Казани—переводомъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ; всѣ высшія и среднія духовныя школы—миссіонерскими отдѣленіями. А Казанская духовная академія обязана Григорію образцовою постановкою миссіонерскаго отдѣленія, „Православнымъ Собесѣдникомъ" и богатѣйшей библіотекой рукописей и старопечатныхъ книгъ Соловецкаго монастыря и Ниловой пустыни. Въ бытность архіеп. Тверскимъ, Григорію пришлось въ силу Высочайшаго назначенія быть первоприсутствующимъ на торжествѣ

---

[1]) А. С. С. 1848 г. № 337; 1 марта 1848 г.

[2]) А. С. С, 1829 г. № 185; 2 марта 1829 г.

[3]) Церк. Лѣтоп. 1860 г. Шавровъ. „Преосвящ. Григорій, митрополитъ Новг. и Спб." стр. 382. Историко-стат. свѣдѣнія о Спб. епархіи, 7. VIII. стр. 66.

[4]) А. С. С. 1850 г. № 621.

открытія мощей святителя Митрофана, еп. Воронежскаго [1]). За успѣшное выполненіе этой сложной миссіи Григорій былъ награжденъ бриллiантовою панагіею [2]). Епархіальная дѣятельность Григорія значительно стѣснялась присутствованіемъ его въ Св. Сѵнодѣ. Здѣсь онъ былъ съ 1827 года до 1837 года, затѣмъ съ 1850 года до самой смерти. Перерывъ съ 1837 года до 1850 года объясняется болѣзнью Григорія. Отъ усиленныхъ занятій въ молодости, въ бытность профессоромъ, и отъ постоянной любви къ чтенію впослѣдствіи у него совсѣмъ ослабѣли глаза; это и было причиною того, что въ 1837 году Григорій увольняется въ епархію сначала на два года [3]), а потомъ остался въ ней „безсрочно, впредь до совершеннаго поправленія здоровья" [4]). Интересно, что во второй періодъ присутствованія Григорія въ Сѵнодѣ сначала онъ былъ вызванъ лишь на одинъ годъ, а потомъ этотъ годъ все откладывался до самаго назначенія Григорія С.-Петербургскимъ митрополитомъ. Пять разъ Государь повелѣвалъ продлить срокъ присутствованія Григорія въ Синодѣ [5]). Возможно, что это объясняется миссіонерскими занятіями Григорія, которыя привѣтливо были встрѣчены въ сферахъ. Присутствованіе Григорія въ Сѵнодѣ въ этотъ періодъ закончилось участіемъ въ коронаціи Императора Александра II-го [6]) и возведеніемъ въ санъ Митрополита [7]).

Прочія обстоятельства жизни Григорія времени епархіальной службы до 1855 года таковы: 22 августа 1826 г., послѣ коронаціи Императора Николая I онъ былъ награжденъ орденомъ Анны I ст. [8]). Въ этомъ же году онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Конференціи Московской духовной академіи [9]). 27 мая 1827 года—почетнымъ членомъ Конференціи С.-Петербургской духовной академіи [10]), при чемъ это избраніе почему-то было повторено еще разъ въ 1850 году [11]), и

---

[1]) Прот. Чередѣевъ. „Біографіи Тверскихъ іерарховъ". Тверь. 1859 г. стр. 175.

[2]) А. С. С. Архіер. форм. № 115. [3]) А. С. С. 1837 г. № 520.

[4]) А. С. С. 1839 г. № 308.

[5]) А. С. С. 1851 г. № 674; 1852 г. № 892; 1853 г. № 753; 1854 г. № 658; 1855 г. № 375.

[6]) А. С. С. 1856 г. № 660; 26 авг. 1856 г.

[7]) А. С. С. 1856 г. № 1556; 26 авг. 1856 г.

[8]) А. С. С. Архіер. форм. 115. [9]) К. Д. У. № 4282.

[10]) К. Д. У. № 4509; 27 мая 1824 г. Конф. 1827 г. № 174.

[11]) Конф. 1850 г. № 178; А. С. С. 1850 г. № 1250.

21 декабря 1851 года — почетнымъ членомъ Императорскаго Археологическаго Общества [1]). Въ 1839 г. Григорій ревизовалъ Тверскую духовную семинарію [2]), а въ 1852 г. обозрѣвалъ Казанскую духовную академію [3]). 26 марта 1839 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго [4]). 3-го апрѣля 1849 г.—алмазнымъ крестомъ для ношенія на клобукѣ [5]), 30 марта 1852 г.—алмазными знаками къ ордену св. Александра Невскаго [6]). Всѣ орденскія грамоты подчеркиваютъ благоразумное управленіе епархіей, постоянное назиданіе паствы, ревностную заботу о духовно-учебныхъ заведеніяхъ и о приготовленіи достойныхъ проповѣдниковъ слова Божія для племенъ еще не озаренныхъ свѣтомъ Христота Евангелія.

Постоянное присутствованіе Григорія въ Св. Синодѣ, вызовъ его на коронацію Императора Александра II и возведеніе въ санъ митрополита говорятъ за то, что Григорій сталъ необходимымъ человѣкомъ въ столицѣ, что его дѣятельность входила въ центръ церковной и общественной жизни. Поэтому, когда скончался (17 сент. 1856 г.) митрополитъ Никаноръ (Клементьевскій), петербургская каѳедра естественно должна была перейти къ Григорію, быть можетъ съ этою цѣлью заранѣе возведенному въ санъ митрополита [7]). Въ Высочайшемъ рескриптѣ, на имя Григорія, Государь писалъ: „При назначеніи преемника почившему о Господѣ митрополиту Никанору, Я принялъ во вниманіе ваше многолѣтнее духовное поприще, полезное для церкви, назидательное для паствы и исполненное разнообразныхъ заслугъ, уже пріобрѣтшихъ вамъ лично санъ митрополита, и почему призналъ за благо ввѣрить вамъ обѣ епархіи, бывшія въ его управленіи. Отличающія васъ строгія правила и кроткія чувства христіанскаго благочестія внушаютъ мнѣ несомнѣнную надежду видѣть управленіе ваше совершающимся въ духѣ любви и мира, теплой пастырской заботливости о словесномъ стадѣ Христовомъ и просвѣщенной ревности о стро-

---

[1]) А. С. С. Архіер, форм. № 115: 21 дек. 1851 г.

[2]) К. С. С. 1839 г. № 715; 17 іюня 1839 г.

[3]) А. С. С. 1852 г. № 984; 2 мая 1852 г.

[4]) А. С. С. 1839 г. № 267; 26 марта 1839 г.

[5]) А. С. С. 1849 г. № 503; 3 апр. 1849 г.

[6]) А. С. С. 1852 г. № 802; 30 марта 1852 г.

[7]) А. С. С. 1856 г. 1648; Внутр. Правл. 1856 г. № 43.

гомъ охраненіи древнихъ спасительныхъ уставовъ православія, зиждущихъ благо церкви и Нашего любезнѣйшаго отечества" [1]). Одновременно съ переводомъ въ С.-Петербургъ Григорій былъ назначенъ Главнымъ Попечителемъ и Предсѣдателемъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества [2]).

Нужно отмѣтить, что назначеніе такого просвѣщеннаго и ревностнаго митрополита, какъ Григорій, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовало времени и обстоятельствамъ. Русское общество переживало тогда эпоху великихъ реформъ царствованія Александра II. Совершалось приснопамятное освобожденіе крестьянъ. Вѣковѣчное рабство готово было пасть по манію царя, и народу освобожденному предстояло увидѣть новый свѣтъ, начать свою исторію. Духовно-нравственныя силы общества приходили въ особенное напряженіе. Каждый день рождалъ новые вопросы, требуя отвѣта у лицъ поставленныхъ во главѣ той или иной группы людей. Митрополитъ Григорій, сдѣлавшись русскимъ первосвятителемъ, съ честью несъ свое отвѣтственное положеніе. Какъ человѣкъ просвѣщенный, онъ благосклонно смотрѣлъ на сложную соціальную ломку, ибо предвидѣлъ блага ея, какъ для государства россійскаго, такъ и для личности русскаго гражданина. Въ спеціальной сферѣ просвѣтительной Григорій зарекомендовалъ себя въ это время такимъ свободомысліемъ, которое и теперь можетъ показаться нѣкоторымъ очень близкимъ къ эмансипаціи. Для распространенія въ обществѣ богословскихъ знаній и для утвержденія его въ истинахъ христіанскаго православнаго вѣроученія, Григорій проэктировалъ: во-1-хъ, „разрѣшить лицамъ всякаго званія и пола присутствовать при чтеніи лекцій въ С.-Петераургской духовной академіи, во всякое время, когда пожелаютъ", и, во-2-хъ, „дозволить наставникамъ академіи, членамъ академической конференціи и вообще лицамъ духовнаго сословія читать публичныя лекціи въ С.-Петербургской академіи по всѣмъ предметамъ духовнаго образованія съ тѣмъ, чтобы предварительно представляемы были программы таковыхъ лекцій и чтобы къ слушанію лекцій допускались всѣ безплатно" [3]). Какъ и слѣдовало ожидать, этому проэкту не

---

[1]) А. С. С. 1856 г. № 1648.

[2]) А. С. С. Архіер. форм. № 115; 24 окт. 1856 г.

[3]) Внутр. Правл. 1859 г. № 1189.

суждено было осуществиться. 25 августа 1859 года онъ былъ представленъ Государю, но не разсматривался до 22 апрѣля 1868 года, когда списокъ съ него былъ отправленъ „для соображеній“ къ преосвященному Нектарію (Надеждину), предсѣдателю Комитета по преобразованію духовной академіи, а оригиналъ попалъ въ Сѵнодскій архивъ, такъ какъ „дѣло по сему предмету почти конченымъ“ [1]).

Вниманіемъ и благосклонностью Григорій заявилъ себя по отношенію къ духовно-учебнымъ заведеніямъ г. С.-Петербурга. Въ 1857 г. онъ обозрѣвалъ С.-Петербургскую духовную академію [2]). Въ 1858 г., по его иниціативѣ были перевезены въ академію драгоцѣнныя рукописныя и старопечатныя библіотеки Новгородскаго Софійскаго собора и Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря [3]). Въ 1859 г. онъ образовалъ поощрительный капиталъ въ 3500 руб. [4]). И, наконецъ, три четверти собственной богатой библіотеки завѣщалъ С.-Петербургской духовной академіи и семинаріи [5]).

Почетныя избранія и Высочайшее вниманіе были законною наградою сложной и полезной церковно-административной и просвѣтительной дѣятельности Григорія. Онъ былъ почетнымъ членомъ академіи наукъ [6]), Конференціи Казанской духовной академіи [7]), Императорскаго Казанскаго Университета [8]), Императорскаго С.-Петербургскаго Университета [9]) и Комитета для всенароднаго распространенія грамотности, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства [10]). Три раза Григорій получалъ Высочайшую благодарность за дѣятельность въ Императорскомъ Человѣколюбивомъ Обществѣ [11]), и былъ награжденъ брилліантовой панагіей [12]), орденомъ Св. Андрея Пер-

---

[1]) Церк. Лѣтоп. 1860 г. Шавровъ. „Преосвящ. Григорій, митроп. Новг. и Спб.“, стр. 400; Внутр. Правл. 1859 г. № 1.

[2]) Внутр. Правл. 1857 г. № 54.

[3]) Внутр. Правл. 1858 г. № 38; 1859 г. № 19; А. С. С. 1858 г. №№ 1775, 2155.

[4]) Церк. Вѣстн. 1893 г. № 48. [5]) А. С. С. 1861 г. № 1001.

[6]) А. С. С. Архіер. форм. № 115; 29 дек. 1856 г.

[7]) Арх. Каз. дух. акад. Конф. 1857 г. № 6; см. Знаменскій. „Исторія Казанской дух. акад.“. Каз. 1891 г., стр. 280.

[8]) Ibid. 8 мая 1857 г. [9]) Ibip. 20 янв. 1858 г.

[10]) Ibid. 27 марта 1859 г.

[11]) Ibid. 10 янв. 1858 г.; 30 янв. 1859 г. А. С. С. 1860 г. № 775.

[12]) А. С. С. Архіер. форм. № 115; 7 авг. 1857 г.

возваннаго [1]) и орденомъ Спасителя Большого креста отъ короля Греческаго [2]).

Такъ доблестно текла долгая жизнь первосвятителя русской церкви, преосвященнаго митрополита Григорія. Непрерывными трудами запечатлѣна она, трудами на пользу православной вѣры, русской богословской науки и просвѣщенія русскаго общества. Знаками всеобщаго вниманія былъ убранъ путь его. Невѣроятной казалась мысль, что будетъ время, когда этотъ свѣтвый умъ перестанетъ свѣтить русскому обществу, когда эта горячая вѣра перестанетъ согрѣвать стадо словесныхъ овецъ, когда это доброе сердце перестанетъ биться чувствами святаго восторга отъ успѣховъ православія и науки и чувствами братскаго участія ко всѣмъ обездоленнымъ. Отъ природы митрополитъ былъ крѣпкаго здоровья. Скромное происхожденіе и нормальный образъ жизни предохранили его организмъ отъ преждевременной слабости. Но тѣмъ не менѣе ему было уже 76 лѣтъ. Смерть могла явиться всякую минуту. И она явилась, когда святитель отдавалъ послѣдній христіанскій долгъ своему собрату. 1-го іюня 1860 года, совершая выносъ тѣла преосвящ. Елпидифора, Архіепископа Таврическаго, Григорій простудился. 3-го простуда обнаружилась, по утвержденію врачей, въ неопасной формѣ [3]). Митрополитъ ходилъ и разсматривалъ срочныя дѣла. Но далѣе болѣзнь прогрессировала, принимая тяжелую форму. 16-го Григорій исповѣдывался и пріобщился. Въ этотъ же день еп. Ревельскій Леонтій совершилъ надъ нимъ таинство Елеосвященія. А въ 3 часа утра 17-го іюня, послѣ тяжкихъ мученій, Григорія совсѣмъ не стало [4]). Передъ выносомъ праха почившаго ректоръ С.-Петербургской духовной семинаріи, архим. Платонъ въ своей рѣчи говорилъ: „осиротѣла паства митрополита. Осиротѣли и надежды, которыя возбуждала неутомимая пастырская дѣятельность митрополита и его пламенная рев-

---

[1]) Внутр. Правл. 1859 г. № 29; 12 апр. 1859 г.; „уважая пастырскую ревность, являемую въ общихъ дѣлахъ отечественной церкви и въ управленіи ввѣренными паствами, съ стремленіемъ утверждать въ народѣ древнее вселенское благочестіе и внушать теплую о семъ заботу въ сердца духовныхъ питомцевъ, будущихъ служителей вѣры“...

[2]) Ар. С. С. Архіер. форм. № 115; разрѣшено принять и носить— 10 сент. 1859 г.

[3]) А. С. С. 1860 г. № 1226. [4]) А. С. С. 1860 г. № 1291.

ность о церкви и православной вѣрѣ" [1]). 22-го іюня была совершена заупокойная литургія и отпѣваніе [2]). Къ отпѣванію прибылъ Государь съ великими князьями. Погребенъ митрополитъ Григорій въ Лаврской Благовѣщенской церкви.

Послѣ смерти митрополита Григорія найдены два собственноручныхъ его завѣщанія, по которымъ его богатая библіотека переходила въ С.-Петербургскую и Казанскую академіи и въ С.-Петербургскую духовную семинарію, а имущество завѣщалось лаврской ризницѣ и архіерейскимъ ризницамъ епархій, въ которыхъ онъ служилъ до С.-Петербурга, тѣмъ, кто служилъ ему при жизни, и лаврской братіи [3]). Профессоръ Чистовичъ, описывая кончину Григорія, говоритъ: „Академія надолго сохранитъ въ своей памяти дорогое имя этого достойнѣйшаго архипастыря, всегда съ горячимъ участіемъ относившагося къ дѣлу духовнаго просвѣщенія" [4]) *).

В. Никифоровъ.

---

[1]) Церк. Лѣтоп. 1860 г. Шавровъ. „Преосвящ. Григорій, митроп. Новг. и Спб." стр. 430, Историко-стат. свѣдѣнія о Спб. епархіи", 7. VIII, стр. 74.

[2]) Отпѣваніе совершали: Димитрій, архіеп. Херсонскій, Антоній, еп. Кишиневскій, Григорій, еп. Калужскій, Нектарій, еп. Выборгскій (ректоръ академіи), Леонтій, еп. Ревельскій, и Духовникъ И. И. В. Бажановъ.

[3]) А. С. С. 1861 г. № 1001.

[4]) Проф, Чистовичъ. „С.-Петербургская духовная академія за послѣднія 30 лѣтъ" (1858—1888 гг.). Спб. 1889 г., стр. 17.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Очеркъ жилищныхъ условій жизни студентовъ Императорской С.-Петербургской Православной Духовной Академіи *).

Въ настоящемъ очеркѣ мною предлагается вниманію почитателей Императорской С.-Петербургской Православной Духовной Академіи нѣсколько моихъ наблюденій о жилищныхъ условіяхъ жизни студентовъ этой высшей богословской школы, — наблюденій, которыя сдѣланы мною въ такое время, когда С.-Петербургская Академія со всею строгостью стала проводить въ жизнь требованіе новаго академическаго устава о томъ, чтобы студенты Академіи—обязательно всѣ жили—въ стѣнахъ Академіи.

Какъ извѣстно, новымъ академическимъ уставомъ,—тѣмъ уставомъ, который для Духовныхъ Академій былъ выработанъ въ 1910-мъ и 1911-мъ годахъ,—С.-Петербургская Академія стала нормироваться съ 1911—1912 учебнаго года.

Мои наблюденія и показываютъ, какъ сложилась въ отношеніи жилищныхъ условій жизнь студентовъ С.-Петербургской Академіи уже при новомъ академическомъ уставѣ.

---

[1]) Статья И. І. Козловскаго, имѣющая частный и спеціальный характеръ, пріобрѣтаетъ принципіальное значеніе въ настоящее время, когда, съ одной стороны, испытывается чувствительный недостатокъ въ кандидатахъ на должности въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и законоучителей въ свѣтскихъ училищахъ и на другихъ поприщахъ церковнаго служенія, а съ другой стороны академіи вынуждены ограничивать пріемъ студентовъ сообразно съ вмѣстимостью академическихъ зданій. Естественно возникаетъ вопросъ, какъ примирить требованіе дѣйствующаго устава съ насущными нуждами Церкви. *Ред.*

Какъ извѣстно, зданія, принадлежащія С.-Петербургской Академіи, сконцентрированы всѣ въ Александро-Невской части г. Петербурга на томъ участкѣ земли, который значится подъ № 17-мъ по Обводному каналу.

Указанный участокъ земли является домовымъ участкомъ С.-Петербургской Академіи и, сравнительно съ прочими домовыми участками г. Петербурга, характеризуется слѣдующими обязанностями:

1) Академическій участокъ находится на островкѣ, омываемомъ рѣкою Невою, рѣчкою Монастыркою и Обводнымъ каналомъ, располагаясь въ той части этого островка, которая лежитъ ближе къ Обводному каналу, причемъ границами академическаго участка служатъ—на сѣверѣ участокъ, занимаемый Духовнымъ Училищемъ, на западѣ участокъ, занимаемый Духовной Семинаріей, на востокѣ участокъ, гдѣ выстроены принадлежащіе Александро-Невской Лаврѣ амбары; наконецъ, къ югу отъ академическаго участка проходитъ набережная Обводнаго канала.

2) Академическій участокъ является одною изъ наиболѣе высокихъ мѣстностей города и, кажется, не былъ затапливаемъ даже при наводненіи 24 ноября 1824 года.

3) Площадь земли, занимаемая академическимъ участкомъ, равняется 11,185 квадратнымъ саженямъ, изъ которыхъ подъ постройками находится 1,310, подъ дворами 2,720 и подъ садомъ 7,280 квадратныхъ саженей.

4) Мѣстность академическаго участка, находящаяся подъ постройками и дворами, не только дренирована, но и снабжена канализаціей: послѣдняя состоитъ изъ керамиковыхъ трубъ, асфальтовыхъ выгребовъ и цементно-бетонныхъ сточныхъ колодцевъ и, повидимому, предохраняетъ почву отъ попаденія въ нее нечистотъ, изъ коихъ жидкія—благодаря принятой системѣ канализаціи—уходятъ въ городскія уличныя трубы—конечно будучи въ значительной степени разбавлены водой,—густыя же нечистоты скопляются въ пріемникахъ и затѣмъ вывозятся.

5) То обстоятельство, что громадная площадь академическаго участка находится подъ садами, служитъ средствомъ, парализующимъ въ болѣе или менѣе значительной степени вредъ отъ близкаго сосѣдства съ участкомъ паровой мельницы Акц. Об-ства СПБ. Торговыхъ Складовъ (по Глухоозерской ул., д. № 3—5), завода Русско-Американскаго Акц. Металлическаго Об-ства (по Шлиссельбургскому пр., д. № 23/а), Спб. завода жидкой углекислоты (по Глиняной ул., д. № 5/б), мастерскихъ ремонта пути Николаевской жел. дороги (по Глиняной ул., д. № 9), фабрики роялей и піанино „Оффенбахеръ“ (по Глиняной ул., д. № 7) и городской электрической станціи (на углу Константиноградской и Атаманской улицъ, д. № 10—1), а также и пристани для свалки навоза въ баржи (пристань устроена на Обводномъ каналѣ въ разстояніи 100—120 шаговъ отъ главнаго академическаго корпуса): вредъ этотъ состоитъ въ порчѣ воздуха, причемъ фабрики и электрическая станція портятъ воздухъ своимъ дымомъ, а пристань своимъ амміачнымъ ароматомъ.

6) Если говорить только о жилыхъ флигеляхъ, то таковыми въ академическомъ участкѣ являются—главный, библіотечный, банный и больничный; кромѣ того, жилье имѣется еще и въ двухъ сторожкахъ.

7) Всѣ жилые флигеля, находящіеся на академическомъ участкѣ, снабжены водопроводомъ, который и доставляетъ воду изъ городской водопроводной станціи.

8) Въ жилыхъ помѣщеніяхъ академическаго участка—какъ то установлено произведеннымъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1912 года подсчетомъ—всего живетъ 315 мужчинъ, 40 женщинъ и 47 дѣтей.

и 9) Среди жильцовъ академическаго участка имѣлось студентовъ Академіи въ 1911—1912 учебномъ году 249, а въ 1912—1913 учебномъ году 251 человѣкъ.

Необходимо оттѣнить, что студенты С.-Петербургской Академій—если не касаться академической больницы, гдѣ, въ сущности говоря, жилье возможно лишь для заболѣвшихъ студентовъ — живутъ, можно сказать, исключительно — въ главномъ академическомъ корпусѣ, — томъ корпусѣ, гдѣ читаются также и лекціи: поэтому, корпусъ этотъ пріобрѣтаетъ для студентовъ громадное значеніе.

Главный корпусъ С.-Петербургской Академіи представляетъ собою каменное 3-хъ-этажное зданіе, съ каменнымъ—тоже приспособленнымъ для жилья—подваломъ, и состоитъ изъ трехъ флигелей—одного срединнаго и двухъ боковыхъ, причемъ срединный флигель своимъ лицевымъ фасадомъ смотритъ на востокъ, боковые же флигеля обращены—одинъ на сѣверъ, другой на югъ. Съ внѣшней стороны весь корпусъ напоминаетъ собою букву П, имѣющую, впрочемъ, болѣе длинную перекладину, въ срединѣ которой расположены два выступа—одинъ—ординарный—со стороны, обращенной на востокъ, а другой—двойной—со стороны, обращенной на западъ; кромѣ того, съ внутренней стороны концовъ параллельныхъ линій имѣются также выступы. Длина корпуса равняется по лицевой сторонѣ срединнаго флигеля 97,7, по боковымъ отъ передней стѣнки срединнаго зданія 45,6, по боковымъ отъ задней стѣнки срединнаго зданія до внутреннихъ выступовъ сѣвернаго и южнаго флигелей 14,9 и по боковымъ отъ той же стѣнки срединнаго зданія до конца флигелей 25,4 метра; боковые же флигеля отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи 49,3 метровъ своими выступами, которыми, надо отмѣтить, и уменьшается это разстояніе каждымъ выступомъ въ отдѣльности на 7,5 метровъ. Выступъ, устроенный въ срединѣ главнаго флигеля со стороны, обращенной на востокъ, имѣетъ размѣры въ глубину (т. е. по линіи, перпендикулярной къ стѣнѣ главнаго флигеля) 3,5 и ширину (т. е. по линіи, параллельной стѣнѣ главнаго флигеля) 22,5 метра; выступъ же, устроенный въ срединѣ главнаго флигеля со стороны, обращенной на западъ, имѣетъ размѣры—въ ближайшемъ къ стѣнѣ отдѣлѣ глубину 5,3 и ширину 3,4, а въ дальнѣйшемъ отъ стѣны отдѣлѣ глубину 7,0 и ширину 16,0 метровъ. Въ срединѣ зданія срединнаго флигеля главнаго корпуса академіи помѣщается

академическая церковь, занимая собою въ высоту 2-й и 3-й этажи и располагаясь надъ вестибюлемъ корпуса такъ, что ни подъ церковью, ни надъ церковью нѣтъ ни жилыхъ, ни другихъ помѣщеній; комнаты идутъ лишь по сторонамъ церкви и приспособлены для надобностей и учрежденій академіи.

Въ главномъ корпусѣ для студентовъ устроены—спальни, комнаты для занятій, аудиторіи, столовыя и уборныя,—это все помѣщенія, которыя и были мною обслѣдованы съ точки зрѣнія требованій современной гигіены.

Позволительно отмѣтить, что, по установившемуся въ С.-Петербургской Академіи обычаю, одни изъ обслѣдованныхъ мною помѣщеній обслуживаютъ изъ года въ годъ только студентовъ извѣстнаго курса, тогда какъ другія помѣщенія не имѣютъ такой спеціализаціи. Такъ, въ Академіи освящено обычаемъ, что студенты пользуются спальнями и комнатами для занятій, отведенными разъ навсегда для каждаго курса въ отдѣльности, и вслѣдствіе этого каждый студентъ мѣняетъ спальни и комнаты для занятій по мѣрѣ перехода изъ курса въ курсъ. Затѣмъ, уборныя—каждая въ отдѣльности—служитъ по преимуществу, но не исключительно—для студентовъ извѣстнаго курса,—того курса, къ которому относятся близь-лежащія спальни и комнаты для занятій; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, (напримѣръ, въ случаѣ пребыванія въ близь-лежащей аудиторіи студентовъ не того курса, къ какому относятся близь-лежащія спальни и комнаты для занятій), уборными пользуются также и студенты другихъ курсовъ. Наконецъ, аудиторіи и столовая всегда служатъ для всѣхъ студентовъ, къ какому бы курсу они не принадлежали.

Всѣ только-что упомянутыя помѣщенія подвергались мною обслѣдованію, которое, въ сущности говоря, состояло въ установленіи точныхъ отвѣтовъ на слѣдующіе вопросы:

1) Въ какомъ этажѣ помѣщеніе находится?
2) Сколько лицъ помѣщеніемъ пользуются?
3) Для какой цѣли помѣщеніе предназначено?
4) Студентовъ какого курса помѣщеніе обслуживаетъ?
5) Какова длина (по наружной стѣнѣ), глубина и высота помѣщенія?
6) Сколько оконъ въ помѣщеніи, и какова ихъ высота и ширина?
7) Куда по отношенію странъ свѣта обращены окна?
8) Сколько и какихъ—кирпичныхъ или металлическихъ—печей

находится въ помѣщеніи, и какъ велика у нихъ нагрѣвательная поверхность?

9) Сколько наружныхъ стѣнъ въ помѣщеніи, и какова ширина и высота каждой изъ этихъ стѣнъ?

10) Сколько форточекъ въ помѣщеніи, и какъ велика каждая изъ нихъ?

11) Имѣются ли въ помѣщеніи вентиляторы и, если имѣются, то сколько ихъ?

Обслѣдованія были мною произведены въ маѣ 1912 года и провѣрены въ маѣ 1913 года, причемъ данныя обслѣдованія и провѣрки были найдены мною совпадающими между собою даже—какъ въ отношеніи цѣли, для какой помѣщенія предназначены, такъ и въ отношеніи числа лицъ, пользующихся помѣщеніями, а равно какъ и въ томъ отношеніи, что помѣщенія обслуживали студентовъ одного и того же курса. Какъ можно думать и изъ дальнѣйшаго изложенія, Академія, повидимому, вынуждена признать за правило пользоваться помѣщеніями такъ, какъ онѣ описываются использованными въ настоящемъ изложеніи.

Обращая вниманіе на отвѣты, полученные въ отношеніи поставленныхъ при обслѣдованіи вопросовъ, нельзя не констатировать:

1) То, что обслѣдованныя мною помѣщенія имѣютъ высоту—всѣ находящіяся въ 3-мъ этажѣ въ 4,00 метра, а всѣ находящіяся во 2-мъ этажѣ въ 4,25 метра.

2) То, что обслѣдованныя мною помѣщенія получаютъ естественное освѣщеніе—всѣ находящіяся въ 3-мъ этажѣ чрезъ окна, имѣющія въ высоту 1,9 и ширину 1,3 метра, а помѣщенія, находящіяся во 2-мъ этажѣ, чрезъ окна, имѣющія въ высоту 2,6 и ширину 1,3 метра.

3) То, что обслѣдованныя мною помѣщенія всѣ снабжены форточками, которыя хотя и имѣютъ нѣкоторыя различія въ высотѣ и ширинѣ, но крайне незначительныя, и которыя, поэтому, безъ риска большой ошибки, всѣ могутъ быть признаны имѣющими высоту въ 0,6 и ширину въ 0,5 метра.

и 4) То, что обслѣдованныя мною помѣщенія почти всѣ отапливаются голландскими печами, и лишь нѣкоторыя помѣщенія (именно—одна комната для занятій) имѣютъ уттермаксія печи.

Если не касаться тѣхъ вопросовъ, отвѣты на которые имѣются въ только-что сказанномъ, и имѣть въ виду всѣ прочіе вопросы, поставленные мною при обслѣдованіи помѣщеній, то отвѣты, полученные на эти вопросы, можно въ отношеніи обслѣдованныхъ мною помѣщеній видѣть изъ таблицы № 1 (см. таблицу № 1).

Этажъ.		Сколько лицъ пользуется помѣщеніемъ.
3	Комната для занятій № 1 — 4-му курсу .	6
3	" " " № 2 — 4-му " .	18
3	" " " № 3 — 4-му " .	9
3	" " " № 4 — 4-му " .	12
3	" " " № 5 — 3-му " .	18
3	" " " № 6 — 3-му " .	18
3	" " " № 7 [1])—3-му " .	12
3	" " " № 8—3-му " .	20
3	" " " № 9—2-му " .	18
3	" " " № 10—2-му " .	12
3	" № 12 для студента—монаха . .	1
3	" для занятій № 13—2-му курсу .	18
3	" " " № 14—2-му " .	18
3	" " " № 17—1-му " .	13
3	" " " № 18—1-му " .	21
3	" " " № 19—1-му " .	11
3	" " " № 20—1-му " .	18
3	" № 21—для студента монаха . .	1

[1]) Какъ комната, предназначенная для занятій, эт

ЦА № 1.

Печи (кирпичныя).		Наружныя стѣны.		Число форточекъ въ помѣщеніи.	Число и особенность прочихъ приспособленій для вентиляціи въ помѣщеніи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Число ихъ.	Площадь нагрѣвательной поверх. въ метрахъ.	Число ихъ.	Длина ихъ въ метр.			
2	1,5 × 2,7 1,6 × 2,7	1	6,1	1	По одному вентилятору въ каждой комнатѣ (устроенъ въ верхней части комнаты).	
2	1,9 × 3,1 1,5 × 2,7	2	9,9 6.0	2		
1	1.9 × 3,0	1	5,1	1		
1	2,3 × 2,8	1	9,2	1		
1	2,3 × 2,7	1	6,7	1		
1	2,5 × 2,7	2	10,7 6,8	2	По одному вент. въ комн. (устроенъ въ нижней части комнаты).	
1	2,5 × 2,7	1	10,6	2		
2	2,2 × 3,0 1,7 × 2,7	1	10,3	1	По одному вент. въ комн. (устроенъ въ верхней части комнаты).	
2	1,7 × 2,8 1,7 × 2,7	1	10,2	1		
1[2])	2,6 × 3,0	2	6,7 5,4	1	Нѣтъ.	
1	2,6 × 2,7	1	2,7	1	—	
2	1,9 × 3,2 1,7 × 2,7	1	10,1	1	Нѣтъ.	
2	2,2 × 3,2 1,7 × 2,8	1	10,4	1	Одинъ вентилят. (устр. въ нижней части комнаты).	
1	1,9 × 3,4	1	7,0	1	Нѣтъ.	
2	1,5 × 2,7 1,9 × 3,1	1	9,0	1	Нѣтъ.	
1	2,7 × 3.0	1	5,3	1	Нѣтъ.	
2	1.9 × 3,0 1,4 × 2,7	2	8,9 6,1	1	Одинъ вентилят. (устр. внизу).	
1	1,5 × 2,7	1	5,3	1	—	

[2]) Въ комнатѣ установлена не голландская, а уттермакская печь.

Т А

Этажъ.		Сколько лицъ пользуется помѣщеніемъ.	Величина помѣщеній въ метр.	
			Въ длину (по наружной стѣнѣ).	Въ глубину.
3	Спальня № 15—1-му курсу	13	7,7	7,0
3	" № 16—1-му "	55	21,1	10,5
3	Аудиторія № 5		6,9	7,2
2	" № 1		10,2	6,9
2	" № 2		10,1	6,9
2	" № 3		15,1	10,7
2	" № 4		10,0	6,8
2	Спальня № 1—4-му курсу	11	5,2	9,0
2	" № 2—4-му "	12	6,0	9,0
2	" № 3—4-му "	6	5.2	5,9
2	" № 4—4-му "	12	9.1	6,0
2	" № 5 [1])—3-му "	12	9,1	5,3
2	" № 6—3-му "	16	10,3	6,8
2	" № 7—3-му "	27	15,0	7,0
2	" № 8—3-му "	8	2,8	11,2
2	" № 9—2-му "	12	9,0	6,0
2	" № 10 [1])—2-му "	8	9,0	3,3
2	" № 11—2-му "	7	5,2	6,0
2	" № 12—2-му "	12	6,0	9,0
2	" № 13—2-му "	12	5,3	9,0

[1]) Въ комнатѣ нѣтъ вовсе наружныхъ стѣнъ: комната эта служит

1.

Наружныя стѣны. Число ихъ.	Наружныя стѣны. Длина ихъ въ метр.	Число форточекъ въ помѣщеніи.	Число и особенность прочихъ приспособленій для вентиляціи въ помѣщеніи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
1	7,7	1	Одинъ вентилят. (устр. внизу).	
1	21,1	2	Два вентилятора (устр. вверху).	
2	6,9 7,2	2	Одинъ вентилят. (устр. внизу).	
1	10,2	1	Нѣтъ.	
1	10,1	1	Нѣтъ.	
2	15,1 10,7	2	Одинъ вентилят. (устр. вверху).	
1	10,0	1	Три вент. (устр.— 2 вверху и 1 внизу).	
1	5,2	1	По одному вентилятору въ каждой комнатѣ (устр.— вверху).	
2	6,0 9,0	2		
1	5,2	1		
1	9,1	1		
Нѣтъ		—		
1	10,3	1	Нѣтъ.	
2	15,0 7,0	2	Нѣтъ.	
1	2,8	1	Нѣтъ.	
1	9,0	1	Нѣтъ.	
Нѣтъ		—	Одинъ вентилят. (устр. вверху).	
1	5,2	1	Нѣтъ.	
2	6,0 9,0	1	По одному вент. въ комнатѣ (устр. вверху).	
1	5,3	1		

Этажъ.		Сколько лицъ пользуется помѣщеніемъ.
2	Спальня № 14—2-му курсу:	
	а) свѣтлая половина.	9
	б) темная половина	5
1	Столовая: а) сѣверное отдѣленіе	—
	б) среднее отдѣленіе.	—
	в) южное отдѣленіе	—
3	Уборная 3-го этажа сѣвернаго флигеля:	
	а) клозетное отдѣленіе. . . .	—
	б) умывальное отдѣленіе. . .	—
	в) комната, соединяющая оба отдѣленія.	—
3	Уборная 3-го этажа южнаго флигеля:	
	а) клозетное отдѣленіе. . . .	—
	б) умывальное отдѣленіе. . .	—
	в) комната, соединяющая оба отдѣленія.	—
2	Уборная 2-го этажа сѣвернаго флигеля:	
	а) клозетное отдѣленіе. . . .	—
	б) умывальное отдѣленіе. . .	—
	в) комната, соединяющая оба отдѣленія.	—
2	Уборная 2-го этажа южнаго флигеля:	
	а) клозетное отдѣленіе. . . .	—
	б) умывальное отдѣленіе. . .	—
	в) комната, соединяющая оба отдѣленія	—

Ц А № 1.

Печи (кирпичныя). Число ихъ.	Площадь нагрѣвательной поверх. въ метрахъ.	Наружныя стѣны. Число ихъ.	Длина ихъ въ метр.	Число форточекъ въ помѣщеніи.	Число и особенность прочихъ приспособленій для вентиляціи въ помѣщеніи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
1	3,1 × 1,8	1	6,7	1	По одному вентил. въ каждой половинѣ комнаты (устр. вверху).	
1	2,9 × 1,9	Нѣтъ		—		
2	—	1	—	2	Одинъ электрическій вентилят. въ окнѣ.	Есть еще одинъ вентиляторъ электр. въ посудной комн., что вблизи столов.
1	—	1	—	1	Одинъ простой вент.	
1	—	2	—	1	Одинъ простой вент.	
1	—	1	6,3	1	Одинъ вентилят. (устр. внизу).	3 очка для сидѣнья и 3 писсуара - одиночки.
1	2,6 × 3,2	1	2,8	—	Нѣтъ.	5 крановъ.
Нѣтъ		2	2,6 и 2,8	1	Нѣтъ	—
1	—	1	6,3	1	Одинъ вентилят. (устр. внизу).	3 очка для сидѣнья и 3 писсуара - одиночки.
1	2,6 × 3,2	1	2,8	—	Нѣтъ.	5 крановъ.
Нѣтъ		2	2,6 и 2,8	1	Нѣтъ.	—
1	—	1	6,3	1	Одинъ вентилят. (устр. внизу).	3 очка для сидѣнья и 3 писсуара - одиночки.
1	2,6 × 3,2	1	5,7	1	Нѣтъ.	12 крановъ.
Нѣтъ		2	2,6 и 2,8	1	Нѣтъ.	—
1	—	1	6,3	1	Одинъ вентилят. (устр. внизу).	3 очка для сидѣнья и 3 писсуара - одиночки.
1	2,6 × 3,2	1	5,7	1	Нѣтъ.	12 крановъ.
Нѣтъ		2	2,6 и 2,8	1	Нѣтъ.	

Кажется, можно признать, что отвѣтами, полученными на поставленные при обслѣдованіи вопросы, пріобрѣтаются данныя, которыя представляются достаточными для характеристики каждаго въ отдѣльности помѣщенія—какъ съ точки зрѣнія размѣровъ, такъ и съ точки зрѣнія естественнаго освѣщенія, а равно какъ и съ точки зрѣнія отопленія и вентиляціи.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ данныхъ, которыя явились результатомъ предпринятаго мною обслѣдованія и служатъ характеристикою помѣщенія, я считаю необходимымъ указать, что 26-го іюля 1907 года г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія [1]) были одобрены къ руководству правила, которыми устанавливаются санитарныя требованія, долженствуемыя быть выполняемы при устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія. По отношенію къ различнымъ школьнымъ помѣщеніямъ въ этихъ правилахъ выставляются такія санитарныя требованія, которыя—какъ то можно видѣть изъ дальнѣйшаго изложенія—далеко не выполняются въ С.-Петербургской Академіи, хотя послѣдняя есть высшее учебное заведеніе, а не среднее,—есть заведеніе, находящееся, впрочемъ, въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода, а не Министерства Народнаго Просвѣщенія. Если касаться только такихъ помѣщеній, которыя соотвѣтствуютъ обслѣдованнымъ мною въ Академіи, то приходится говорить, что среднія учебныя заведенія, согласно указаннымъ правиламъ, должны имѣть:

1) Такія классныя помѣщенія, въ которыхъ на одно лицо приходится по 0,375 квадр. саженей (это равняется 1,707 квадр. метрамъ) площади пола и не менѣе 0,75 кубич. сажени (это равняется 7,284 кубич. метрамъ) воздушнаго пространства.

2) Такія столовыя, въ которыхъ приходится не менѣе 0,16 квадр. сажени (это равняется 0,7586 квадр. метрамъ) площади пола.

3) Такія спальни, которыя содержатъ въ себѣ на одно лицо въ младшемъ отдѣленіи по 2 (это равняется 19,4239 куб. метрамъ), а въ старшемъ по 2,5 куб. саженей (это равняется 24,2799 куб. метрамъ) воздуха.

4) Такія уборныя, которыя состоятъ изъ умывальнаго и клозетнаго отдѣленій, причемъ въ клозетномъ отдѣленіи должно быть очковъ, по разсчету по 1 очку на 20 учащихся, и, сверхъ того, желобъ-писсуаръ, покрытый непромокаемыми для воды веществами.

Необходимо также говорить и о томъ, что, согласно указаннымъ правиламъ, всѣ помѣщенія среднихъ учебныхъ заведеній должны быть снабжены удовлетворительными отопленіемъ и вентиляціею и должны имѣть достаточное количество дневного свѣта; вентиляція должна быть такою, чтобы въ помѣщеніе подавалось въ часъ 2 объема чистаго подогрѣтаго и увлажненнаго до 50%—55% воздуха, и удалялся чрезъ особыя вытяжки испорченный воздухъ.

---

[1]) Заимствовано у *А. Ф. Никитина* „Справочная книга для школьныхъ врачей". СПБ. 1909 г.—стр. 23—29.

Теперь перехожу къ разсмотрѣнію тѣхъ данныхъ, которыя являются установленными предпринятымъ мною обслѣдованіемъ помѣщеній главнаго зданія С.-Петербургской Академіи.

Какими особенностями—какъ въ отношеніи размѣровъ, такъ и въ отношеніи естественнаго освѣщенія, а равно какъ и въ отношеніи отопленія и вентиляціи—характеризуются тѣ помѣщенія, которыя въ С.-Петербургской Академіи отведены студентамъ подъ спальни, можно видѣть изъ таблицы № 2 (см. таблицу № 2).

Изъ таблицы № 2 видно, что всего подъ спальнями у студентовъ имѣется 16 комнатъ, изъ нихъ 2 находятся въ 3-мъ этажѣ и 14 комнатъ во 2-мъ этажѣ. Спальными комнатами пользуются 4-мя студенты 4-го курса, 4-мя студенты 3-го курса, $5^1/_2$ студенты 2-го курса и $2^1/_2$ студенты 1-го курса. Въ спальняхъ студенты размѣщаются такъ, что объема воздуха на одно лицо имѣется—въ комнатахъ студентовъ 4-го курта 21,72—18,09, комнатахъ студентовъ 3-го курса 19,125—16,53, комнатахъ студентовъ 2-го курса 20,34—15,78 и комнатахъ студентовъ 1-го курса 16,59—15,78 куб. метровъ; площади пола на одного человѣка приходится въ комнатахъ студентовъ 4-го курса 5,11—4,26, комнатахъ студентовъ 3-го курса 4,38—3,88, комнатахъ студентовъ 2-го курса 4,79—3,71 и комнатахъ студентовъ 1-го курса 4,15—3,71 квадратныхъ метровъ. Площади пола на единицу свѣтовой поверхности оконъ въ спальныхъ помѣщеніяхъ констатируется—въ 7-ми комнатахъ 3,99—5,38, въ 4-хъ комнатахъ 6,91—10,92 и въ 3-хъ комнатахъ 13,85—14,95 единицъ, причемъ всѣ эти комнаты получаютъ естественное освѣщеніе чрезъ окна, устроенныя въ наружныхъ стѣнахъ; кромѣ того, въ 2-хъ спальныхъ комнатахъ нѣтъ наружныхъ стѣнъ, и окна ихъ выведены въ корридоръ, причемъ площади пола на единицу свѣтовой поверхности этихъ оконъ имѣется—въ одной комнатѣ 7,13, а въ другой комнатѣ 4,39 единицъ. Всѣ спальныя комнаты отапливаются при посредствѣ голландскихъ (кирпичныхъ) печей, причемъ одному квадратному метру нагрѣвательной поверхности печей приходится нагрѣвать—въ 8-ми комнатахъ 22,61—28,00, въ 4-хъ комнатахъ 31,18—38,90, въ 3-хъ комаатахъ 41,13—43,33 и въ 1 комнатѣ

Т А Б

Этажъ.		Величина помѣщенія въ метрахъ.			
		Площадь пола.		Объемъ воздуха.	
		Всего.	На одно лицо.	Всего.	На одно лицо.
2	Спальня № 1—4 курса	46,8	4,26	198,9	18,09
2	„ № 2 4 „	54,0	4,5	229,5	19,125
2	„ № 3—4 „	30,68	5,11	130,33	21,72
2	„ № 4—4 „	54,6	4,55	232,05	19,338
2	„ № 5—3 „	48,23	4,02	204,98	17,083
2	„ № 6—3 „	70,04	4,38	297,67	18,604
2	„ № 7—3 „	105,0	3,88	446,25	16,53
2	„ № 8—3 „	31,36	3,92	133,28	16,66
2	„ № 9—2 „	54,0	4,5	229,5	19,125
2	„ № 11—2 „	31,2	4,46	132,6	18,94
2	„ № 12—2 „	54,0	4,5	229,5	19,125
2	„ № 13—2 „	47,7	3,98	202,73	16,89
2	„ № 14 (двѣ пол.)—2 курса .	67,0	4,79	284,75	20,34
2	„ № 10 = 1 и 2 курса . . .	29,7	3,71	126,23	15,78
3	„ № 15—1 курса	53,9	4,15	215,6	16,59
3	„ № 16—1 „	221,55	4,03	886,2	16,11

91,18 кубическихъ метровъ воздушнаго пространства. Въ спальныхъ комнатахъ вентилированіе помѣщеній возможно—или чрезъ наружныя стѣны, или при посредствѣ форточекъ, или-же при посредствѣ вентиляторовъ. Наружныя стѣны имѣются въ 14-ти спальныхъ комнатахъ, а въ 2-хъ комнатахъ нѣтъ вовсе наружныхъ стѣнъ. Въ спальныхъ комнатахъ, въ которыхъ имѣются наружныя стѣны, на одинъ куб. метръ воздуха помѣщенія приходится квадратной площади наружныхъ стѣнъ въ 3-хъ комнатахъ 3,60—4,82, въ 6-ти комнатахъ 5,90—7,00, въ 3-хъ комнатахъ 9,00—10,00 и

ЦА № 2.

Отношеніе площади оконъ къ площади пола.	Общая площадь нагрѣвательныхъ поверхностей печей въ метрахъ.	Сколько куб. метр. воздуха приходится нагрѣвать нагрѣвательной пов. въ 1 куб. метръ.	Общая площадь наружныхъ стѣнъ въ метрахъ.	Сколько куб. метр. воздуха приходится на 1 кв. метръ площади наружн. стѣнъ.	Общая площадь форточекъ въ метрахъ.	Сколько куб. метр. воздуха приходится на 1 кв. метръ площади форточекъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
1 : 13,85	4,59	43,33	22,1	9,00	0,3	663,00	Имѣется по одному вентилятору въ каждой комнатѣ.
1 : 3,99	7,36	31,18	63,75	3,60	0,6	382,50	
1 : 4,53	5,1	25,53	22,1	5,90	0,3	434,43	
1 : 5,38	6,82	34,02	38,68	6,00	0,3	773,50	
(1 : 7,13)	5,27	38,90	—	—	—	—	
1 : 6,91	11,70	25,44	43,78	6,80	0,3	992,23	Нѣтъ вовсе вентиляторовъ.
1 : 5,18	16,12	27,68	92,5	4,82	0,6	743,75	
1 : 9,28	4,76	28,00	11,9	11,20	0,3	444,27	
1 : 5,33	5,58	41,13	38,25	6,00	0,3	765,00	
1 : 4,62	5,58	23,75	22,1	6,00	0,3	442,00	
1 : 3,99	5,58	41,13	63,75	3,60	0,3	765,00	Имѣется по одному вентилятору въ каждой комнатѣ.
1 : 14,11	5,58	36,11	22,53	9,00	0,3	675,77	
1 : 9,91	11,09	24,77	28,48	10,00	0,3	945,17	
(1 : 4,39)	5,58	22,61	—	—	—	—	
1 : 10,93	9,24	23,31	30,8	7,00	0,3	718,67	
1 : 14,95	9,72	91,18	84,4	10,50	0,6	1477,00	Им. 2 вентилят.

въ 2-хъ комнатахъ 10,50—11,20 квадратныхъ метровъ. Спальныя комнаты всѣ снабжены форточками, которыя—какъ мнѣ кажется—имѣютъ значеніе лишь въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ окна выведены наружу, а не въ корридоръ; квадратный метръ площади форточекъ въ помѣщеніяхъ приходится въ 4-хъ комнатахъ на 382,50—444,27, въ 7-ми комнатахъ на 663,00—773,50 и въ 3-хъ комнатахъ на 945,17—1477,00 куб. метровъ воздушнаго пространства. Въ спальняхъ въ 5-ти комнатахъ нѣтъ вовсе вентиляторовъ, которые имѣются лишь въ остальныхъ 11 комнатахъ—въ одной комнатѣ два и въ

десяти комнатахъ по одному вентилятору, причемъ вентиляторы служатъ только для вытяжки испорченнаго воздуха и вовсе не имѣютъ приспособленій для усиленія тяги испорченнаго воздуха; приспособленій для подачи чистаго воздуха ни въ одной комнатѣ нѣтъ.

Такимъ образомъ, можно говорить, что спальныя помѣщенія студентовъ С.-Петербургской Академіи далеко не соотвѣтствуютъ требованіямъ, предъявленнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, и это—надо отмѣтить—не смотря на то, что въ 1911—1912-мъ и въ 1912—1913-мъ учебныхъ годахъ, позволительно сказать, каждая пядь помѣщенія была утилизирована, чтобы имѣть возможность принять въ число студентовъ Академіи всѣхъ тѣхъ, которые успѣшно выдержали вступительный экзаменъ. Такъ, мы видимъ, что въ 1911—1912-мъ и въ 1912—1913-мъ учебныхъ годахъ студенты для постояннаго жилья были размѣщены даже въ нѣкоторыхъ комнатахъ академической больницы,—комнатахъ, которыя предназначены только для заболѣвшихъ студентовъ [1]). Больничныя помѣщенія были заняты только потому, что Правленію Академіи ужъ больно не хотѣлось заняться уничтоженіемъ такихъ необходимыхъ для студентовъ вспомогательныхъ академическихъ учрежденій, какъ психологическая семинарія, студенческая читальня, студенческая библіотека и студенческая пріемная,—другихъ же комнатъ для расширенія жилья студентовъ въ Академіи не нашлось.

Каковы—какъ съ точки зрѣнія размѣра, такъ и съ точки зрѣнія естественнаго освѣщенія, а равно какъ и съ точки зрѣнія отопленія и вентиляціи—особенности тѣхъ помѣщеній, которыя отведены въ С.-Петербургской Академіи студентамъ подъ комнаты для занятій, можно видѣть изъ таблицы № 3 (см. табл. № 3).

---

[1]) Необходимо отмѣтить, что для постояннаго жилья студентовъ въ академической больницѣ было выдѣлено то отдѣленіе, которое было построено въ 1907-мъ году и которое — какъ показалъ уже опытъ— является заселяемымъ больными лишь при сильномъ развитіи заболѣваемости среди студентовъ.

Какъ видно изъ таблицы № 3, комнаты, предназначенныя студентамъ для занятій, тоже характеризуются неодинаковыми особенностями. Для занятій студентамъ отведено всего 16 комнатъ, кои всѣ находятся въ 3-мъ этажѣ и кои между курсами распредѣляются по 4 комнаты на каждый курсъ. Объема воздуха на одного человѣка въ комнатахъ для занятій приходится—въ 5-ти комнатахъ 10,8—12,92, въ 5-ти комнатахъ 13,2—15,49, въ 4-хъ комнатахъ 16,18—18,71 и въ 2-хъ комнатахъ 21,96—26,87 куб. метровъ; площади пола въ тѣхъ двухъ комнатахъ, гдѣ на одного человѣка приходится 21,96 — 26,87 куб. метровъ воздуха, имѣется на одно лицо 5,49—6,71 квадр. метровъ, тогда какъ въ остальныхъ комнатахъ констатируется площади пола на одного человѣка всего 2,7—4,68 квадр. метровъ. Комнаты для занятій снабжены окнами, которыя всѣ находятся въ наружныхъ стѣнахъ, при чемъ на каждую единицу площади оконъ приходится площади пола въ 6-ти комнатахъ 4,88—6,54, въ 7-ми комнатахъ 7,56—9,82, въ 1-й комнатѣ 12,12 и 2-хъ комнатахъ 14,65—16,51 единицъ. Отопленіе производится въ 15-ти комнатахъ голандскими и въ 1-й комнатѣ утермаркскою (утермаркская печь—это печь, которая снаружи обита желѣзомъ) печами, причемъ одному метру нагрѣвательной поверхности печей приходится нагрѣвать въ 3-хъ комнатахъ 15,74—19,84, въ 8-ми комнатахъ 21,47—26,12, въ 2-хъ комнатахъ 29,18—34,85 и въ 3-хъ комнатахъ 43,12—47,76 кубич. метровъ воздуха. Въ комнатахъ для занятій—тоже надо признать—вентилированіе воздуха возможно—какъ чрезъ наружныя стѣны, такъ и при посредствѣ форточекъ, а равно какъ и при посредствѣ вентиляторовъ. Всѣ комнаты для занятій имѣютъ наружныя стѣны, площади которыхъ на одинъ куб. метръ воздуха помѣщенія приходится въ 4-хъ комнатахъ 2,99—4,16, въ 9-ти комнатахъ 5,40—6,90, въ 3-хъ комнатахъ 7,00—10,80 квадр. метровъ. Въ каждой комнатѣ для занятій имѣется въ окнахъ по 1—2 форточкѣ, каковыми здѣсь, понятно, можно пользоваться гораздо чаще, чѣмъ форточками въ спальныхъ помѣщеніяхъ; въ комнатахъ для занятій на квадратный метръ площади форточекъ приходится въ 6-ти комнатахъ 396,00—485,07, въ 2-хъ комнатахъ 537,40—560,00, въ 3-хъ комнатахъ 727,27—756,00 и въ 5-ти комнатахъ 924,80—970,67 куб. метровъ воздушнаго пространства. Въ пяти комнатахъ для занятій

ТАБЛ

Этажъ.		Величина помѣщенія въ метрахъ.			
		Площадь пола.		Объемъ воздуха.	
		Всего.	На одно лицо.	Всего.	На одно лицо.
3	Комната для занятій № 1—4 курса.	32,94	5,49	131,76	21,96
3	„ „ „ № 2—4 „ .	59,4	3,3	237,6	13,2
3	„ „ „ № 3—4 „ .	30,6	3,4	122,4	13,6
3	„ „ „ № 4—4 „ .	56,12	4,68	224,48	18,71
3	„ „ „ № 5—3 „ .	72,36	4,02	289,44	16,08
3	„ „ „ № 6—3 „ .	72,76	4,04	291,04	16,17
3	„ „ „ № 7—3 „ .	80,56	6,71	322,44	26,87
3	„ „ „ № 8—3 „ .	70,04	3,5	280,16	14,01
3	„ „ „ № 9—2 „ .	69,36	3,85	277,44	15,41
3	„ „ „ № 10—2 „ .	36,18	3,02	144,72	12,06
3	„ „ „ № 13—2 „ .	69,69	3,87	278,76	15,49
3	„ „ „ № 14—2 „ .	72,8	4,04	291,2	16,18
3	„ „ „ № 17—1 „ .	42,0	3,25	168,0	12,92
3	„ „ „ № 18—1 „ .	56,7	2,7	226,8	10,8
3	„ „ „ № 19—1 „ .	32,33	2,94	129,32	11,76
3	„ „ „ № 20—1 „ .	54,28	3,02	217,18	12,07

нѣтъ вовсе вентиляторовъ, которыми снабжены лишь остальныя одиннадцать комнатъ по одному вентилятору въ каждой комнатѣ, причемъ вентиляторы эти характеризуются тѣми же особенностями, что и вентиляторы въ спальняхъ.

Кажется, въ школьной гигіенѣ вопросъ о комнатахъ для занятій относится къ тѣмъ вопросамъ, на которые до сихъ поръ мало обращалось вниманія. До настоящаго времени еще не выработана норма размѣровъ комнатъ для занятій, быть можетъ, по той причинѣ, что въ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ эти комнаты не нужны, а въ закрытыхъ учеб-

ЦА № 3.

Отношеніе площади оконъ къ площади пола.	Общая площадь нагрѣвательныхъ поверхностей печей въ метрахъ.	Сколько куб. метр. воздуха приходится нагрѣвать нагрѣвательной пов. въ 1 квадр. метръ.	Общая площадь наружныхъ стѣнъ въ метрахъ.	Сколько куб. метр. воздуха приходится на 1 кв. метръ площади наружн. стѣнъ.	Общая площадь форточекъ въ метрахъ.	Сколько куб. метр. воздуха приходится на 1 кв. метръ площади форточекъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
1:12,12	8,37	15,74	24,4	5,40	0,3	439,20	Имѣется по одному вентилятору.
1: 6,01	9,94	23,90	63,6	3,58	0,6	396,00	
1: 6,19	5,7	21,47	20,4	6,00	0,3	408,00	
1: 7,56	6,44	34,85	36,8	6,10	0,3	748,27	
1:14,65	6,21	46,61	26,8	10,80	0,3	964,80	
1: 5,41	6,75	43,12	70,0	4,16	0,6	485,07	
1:16.51	6,75	47,76	42,4	7,60	0,6	537,40	
1: 9,45	11,19	25,03	41,2	6,80	0,3	933,47	
1: 9,36	9,52	29,18	40,8	6,84	0,3	924,80	
1: 4,88	*) 7,8	19,84	48,4	2,99	0,3	482,40	Нѣтъ вовсе вентиляторовъ.
1: 9,40	10,67	26,12	40,4	6,90	0,3	929,20	
1: 9,82	11,8	24,68	41,6	7,00	0,3	970,67	Одинъ вентиляторъ.
1: 8,52	6,46	26,01	28,0	6,00	0,3	560,00	Нѣтъ вовсе вентиляторовъ.
1: 7,68	9,94	22,89	36,0	6,30	0,3	756,00	
1: 6,54	8,1	15,97	21,0	6,16	0,3	431,07	
1: 5,59	9,48	22,90	60,0	3,62	0,3	727,27	Одинъ вентиляторъ.

ныхъ заведеніяхъ обычно въ качествѣ означенныхъ комнатъ являются классныя помѣщенія. Я не сомнѣваюсь, что требованія по отношенію къ комнатамъ для занятій должны быть болѣе значительными, чѣмъ требованія по отношенію къ класснымъ помѣщеніямъ—хотя бы уже потому, что въ комнатахъ для занятій ученики—какъ я въ томъ убѣжденъ—при послѣурочныхъ занятіяхъ должны, сравнительно съ урочными занятіями, имѣть нѣкоторый комфортъ. Я не думаю, чтобы

* Въ комнатѣ не голландская, а уттермакская печь.

требованія по отношенію къ комнатамъ для занятій были ниже требованій, какія уже предъявлены по отношенію къ мастерскимъ, занятымъ не особо вреднымъ для здоровья производствомъ. Какъ извѣстно, для означенныхъ мастерскихъ требуется, чтобы въ нихъ объема воздуха на одного человѣка приходилось не менѣе 1,5 куб. сажени (это равняется 14,568 куб. метрамъ) — и при томъ при хорошо-устроенныхъ отопленіи и вентиляціи [1]).

Нельзя не признать, что послѣ спальныхъ помѣщеній комнаты для занятій имѣютъ въ жизни студентовъ С.-Петербургской Академіи наибольшее значеніе, такъ какъ здѣсь студенты проводятъ наибольшее количество часовъ.

Необходимо отмѣтить, что въ С.-Петербургской Академіи въ комнатахъ, выдѣленныхъ студентамъ для занятій, приходится объема воздуха на одного человѣка — въ 8-ми комнатахъ 10,8—14,01 куб. метровъ (т. е. менѣе 1,5 куб. сажени) и въ 8-ми комнатахъ 15,41—25,87 куб. метровъ (т. е. болѣе 1,5 куб. сажени), причемъ среди комнатъ послѣдняго рода одна комната (это комната № 7), имѣющая на одного человѣка 26,87 куб. метровъ воздуха, не можетъ быть при-

ТАБЛ

Этажъ.		Величина помѣщенія въ метрахъ				Общая площадь оконъ въ метрахъ
		Площадь пола		Объемъ воздуха		
		Помѣщенія.	Сколько лицъ можетъ пользоваться при условіи, чтобы на лицо приходилось 0,375 кв. саж.	Въ помѣщеніи	Сколько куб. метр. воздуха приходится на одно лицо, при условіи, что на него приходится 0,375 кв.саж. площади пола	
2	Аудиторія № 1	70,38	41	299,12	7,296	10,14
2	„ № 2	69,69	40	296,18	7,405	10,14
2	„ № 3	161,57	94	686,67	7,305	23,66
2	„ № 4	68,0	39	289,0	7,436	10,14
3	„ № 5	49,68	24	198,72	8,280	9,88

[1]) Комиссія для составленія положенія объ устройствѣ и содержаніи промышленныхъ заведеній и складовъ и о надзорѣ за производствомъ въ нихъ работъ—см. труды ея.

числена къ лучшимъ комнатамъ—какъ въ виду незначительности естественнаго освѣщенія (площадь оконъ къ площади пола здѣсь относится какъ I къ 16,51), такъ и въ виду недостаточности для комнаты отапливающихъ приборовъ (здѣсь одному квадр. метру нагрѣвательной поверхности голландской печи приходится нагрѣвать 47,76 куб. метровъ воздушнаго пространства); кромѣ того, эта комната проходная, что тоже является большимъ недостаткомъ комнаты,—какъ комнаты, предназначенной для занятій.

Съ какими гигіеническими особенностями являются тѣ комнаты, которыя въ С.-Петербургской Академіи отведены подъ аудиторіи, можно видѣть изъ таблицы № 4 (см. таблицу № 4).

№ 4.

Сколько куб. метр. воздуха приходится на нагрѣвательную поверхность печей въ 1 кв. метръ.	Общая площадь наружныхъ стѣнъ въ метрахъ.	Сколько куб. метр. воздуха приходится на 1 кв. метръ площади наружныхъ стѣнъ.	Общая площадь форточекъ въ метрахъ.	Сколько метровъ воздуха приходится на 1 кв. метръ площ. форточекъ.	Примѣчанія.
50,78	43,35	6,90	0,3	997,07	Нѣтъ вовсе вентиляторовъ.
39,81	42.925	6,89	0,3	987,27	
48,15	109,65	6,26	0,6	1144,45	Имѣются вентиляторы.
61,75	42,5	6,80	0,3	963,33	
37,71	56,4	3,52	0,6	331,20	

Какъ видно изъ таблицы № 4, имѣющіяся въ Академіи аудиторіи расположены 4 во 2-мъ этажѣ и 1 въ 3-мъ этажѣ. Аудиторіи имѣютъ—№ 1 объема воздуха 299,12 куб. метровъ при площади пола въ 70,38 квадр. метровъ, № 2-й объема воздуха 296,18 куб. метровъ при площади пола въ 69,69 квадр. метровъ, № 3-й объема воздуха 686,67 куб. метровъ при площади пола въ 161,57 квадр. метровъ, № 4-й объема воздуха 289,00 куб, метровъ при площади пола въ 68,00 квадр. метровъ и № 5-й объема воздуха 198,72 куб. метровъ при

площади пола въ 49,68 квадр. метровъ. Естественное освѣщеніе аудиторій таково, что площади пола на квадратный метръ площади оконъ приходится 5,03—6,94 квадр. метровъ, причемъ во всѣхъ аудиторіяхъ естественное освѣщеніе происходитъ чрезъ окна, устроенныя въ наружныхъ стѣнахъ. Всѣ аудиторіи отапливаются голландскими печами, причемъ одному квадратному метру нагрѣвательной поверхности печей приходится нагрѣвать 37,71—61,75 куб. метровъ воздушнаго пространства. Въ аудиторіяхъ на одинъ кубическій метръ воздушнаго пространства имѣется квадратной площади наружныхъ стѣнъ 3,52—6,90 квадр. метровъ. Аудиторіи снабжены форточками, причемъ на квадратный метръ площади ихъ приходится въ аудиторіи № 1-й 997,07, въ аудиторіи № 2-й 987,27, въ аудиторіи № 3 й 1144,45, въ аудиторіи № 4-й 963,33 и въ аудиторіи № 5-й 331,20 куб. метровъ воздушнаго пространства. Кромѣ наружныхъ стѣнъ и форточекъ, вентилированіе въ трехъ аудиторіяхъ происходитъ еще и чрезъ вентиляторы, коихъ, однако, нѣтъ въ 1-й и 2-й аудиторіяхъ; вентиляторы здѣсь съ тѣми же особенностями, что и вентиляторы въ спальняхъ и комнатахъ для занятій.

Кажется, можно говорить о томъ, что въ духовныхъ академіяхъ аудиторіи не имѣютъ въ жизни студентовъ такого значенія, какое принадлежитъ спальнямъ и комнатамъ для занятій. Значеніе аудиторій въ жизни студентовъ не можетъ быть значительнымъ уже потому, что студенты академій, въ силу установившихся здѣсь особенностей постановки преподаванія, должны volens-nolens удѣлять главное свое вниманіе письменнымъ занятіямъ, которыя—надо отмѣтить—происходятъ не въ аудиторіяхъ, а въ комнатахъ для занятій. Въ сущности говоря, аудиторіи въ академіяхъ являются тѣмъ, что въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ представляютъ изъ себя классныя помѣщенія, которыя—какъ я думаю—никогда не должны быть превращаемы одновременно и въ комнаты для занятій.

Признавая, что аудиторіи имѣютъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ такое же значеніе, какое въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ принадлежитъ класснымъ помѣщеніямъ, и, поэтому, полагая, что въ аудиторіяхъ на одно лицо должно приходиться по 0,375 кв. саж. (это соотвѣтствуетъ 1,707 квадр. метрамъ) площади пола и не менѣе 0,75 куб.

саж. (это соотвѣтствуетъ 7,284 куб. метрамъ) воздушнаго пространства,—можно констатировать, что аудиторіи С.-Петербургской Академіи могутъ вмѣстить въ себѣ—№ 1-й, 41, № 2-й 40, № 3-й 94, № 4 й 39 и № 5-й 24 человѣка; при такомъ количествѣ слушателей въ аудиторіяхъ на одного человѣка будетъ приходиться 1,707 квадр. метровъ площади пола при объемѣ воздуха въ 7,296—8,280 куб. метровъ. Въ общемъ объ аудиторіяхъ С.-Петербургской Академіи можно говорить въ томъ смыслѣ, что размѣры ихъ въ настоящее время являются еще сносными, въ особенности—если принять во вниманіе то обстоятельство, что студенты въ духовныхъ академіяхъ обязаны при прохожденіи курса специализироваться въ той или другой группѣ предметовъ академическаго курса, и что вслѣдствіе означеннаго у студентовъ одного и того же курса имѣется необходимость при слушаніи предметовъ академическаго курса распадаться на отдѣльныя группы.

Слѣдуетъ отмѣтить, что аудиторіи № 1, № 2, № 3 и № 4 служили аудиторіями и при прежнемъ академическомъ уставѣ, аудиторія же № 5 стала таковою лишь съ введеніемъ въ жизнь академіи новаго академическаго устава.

Какія гигіеническія особенности присущи помѣщенію, которое въ С.-Петербургской Академіи служитъ столовою студентовъ, можно видѣть изъ таблицы № 5 (см. табл. № 5-й).

Изъ таблицы № 5 видно, что въ С.-Петербургской академіи столовая студентовъ находится въ 1 мъ этажѣ и состоитъ изъ трехъ отдѣленій, отграничивающихся другъ отъ друга арками, причемъ площади пола имѣется въ сѣверномъ отдѣленіи 149,10, среднемъ отдѣленіи 53,96 и южномъ отдѣленіи 48,28 квадр. метровъ. Столовая комната имѣетъ такое естественное освѣщеніе, что на квадратный метръ площади оконъ приходится площади пола 4,89—10,92 квадр. метровъ. Столовая комната отапливается 4-мя голландскими печами и снабжена 4-мя форточками и 3-мя вентиляторами, изъ коихъ одинъ вентиляторъ съ электрической тягой испорченнаго воздуха; кромѣ того, одинъ—тоже съ электрической тягой испорченнаго воздуха—вентиляторъ установленъ еще и въ посудной, которая, какъ извѣстно, находится отдѣльно отъ столовой комнаты.

Т А Б Л

Этажъ.		Площадь пола въ помѣщеніи въ кв. метр.	Сколько лицъ можетъ пользоваться помѣщеніемъ при условіи, что на одно лицо прих. 0,7586 кв. метровъ площади пола.	Общая площ.
1	Столовая: а) сѣверное отдѣленіе . . .	149,10	196	1
	б) среднее отдѣленіе	53,96	71	
	в) южное отдѣленіе.	48,28	63	

Необходимо оттѣнить, что въ описываемой столовой удается размѣстить всего 220 студентовъ, причемъ уже и при такомъ количествѣ студентовъ чувствуется тѣснота помѣщенія. Приходится думать, что норма, установленная Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ столовыхъ среднихъ учебныхъ заведеній, являетса недостаточною для студенческихъ столовыхъ: ибо, если бы въ отношеніи величины студенческихъ столовыхъ та норма, какая установлена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ столовыхъ среднихъ учебныхъ заведеній, была достаточною, то въ студенчестой столовой С.-Петербургской Академіи можно было бы размѣстить 330 студентовъ.

Мнѣ кажется, что въ студенческихъ столовыхъ должно приходиться на одного человѣка не менѣе 0,25 квадр. саженей (это соотвѣтствуютъ 1,138 квадр. метрамъ) площади пола.

Въ 1911—1912-мъ и 1912—1913-мъ учебныхъ годахъ студенты, не размѣщенные въ описываемой столовой, обѣдали и ужинали въ посудной комнатѣ.

Какими гигіеническими удобствовами отличаются въ С.-Петербургской Академіи студенческія уборныя, можно видѣть изъ таблицы № 6 (см. таблицу № 6).

Какъ видно изъ таблицы № 6, въ С.-Петербургской Академіи для студентовъ устроено всего 4 уборныя, изъ коихъ

№ 5.

Достаточно ли печей въ помѣщеніи?	Общая площадь форточекъ въ помѣщеніи въ кв. метрахъ.	Вентиляторы и ихъ особенности.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Достаточно	0,6	Одинъ электрическій вентиляторъ	Кромѣ того, есть еще одинъ электрическій вентиляторъ въ посудной комнатѣ.
	0,3	Одинъ простой вент. (устр. вверху)	
	0,3	Одинъ простой вент. (устр. вверху)	

2 находятся въ 3-мъ этажѣ и 2 находятся во 2-мъ этажѣ. Уборныя устроены въ боковыхъ флигеляхъ—2 въ сѣверномъ и 2 въ южномъ флигелѣ. По плану и расположенію уборныя каждаго этажа до мелочности походятъ другъ на друга, различаясь лишь тѣмъ, что одна уборная одного и того же этажа имѣется въ южномъ, а другая въ сѣверномъ боковомъ флигелѣ. Каждая уборная состоитъ изъ клозетнаго и умывальнаго отдѣленій и комнаты, соединяющей оба эти отдѣленія между собою. Клозетныя отдѣленія во всѣхъ уборныхъ одинаковыя, различаясь лишь тѣмъ, что клозетныя отдѣленія 2-го этажа имѣютъ высоту на 0,25 метра большую, чѣмъ клозетныя отдѣленія 3-го этажа. Площадь пола каждаго клозетнаго отдѣленія равняется 13,23 квадр. метрамъ. Клозетныя отдѣленія являются съ такимъ естественнымъ освѣщеніемъ, что на квадратный метръ оконъ приходится площади пола—во 2-мъ этажѣ 3,91, а въ 3-мъ этажѣ 5,36 квадратныхъ метровъ. Клозетныя отдѣленія во всѣхъ уборныхъ снабжены по одной форточкѣ и по одному вентилятору, причемъ вентиляторы не имѣютъ никакихъ приспособленій для усиленной тяги. Клозетныя отдѣленія во всѣхъ уборныхъ отапливаются голландскими печами—по одной въ каждомъ клозетномъ отдѣленіи. Въ клозетныхъ отдѣленіяхъ во всѣхъ устроено по 3 очка для сидѣнья и по 3 писсуара-одиночки; клозеты водяные. Кромѣ клозетнаго отдѣленія, въ каждой уборной имѣется еще и умывальное отдѣленіе. Умывальныя отдѣленія въ уборныхъ 2-го этажа не только имѣютъ высоту на

Т

	Величина помѣщенія въ метрахъ.	
	Площадь пола.	Объемъ воздуха.
Уборная 3-го этажа сѣвернаго флигеля:		
а) клозетное отдѣленіе. . . .	13,23	52,92
б) умывальное отдѣленіе . .	19,02	76,08
и в) комната, соединяющая эти отдѣленія.	7,28	29,12
Уборная 3-го этажа южнаго флигеля:		
а) клозетное отдѣленіе. . . .	13,23	52,92
б) умывальное отдѣленіе . .	19,02	76,08
и в) комната, соединяющая эти отдѣленія.	7,28	29,12
Уборная 2-го этажа сѣвернаго флигеля:		
а) клозетное отдѣленіе . . .	13,23	56,22
б) умывальное отдѣленіе . .	38,76	164,73
и в) комната, соединяющая эти отдѣленія.	7,28	30,94
Уборная 2-го этажа южнаго флигеля:		
а) клозетное отдѣленіе. . . .	13,23	56,22
б) умывальное отдѣленіе . .	38,76	164,73
и в) комната, соединяющая эти отдѣленія.	7,28	30,94

0,25 метра большую, чѣмъ умывальныя отдѣленія уб 3-го этажа, но также и площадь пола ихъ на 19,74 метровъ больше площади пола умывальныхъ отдѣленіі ныхъ 3-го этажа; на каждый квадр. метръ оконъ прих площади пола въ уборныхъ 2-го этажа 5,74, а въ уб 3-го этажа 7,70 квадр. метровъ. Умывальныя от 2-го этажа снабжены форточками, которыхъ, однако, і

Ц А № 6.

Общая площадь нагрѣвательной поверхности печи, имѣющейся въ помѣщеніи въ метр.	Общая площадь наружныхъ стѣнъ въ метрахъ.	Общая площадь форточекъ въ метрахъ.	Общее количество вентиляторовъ и ихъ краткая характеристика.	ПРИМѢЧАНІЯ.
1 голл. печь	25,2	0,3	Одинъ вент. (устр. внизу)	3 очка для сидѣнья и 3 писсуара-одиночки.
8,32	11,2	Форточекъ нѣтъ	—	5 кран. для умыванья.
Печей нѣтъ	21,6	0,3	Нѣтъ вент.	—
1 голл. печь	25,2	0,3	Одинъ вент. (устр. внизу)	3 очка для сидѣнья и 3 писсуара-одиночки.
8,32	11,2	Форточекъ нѣтъ	—	5 кран. для умыванья.
Печей нѣтъ	21,6	0,3	Нѣтъ вент.	—
1 голл. печь	26,775	0,3	Одинъ вент. (устр. внизу)	3 очка для сидѣнья и 3 писсуара-одиночки.
8,32	24,225	0,3	—	12 кран. для умыванья.
Печей нѣтъ	22,95	0,3	Нѣтъ вент.	—
1 голл. печь	26,775	0,3	Одинъ вент. (устр. внизу)	3 очка для сидѣнья и 3 писсуара-одиночки.
8,32	24,225	0,3	—	12 кран. для умыванья.
Печей нѣтъ	22,95	0,3	Нѣтъ вент.	—

умывальныхъ 3-го этажа. Отопленіе умывальныхъ отдѣленій во всѣхъ уборныхъ производится голландскими печами, коихъ въ каждомъ умывальномъ отдѣленіи имѣется по одной голладской печи. Въ умывальныхъ отдѣленіяхъ установлены для умыванія краны, коихъ имѣется въ уборныхъ 2-го этажа по 12, а въ уборныхъ 3-го этажа по 5 крановъ. Въ каждой уборной умывальное отдѣленіе обособляется сплошною стѣ-

ною не только отъ клозетнаго отдѣленія, но и отъ комнаты, служащей для соединенія между собою умывальнаго и клозетнаго отдѣленій; въ томъ отдѣлѣ этой стѣны, гдѣ умывальное отдѣленіе обособляется отъ комнаты, служащей для соединенія между собою клозетнаго и умывальнаго отдѣленій, имѣются удовлетворительно устроенныя двери, которыя и ведутъ изъ умывальнаго отдѣленія въ означенную комнату. Комнаты, служащія для соединенія между собою клозетнаго и умывальнаго отдѣленій, по плану и устройству во всѣхъ уборныхъ одинаковыя; каждая изъ означенныхъ комнатъ имѣетъ площадь пола, равняющуюся 7,28 квадр. метрамъ, при площади оконъ, относящейся къ площади пола—во 2-мъ этажѣ какъ 1 къ 2,15 и въ 3-мъ этажѣ какъ 1 къ 2,95. Комнаты, служащія для соединенія между собою клозетнаго и умывальнаго отдѣленій, во всѣхъ уборныхъ снабжены не только дверьми, ведущими въ умывальное отдѣленіе, но и дверьми, ведущими въ клозетное отдѣленіе. Комнаты, служащія для соединенія между собою клозетнаго и умывальнаго отдѣленій, не имѣютъ печей и вентиляторовъ, но имѣютъ форточки. Комнаты, служащія для соединенія между собою клозетнаго и умывальнаго отдѣленій, лежатъ въ углу наружныхъ стѣнъ и, слѣдовательно, значительно удалены отъ корридора, изъ коего въ каждой уборной имѣется входъ только въ умывальное отдѣленіе,—входъ же въ клозетное отдѣленіе одинъ и обязательно идетъ чрезъ комнату, служащую для соединенія между собою клозетнаго и умывальнаго отдѣленій.

Кажется, нѣтъ надобности доказывать, что уборныя своими клозетными отдѣленіями всегда могутъ—при плохомъ устройствѣ и содержаніи, а также и неудовлетворительномъ вентилированіи—стать разсадникомъ грязи и испорченнаго воздуха въ находящихся по сосѣдству съ ними жилыхъ помѣщеніяхъ. Поэтому, при оцѣнкѣ уборныхъ съ точки зрѣнія гигіены, по моему мнѣнію, всегда слѣдуетъ обращать вниманіе на то, какія при устройствѣ уборныхъ были приняты мѣры, чтобы уборныя не служили разсадникомъ грязи и испорченнаго воздуха въ находящихся по близости съ ними жилыхъ помѣщеніяхъ. Въ этомъ отношеніи объ уборныхъ С.-Петербургской Академіи можно говорить въ томъ смыслѣ, что такими мѣрами здѣсь являются: 1) то обстоятельство, что умывальныя и клозетныя отдѣленія раздѣлены между собою сплошною стѣною; 2) то обстоятельство, что входъ въ уборную изъ

корридора имѣется только одинъ, а именно — въ умывальное отдѣленіе,—входа же изъ корридора въ клозетное отдѣленіе нѣтъ, и для того, чтобы изъ корридора проникнуть въ клозетное отдѣленіе предварительно необходимо пройти умывальное отдѣленіе и комнату, соединяющую между собою умывальное и клозетное отдѣленія; 3) то обстоятельство, что въ уборныхъ вентиляторы установлены только въ клозетныхъ отдѣленіяхъ, — умывальныя же отдѣленія и комнаты, соединяющія между собою умывальныя и клозетныя отдѣленія, ихъ не имѣютъ; 4) то обстоятельство, что въ комнатахъ, соединяющихъ между собою клозетныя и умывальныя отдѣленія, нѣтъ печей, которыя, однако, имѣются въ клозетныхъ и умывальныхъ отдѣленіяхъ. Каждая изъ означенныхъ мѣръ въ отдѣльности представляется довольно незатѣйливою, но всѣ вмѣстѣ онѣ служатъ для общей цѣли довольно удовлетворительно и, можно признать, предохраняютъ отъ распространенія клозетныхъ газовъ въ умывальныя отдѣленія и оттуда въ корридоръ и другія помѣщенія. Отъ освидѣтельствованія академическихъ уборныхъ у меня сложилось даже убѣжденіе, что эти уборныя являются съ удовлетворительнымъ въ гигіеническомъ отношеніи устройствомъ, которое можно было бы считать даже идеальнымъ, если бы въ клозетныхъ отдѣленіяхъ уборныхъ была установлена болѣе совершенная вентиляція,—устройство можно было бы считать идеальнымъ для 240 человѣкъ.

Полагаю, что, послѣ всего сказаннаго, мои наблюденія о жилищныхъ условіяхъ жизни студентовъ С.-Петербургской Академіи можно иллюстрировать слѣдующими положеніями:

1) *Для того количества студентовъ, какое въ настоящее время имѣется въ С.-Петербургской Академіи, жилищныя условія являются съ наличностью тѣсноты, въ особенности въ отношеніи спальныхъ помѣщеній и комнатъ, предназначенныхъ для занятій.*

2) *Тѣснота жилыхъ въ С.-Петербургской Академіи помѣщеній для того количества студентовъ, какое въ настоящее время въ Академіи имѣется, стоитъ въ непосредственной связи съ тѣснотою другихъ академическихъ помѣщеній, которая и не позволяетъ выдѣлить для жилыхъ помѣщеній студентовъ болѣе того, чѣмъ это было выдѣлено въ 1911—1912-мъ и 1912—1913-мъ учебныхъ годахъ.*

и 3) *При условіи сохраненія того количества студентовъ, какое въ настоящее время имѣется въ С.-Петербургской Академіи, потребность выстроить въ Академіи новыя зданія, хотя бы только для жилья студентовъ, выступаетъ съ рѣзкой настойчивостью и неотложностью.*

Кажется, я буду недалекъ отъ истины, если скажу, что въ С.-Петербургской Академіи тѣснота помѣщеній хотя и чувствовалась уже давно, тѣмъ не менѣе наиболѣе рѣзко она выступила лишь послѣ того, какъ Академія стала жить согласно новому академическому уставу. *О томъ, что помѣщенія въ С.-Петербургской Академіи вслѣдствіе тѣсноты перестаютъ удовлетворять все возрастающимъ и усложняющимся потребностямъ академической жизни, заявлено и въ отчетѣ о состояніи Академіи за 1811-й годъ,—отчетѣ, составленномъ инспекторомъ и профессоромъ Академіи С. М. Заринымъ.*

Прежде чѣмъ окончить настоящій очеркъ, необходимо обратить вниманіе еще и на то, что въ главномъ корпусѣ Академіи жилье имѣется также и въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ, впрочемъ, живетъ исключительно только служительскій персоналъ, который, какъ извѣстно, находится въ довольно близкомъ общеніи со студентами и, поэтому, тоже долженъ быть съ удовлетворительной санитарной обстановкой жилья: *между тѣмъ подвальныя помѣщенія признаются гигіеною самыми негигіеничными и самыми неудобными для жилья...*

Въ заключеніе считаю нужнымъ указать, что въ настоящемъ очеркѣ мною не описываются больничныя помѣщенія С.-Петербургской Академіи,—тѣ помѣщенія, которыя—всѣ—сконцентрированы въ отдѣльномъ корпусѣ, извѣстномъ подъ названіемъ больничнаго корпуса, и которыя предназначены лишь для больныхъ студентовъ и притомъ только на время болѣзни.

Д-ръ мед. **Ив. Іер. Козловскій,**

Врачъ Императорской С.-Петербургской Православной Духовной Академіи.

Очерки по исторіи христіанства въ Сиріи.

Лекціи, читанныя въ Лондонѣ, въ церкви св. Маргариты, въ 1904 году профессоромъ Кембриджскаго университета Ф. К. Бёркиттомъ *).

ЛЕКЦІЯ III.

Древне-сирійская теологія.

Афраатъ.—Его понятіе вѣры.—Афраатъ и тринитарное ученіе.—Его ученіе о Св. Духѣ.—Христологія.—Ефремъ Сиринъ.—Carmina Nisibena.—Поэзія св. Ефрема.—Его sermo de Domino nostro.—Раббула.—Упадокъ.

Въ англійской церкви всегда былъ мудрый обычай по большимъ праздникамъ церковнаго года читать латинское исповѣданіе вѣры, извѣстное намъ подъ именемъ Аѳанасіевскаго символа. Этотъ почтенный документъ въ настоящее время не популяренъ. Онъ доказываетъ и не согрѣтъ теплотою чувства. Но въ Аѳанасіевскомъ символѣ есть одно изреченіе, которое такъ изящно представляетъ сущность великихъ споровъ IV и V вѣковъ, что я воспользовался имъ какъ своего рода текстомъ для моей рѣчи въ этотъ день. Какъ вы всѣ знаете, Аѳанасіевскій символъ научаетъ насъ говорить: «Подобно тому, какъ христіанской истиной мы вынуждаемся исповѣдывать каждое Лицо само по себѣ Богомъ и Господомъ, такъ каѳолическая религія запрещаетъ намъ говорить о трехъ Богахъ и трехъ Господахъ» [1]).

---

*) Продолженіе. См. „Христіанское Чтеніе“, 1914, іюнь, 843—857.

[1]) Въ оригиналѣ это изложено такъ: Quia sicut singillatim unamquamque personam et Deum et Dominum confiteri christiana veritate compellimur, ita tres Deos aut Dominos dicere catholica religione prohibemur.

Каѳолическая религія, это—живое и безпрерывное преданіе ученія, однажды сообщеннаго святымъ чрезъ откровеніе; христіанская истина, это—логическое развитіе христіанскими мыслителями благоговѣнія вѣрныхъ къ ихъ Господу, истолкованнаго въ свѣтѣ греческой философіи. Здѣсь, наконецъ, мы знакомимся съ тѣмъ, что для христіанъ не являлось необходимо священнымъ. Возникаетъ существенный и серіозный вопросъ, насколько въ выраженіи нашей религіи сыграло роль не Божественное откровеніе, но желаніе согласовать ее съ философскими идеями, распространенными въ то время, когда христіанская теологія опредѣлялась. Сегодня я попытаюсь пролить свѣтъ на великіе богословскіе споры, изслѣдуя, что думалъ о нѣкоторыхъ основныхъ членахъ христіанской религіи говорящій по-сирійски церковникъ [Churchmen], который жилъ въ сторонѣ отъ атмосферы греческой и латинской мысли.

Мы не должны брать проповѣди въ Ученіи Аддая, какъ раннѣйшее выраженіе сирійской теологіи, ибо мы видѣли, что этотъ трудъ содержитъ нѣкоторые позднѣйшіе элементы и весьма возможно, что составитель этой апокрифической книги, писавшій ее въ самомъ концѣ 4-го вѣка, вложилъ въ уста Аддая фразы, которыя до того времени никогда не употреблялись, но были измышлены въ разгаръ полемики. Фактъ, что прекрасный ученый аббатъ Тиксеронъ, очень внимательно изслѣдовавшій богословскія объясненія въ Ученіи Аддая, пришелъ къ заключенію, что фразеологія ихъ послѣ-никейская какъ по мысли, такъ и по времени. Мы не можемъ поэтому брать Ученіе Аддая, какъ точку отправленія, но у насъ есть другой замѣчательный трудъ, обыкновенно извѣстный подъ именемъ гомилій Афраата. Эта работа удивительно приспособлена со стороны какъ ея содержанія, такъ и личности писателя къ тому, чтобы служить намъ введеніемъ въ теологію древней сирійской церкви.

Афраатъ, или вѣрнѣе Афрахатъ (Afrahat), вообще извѣстный подъ именемъ «мудреца персидскаго», жилъ въ первой половинѣ четвертаго вѣка. Первыя 10 изъ его 22 гомилій были составлены въ 337 году, остальныя 12—въ 344 году, и добавочная гомилія О виноградной лозѣ датирована 345 годомъ по р. Х. Онъ былъ монахъ и епископъ. Одно болѣе позднее преданіе говоритъ, что онъ былъ настоятелемъ монастыря св. Маѳеея близъ Мосула. Достовѣрно извѣстно,

что Афраатъ находился въ числѣ членовъ собора 344 года и что его избрали составить окружное посланіе отъ имени собора, обращенное къ митрополичьему діэцезу Селевкіи и Ктисифона. Это посланіе онъ впослѣдствіи опубликовалъ, какъ № 14 его гомилій.

Планъ большого труда Афраата удивительно приспособленъ къ тому, чтобы дать общій обзоръ сирійской теологіи. Мы говоримъ о «гомиліяхъ» Афраата, по томъ рѣчей, извѣстныхъ подъ этимъ именемъ, не представляетъ собой собранія случайныхъ бесѣдъ. Наоборотъ, это полное и стройное изложеніе христіанской вѣры, построенное въ формѣ отвѣтовъ на вопросы второго лица. 22 поученія соотвѣтствуютъ 22 буквамъ семитскаго алфавита, и первое слово каждаго поученія начинается съ соотвѣтствующей буквы алфавита: первое—съ Alaph, второе—съ Beth и т. д. Это не простая причуда, но серіозный пріемъ сохранить истинный порядокъ рѣчей. Трудно интерполировать или исказить акростихъ, чтобы это не было немедленно замѣчено. И какъ будто не удовлетворяясь этимъ алфавитнымъ порядкомъ, Афраатъ въ концѣ 22-ой гомиліи перечисляетъ всю серію въ правильномъ порядкѣ.

Необходимо прежде всего отмѣтить оффиціальное положе- и незапятнанную репутацію Афраата, если мы хотимъ оцѣнить значеніе того, о чемъ онъ говорилъ. Позднѣйшія поколѣнія сирійскихъ писателей могутъ очень мало сказать намъ объ Афраатѣ,кромѣ того, что мы знаемъ о немъ изъ его сочиненій; но всѣ безъ исключенія, и несторіане и монофиситы, одинаково свидѣтельствуютъ о православіи этого отца четвертаго вѣка.

Начнемъ съ первой гомиліи—О вѣрѣ. Отъ избытка сердца говорятъ уста, и въ догматическомъ отношеніи то, что поставлено на первомъ мѣстѣ, является основнымъ въ глазахъ писателя. Вѣра, согласно Афраату, похожа на зданіе, сдѣланное изъ различнаго матеріала разныхъ цвѣтовъ. Но основаніе нашей вѣры—Іисусъ Христосъ, краеугольный камень, какъ

---

[1]) Эта гомилія переведена полностью д-ромъ Gwynn'омъ, *Nicene and Post-Nicene Fathers,* т. XIII, стр. 345—352. Она была переведена также д-ромъ Budge въ его изданіи Филоксена, томъ II, стр. CLXXV—CLXXXVIII. Анализъ, данный здѣсь, вмѣстѣ съ нѣкоторой частью матеріала для сегодняшней лекціи, взятъ изъ моей собственной книги *Early Christianity outside the Roman Empire.*

говорятъ пророки (§ 2). Во-первыхъ, человѣкъ вѣритъ, потомъ любитъ, потомъ надѣется, потомъ дѣлается оправданнымъ и совершеннымъ и является храмомъ, въ которомъ обитаетъ Мессія, какъ сказалъ Іеремія: Храмъ Господенъ, храмъ Господенъ, вы храмъ Господенъ, если исправите пути ваши и дѣянія ваши [1]), и какъ сказалъ самъ Господь Нашъ: Вы во мнѣ и Я въ васъ (§ 3). Человѣкъ, имѣющій вѣру, старается сдѣлаться достойнымъ обиталищемъ для духа Мессіи. Тамъ должны быть: постъ, молитва, любовь, милосердіе, смиреніе, дѣвство, цѣломудріе, благоразуміе, гостепріимство, простота, терпѣніе, кротость, сокрушеніе [2]), чистота: вѣра нуждается въ всѣхъ этихъ украшеніяхъ (§ 4). Христосъ есть и основаніе, и обитатель дома вѣры. Іеремія говоритъ, что люди, это—храмы Божія, а апостолы говорили Духъ Христовъ обитаетъ въ васъ. Это одно и то же, ибо Господь сказалъ: Я и Отецъ мой едино (§ 5). Пророки говорили о Мессіи, какъ о камнѣ или скалѣ (§§ 6—9) и какъ о свѣтѣ (§§ 10—11). Онъ есть единое основаніе, которое можетъ противостать огню (§§ 12, 13). Вѣра ведетъ насъ на небо, спасаетъ отъ потопа, освобождаетъ плѣнныхъ, угашаетъ огонь, питаетъ голоднаго, возстановляетъ изъ гроба, заграждаетъ уста львовъ, смиряетъ гордаго, возвышаетъ кроткаго (§ 18).

Афраатъ не ограничивается одними неопредѣленными обобщеніями. Послѣ восхваленія вѣры онъ даетъ опредѣленіе ея.

«Ибо это, говоритъ онъ (§ 19), есть вѣра:
Если человѣкъ вѣруетъ въ Бога, Господа всего,
Который сотворилъ небо и землю, и моря, и все, что въ нихъ есть,
Который сотворилъ Адама по своему образу,
Который далъ законъ Моисею,
Который послалъ Духа Своего на Апостоловъ,
Который послалъ въ міръ Своего Мессію;
И если человѣкъ вѣруетъ въ воскресеніе мертвыхъ
И вѣруетъ также въ тайну крещенія:
Это есть вѣра въ Церковь Божію.
И если человѣкъ отдѣлитъ себя

[1]) Іер. VII, 4, 5 (Пет.).
[2]) Техническій терминъ для монастырской жизни.

отъ соблюденія часовъ и субботъ, и мѣсяцевъ, и временъ года,
волшебства и гаданій, и астрологіи, и магіи,
отъ любодѣянія и пиршествъ и отъ
суетныхъ ученій, оружій злого, и
отъ лести сладкихъ рѣчей, отъ
богохульства и прелюбодѣянія;
И если человѣкъ не лжесвидѣтельствуетъ и не говоритъ двояко:
Это дѣла вѣры, покоющейся на вѣрной скалѣ, которая есть Мессія,
на Немъ возвышается всякое зданіе».

Таково исповѣданіе вѣры Афраата. Для него христіанство было откровеніемъ Духа Святаго, обитающаго въ человѣкѣ и борющагося съ нравственнымъ зломъ, а не только или главнымъ образомъ предметомъ философской спекуляціи о природѣ Божества въ самомъ себѣ. Но это совершенно чуждо характеру греческаго и латинскаго христіанства, какъ онъ обнаруживается, начиная съ IV-го вѣка.

Около 150 лѣтъ послѣ того, какъ писалъ Афраатъ, Филоксенъ, епископъ Іераполя и выдающійся сирійскій теологъ и ученый, писалъ свои рѣчи о христіанской жизни и характерѣ. Онъ также началъ съ христіанской вѣры и также надѣялся хорошо опредѣлить ее. Вотъ что онъ говоритъ [1]): «Чрезъ вѣру услышалъ ты все это о Богѣ: что Онъ предвѣчный и безконечный и что Онъ существуетъ въ Самомъ Себѣ, и что Онъ не созданъ кѣмъ-нибудь другимъ, и что Онъ не одно лицо, но существенная субстанція, о которой вѣрятъ и исповѣдуютъ, что она въ трехъ лицахъ. И, кромѣ того, относительно лицъ слово вѣры учитъ тебя утверждать, что То, Которое родило, не раздѣлилось, и что То, Которое было рождено, не отдѣлилось, но Отецъ существуетъ со Своимъ Сыномъ по естеству и предвѣчно вмѣстѣ съ Духомъ Святымъ, Который одной природы съ Ними». И такъ далѣе, и такъ далѣе, ибо, насколько я прочелъ, дальше идетъ изслѣдованіе о природѣ херувимовъ и о томъ, что нужно думать относительно ихъ духовнаго состоянія. У Филоксена вѣра перестала оживлять всю личность, она стала дѣломъ головы, а не сердца, скорѣе предметомъ

[1]) Budge's Philoxenus I. 32 (англ. пер. II, 29).

богословской системы, чѣмъ нравственнаго долга. Для сирійцевъ такъ же, какъ и для насъ, философія грековъ была несвойственнымъ образомъ мысли, и вѣра, выражающаяся въ чуждой или непригодной философіи, необходимо должна была сдѣлаться искусственной.

Не слѣдуетъ предполагать, что Афраатъ не признавалъ Троицы. Мы узнаемъ отъ него, что сирійская церковь, подобно остальному христіанскому міру, крестила во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и его свидѣтельство подтверждается Ученіемъ Аддая и другими ранними сирійскими документами. «Глава человѣка», говоритъ Афраатъ (XXIII 63=Wright 500), есть Мессія. О ты, который клянешься своей головой и притомъ ложно, если ты призываешь три великія и славныя имени на твою голову: Отца и Сына и Св. Духа, если ты получилъ печать жизни; однимъ словомъ, если крещеніе было совершено надъ тобой,—не клянись своей головой. Или снова (XXII 60=Wright 496): «Выше неба, что тамъ? кто можетъ сказать? Ниже земли что лежитъ? никто не скажетъ! Небесная твердь надъ чѣмъ распростерта? или небеса, надъ чѣмъ они висятъ? Земля, чѣмъ она подпирается? или глубина, на чемъ она укрѣплена? Мы происходимъ отъ Адама и нашими чувствами воспринимаемъ немногое. Мы знаемъ только, что Богъ единъ и Его Мессія единъ, и единъ Духъ, и едина вѣра, и едино крещеніе. Говорить болѣе—намъ не дано: если мы скажемъ больше—ошибемся; если будемъ изслѣдовать, то окажемся безпомощными». Мнѣ едва ли нужно напоминать вамъ, что «изслѣдованіе» (investigation), о которомъ говоритъ Афраатъ, есть не спекуляція и эмпирическая аналогія, а терпѣливое и скромное сопоставленіе достовѣрныхъ фактовъ.

Я не могу не указать вамъ на одну замѣчательную черту въ ученіи Афраата о Св. Духѣ. Если въ символѣ вѣры мы говоримъ о Господѣ—Жизнодавцѣ, то мы должны указать полъ Св. Духа. Мы должны выбрать между Господомъ и Госпожей. Греческое πνεῦμα, конечно, средняго рода. Но въ семитскихъ языкахъ нѣтъ средняго рода, и Rûḥ, слово для обозначенія вѣтра или духа—женскаго рода; поэтому въ болѣе древней сирійской литературѣ, до того, какъ вліяніе греческой теологіи сдѣлалось ощутительнымъ, о. Св. Духѣ также говорится въ женскомъ родѣ. Въ древнемъ сирійскомъ переводѣ Іоанна XIV 26 мы, дѣйствительно, читаемъ: «Духъ Святый, Утѣшитель-

ница, она научитъ васъ всему» [1]). Такимъ образомъ, въ согласіи съ болѣе древнимъ употребленіемъ, Афраатъ въ славословіи (XXIII 63 = Wright 498) пишетъ: «слава и честь и Его Сыну, и Его Духу, животворящему и святому», гдѣ «животворящій» и «святой» въ болѣе старой рукописи—женскаго рода. Но персидскій мудрецъ идетъ дальше: для Афраата это—вопросъ не только грамматической точности. Въ разсужденіи «О дѣвствѣ противъ евреевъ» (XVIII 10 = Wright 354) онъ говоритъ: «Мы слышали изъ закона: оставитъ человѣкъ отца своего и мать свою и прилѣпится къ женѣ, и будутъ они плоть едина; воистину это великое и прекрасное пророчество. Какого отца и какую мать покидаетъ человѣкъ, когда беретъ жену? Вотъ смыслъ: пока человѣкъ еще не женился, онъ любитъ и почитаетъ Бога, Отца своего, и Святаго Духа, Мать свою, и у него нѣтъ другой любви. Но когда человѣкъ беретъ жену, онъ покидаетъ Отца и Мать, тѣхъ, о которыхъ я говорилъ, и помышленія его—съ этимъ міромъ; его умъ, его сердце, его мысль оторваны отъ Бога, и онъ любитъ и обожаетъ міръ, ибо человѣкъ любитъ жену своей юности, и любовь его къ ней отлична отъ его любви къ Отцу и Матери».

Мы снова возвратимся къ этому взгляду на Духа Святаго, когда будемъ разсматривать Дѣянія Θомы [2]).

Здѣсь я долженъ напомнить вамъ, что для него есть очень древній христіанскій авторитетъ. Въ древнемъ Евангеліи по Евреямъ, какъ цитируютъ его Оригенъ и св. Іеронимъ, нашъ Господь Самъ говоритъ о Св. Духѣ, какъ о Своей Матери. Оригенъ (*на Іоан.* II 12), который хочетъ показать, что все, и Св. Духъ также, получило существованіе черезъ Слово, не отвергаетъ этого выраженія, какъ «апокрифическаго», но разъясняетъ его. Онъ доказываетъ, что Св. Духъ творитъ волю Отца и поэтому Его дѣйствительно нужно описывать, какъ Мать Христа согласно съ Матθеемъ XII 50. Можетъ быть, неизбѣжно было, что мысль о Св. Духѣ, какъ царицѣ неба,

---

[1]) Въ Пешиттѣ она (или оно) замѣнена словомъ онъ. Другое мѣсто, гдѣ оставить женскій родъ казалось слишкомъ неправославнымъ,—у Луки XII 12. Но даже въ Пешиттѣ женскій родъ удержанъ во многихъ мѣстахъ, напр., Лука IV, 1; Іоаннъ VII, 39.

[2]) Ср. также Прологъ Филоксена (стр. 17-ая англійскаго перевода),—мѣсто, которое является, вѣроятно, эхомъ или Афраата или гимна душѣ.

пришлось исключить изъ христіанской теологіи, но прежде, чѣмъ совершенно осудить это ученіе, какъ возмущающее народное чувство, благодаря ложному примѣненію логики къ божественнымъ предметамъ, вспомнимъ, что теологія той эпохи, когда оно окончательно исчезло, уменьшила христіанскій словарь на слово Θεοτόκος.

Возвратимся къ Афраату. Его ученіе о личности Христа по выраженію такъ же очень далеко отъ того, что сдѣлалось обычнымъ въ позднѣйшія времена. Но точно такъ же, какъ ученіе Афраата о Св. Духѣ, оно не представляетъ собой ничего новаго, а есть только пережитокъ одного изъ самыхъ примитивныхъ христіанскихъ вѣрованій. Такъ, гомилія XVII, озаглавленная О Мессіи, что Онъ Сынъ Божій, является эхомъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ изреченій въ Евангеліи отъ Іоанна [1]). Эта гомилія, подобно многимъ, написаннымъ Афраатомъ, направлена противъ евреевъ, заявлявшихъ, что христіане поклоняются человѣку, котораго называютъ Сыномъ Божіимъ вопреки слову самого Бога: Я есмь Богъ, и нѣтъ Бога, кромѣ Меня (§ 1). Афраатъ ставитъ своей задачей защитить христіанскую практику, если бы даже пришлось уступить евреямъ въ томъ, что Іисусъ, котораго христіане называютъ Богомъ, былъ только человѣкъ. «Хотя», продолжаетъ онъ, «мы утверждаемъ, что Іисусъ нашъ Господь есть Богъ, Сынъ Бога и Царь, Сынъ Царя, Свѣтъ отъ Свѣта, Сынъ [2]) и Совѣтникъ, и Руководитель, и Путь, и Спаситель, и Пастырь, и Дверь, и Сокровище, и Свѣтильникъ, и многими именами называемъ Его,—но теперь мы покажемъ, что Онъ Сынъ Божій и Богъ, рожденный отъ Бога» (§ 2). Ибо божественное имя давалось праведникамъ, какъ, напр., Моисею, который былъ богомъ не только для Фараона, но и для Аарона [3]) (§ 3); и хотя евреи говорятъ, что у Бога нѣтъ Сына, однако Онъ называлъ Израиля [4]) Своимъ первороднымъ и Соломона Своимъ сыномъ [5]). Давидъ такъ же говоритъ о нихъ: Я сказалъ, вы боги и сыны Высшаго всѣхъ васъ [6]) (§ 4). Богъ даетъ самыя высокія на-

---

[1]) Іоан. X 33—36. Поученіе переведено полностью д-ромъ Gwynn'омъ, стр. 387—392.

[2]) Sic.: ср. Исаія IX 6, а также § 9. [3]) Исходъ VI 1; VII 1.

[4]) Исходъ IV 22, 23. [5]) 2 Цар. VII 14; ср. Евр. I, 5.

[6]) Пс. LXXXII (LXXXI) 6.

званія, кому хочетъ. Онъ называлъ нечестиваго Навуходоносора царемъ царей. Ибо человѣкъ былъ созданъ Богомъ по Его собственному образу, чтобы быть храмомъ, въ которомъ Онъ обиталъ бы, и поэтому Онъ награждаетъ человѣка почестями, въ которыхъ отказано солнцу и лунѣ и воинству небесному [1]) (§§ 5 и 6). Изъ всѣхъ созданій человѣкъ первымъ былъ зачатъ въ умѣ Бога [2]), хотя въ міръ онъ не былъ введенъ, пока міръ не былъ приготовленъ для него (§ 7). Почему мы не должны поклоняться Іисусу, черезъ Котораго знаемъ Бога, Іисусу, Который отвратилъ нашъ разумъ отъ пустыхъ суевѣрій, научилъ насъ любить Единаго Бога, нашего Отца и Творца, и служить Ему? Развѣ не лучше дѣлать такъ, чѣмъ поклоняться королямъ и императорамъ этого міра, которые не только сами отступники, но и другихъ также ведутъ къ отступничеству? (§ 8). О нашемъ Мессіи говорили пророки, даже о подробностяхъ распятія (§§ 9, 10). Поэтому мы будемъ преклоняться передъ величіемъ Его Отца, Который обратилъ наше служеніе къ Нему. Мы называемъ его Богомъ, подобно Моисею; Перворoднымъ и Сыномъ, подобно Израилю; Іисусомъ, подобно Іисусу, сыну Навина; Священникомъ, подобно Аарону; Царемъ, подобно Давиду; великимъ Пророкомъ, подобно всѣмъ пророкамъ; Пастыремъ, подобно пастырямъ, которые стерегли Израиля и управляли имъ. И, прибавляетъ Афраатъ, Онъ назвалъ насъ сынами, сдѣлавъ насъ Его братьями, и мы стали Его друзьями (§§ 11, 12).

Ничто другое, какъ это полное изложеніе [XVII-ой гомиліи], не можетъ дать столь вѣрнаго представленія о методѣ и стилѣ Афраата. Всего удивительнѣе и поучительнѣе встрѣтиться съ трудомъ, проникнутымъ этимъ духомъ, въ срединѣ 4-го вѣка. Это не совсѣмъ то, что мы привыкли читать у отцовъ, но оно весьма точно слѣдуетъ словамъ отвѣта нашего Господа евреямъ, чтобы клеймить его, какъ неправославную точку зрѣнія. Персидскій мудрецъ жилъ внѣ предѣловъ римской имперіи и былъ воспитанъ въ культурѣ, только немного затронутой греческой философіей. Онъ не чувствовалъ той необходимости въ логической субординаціи, въ правильномъ отношеніи частей къ цѣлому, за которую позже первыми изъ всего человѣчества боролись греки.

Я сознаюсь, усилія Афраата надъ созданіемъ пріемлемой

---

[1]) Второзак. IV 17. [2]) Пс. XC [LXXXIX] 1, 2.

христологіи возбуждаютъ во мнѣ больше симпатіи, чѣмъ самоувѣренная метафизика «ненасытнаго ума грековъ»,—пользуюсь выраженіемъ Гукера (Hooker). Онъ какъ будто зналъ, что человѣку невозможно построить логическую схему вселенной. Афраатъ держался двухъ главныхъ положеній христіанской вѣры такъ же строго, какъ авторъ Quicunque vult. Съ одной стороны онъ вполнѣ проникся монотеизмомъ «каѳолической религіи», съ другой—его преданность и вѣрность Господу убѣждала его, что никакія названія или почести, воздаваемыя христіанами не будутъ слишкомъ высокими для Іисуса Христа, черезъ Котораго они соединились съ Божественной природой. На совмѣстномъ дѣйствіи этихъ двухъ положеній покоится вся христіанская теологія, но не въ той формѣ, въ какой они были согласованы метафизической наукой греко-римской церкви.

„Высочайшее мѣсто, какое можетъ дать Небо—
Его, Его по праву".

Этотъ крикъ, восклицаніе выражаетъ требованіе христіанской совѣсти, а теологамъ и метафизикамъ остается опредѣлить, чѣмъ отличается Небо отъ Олимпа или Нирванны.

Значеніе Афраата въ христологической проблемѣ, которая все еще, какъ справедливо напомнилъ намъ Loisy, требуетъ отъ церковника серьезнаго размышленія [1]), заключается въ томъ, что онъ показываетъ намъ, что можно было защищать христіанскую позицію лозунгами, отличными отъ тѣхъ, которые церковь заимствовала отъ своихъ непокорныхъ сыновъ Тертулліана и Оригена.

Мы подходимъ теперь къ личности, которая изъ всѣхъ сыновъ сирійской церкви наиболѣе извѣстна по имени западному міру: Ефраимъ, обычно называемый Ефремъ, Сиринъ умеръ въ Эдессѣ въ 373 году въ правленіе аріанскаго императора Валента. Его родиной была Низибія, гдѣ онъ жилъ, пока Іовіанъ не отдалъ ее персамъ въ 363 году, послѣ пораженія и смерти Юліана Отступника. Въ Эдессѣ Ефремъ жилъ отшельникомъ или пустынникомъ въ келліи внѣ города, но

[1]) „Le Christ est Dieu pour la foi. Mais les gens nous demandent maintenant de leur expliquer Dieu et le Christ, parce que nos definitions sont conçues en partie dans une autre langue que la leur. Une traduction s'impose. Ainsi entendu, le probleme christologique est encore actuelle" (Autour d'un Petit Livre, стр. 155).

слава его, какъ толкователя и борца противъ ереси, была велика еще при жизни. Разсказываютъ, что онъ посѣтилъ св. Василія Кесарійскаго въ Каппадокіи и былъ посвященъ имъ во діакона.

Что создало св. Ефрему эту необыкновенную славу, трудно сказать. Его біографъ приписываетъ ему честь составленія полемическаго гимна, довольно грустнаго [по содержанію] добавленія къ общественному богослуженію. Значеніе Ефрема для современныхъ ученыхъ заключается въ томъ, что сирійскій писатель 4-го вѣка, труды котораго чрезвычайно обширны и хорошо сохранились, не можетъ не дать намъ нѣкоторыхъ любопытныхъ черточекъ жизни и мысли церкви, къ которой онъ принадлежалъ. Но довольно скучная задача подбирать зерна пшеницы среди мякины. Ефремъ необычайно многословенъ, онъ повторяется безъ конца и изъ всей массы матеріала, кажется, можно выбрать очень немногое. Стиль его настолько иносказательный и неистественный, что мысль производитъ впечатлѣніе глубокой и утонченной, но когда смыслъ разобранъ, она оказывается обычно банальной. Возьмите, напримѣръ, тринадцатый изъ Низибійскихъ гимновъ, озаглавленный *О Св. Іаковѣ и его сотоварищахъ* [1]). Нужно замѣтить, что св. Іаковъ былъ епископомъ Низибіи, ему преемствовалъ Баву, а Баву—Валгешъ или Вологезъ, который былъ еще живъ, когда появилась поэма.

I.

Три славные священника,
Подобно двумъ великимъ свѣтиламъ
Передали одинъ другому
Тронъ, власть и паству.
Намъ, чье горе о двоихъ было велико,
Послѣдній явился полнымъ утѣшеніемъ.
Слава Тебѣ, избравшему ихъ!

II.

Онъ, Который сотворилъ два великихъ свѣтила,
Избралъ для себя три великихъ свѣтила
И послалъ ихъ въ три
Заключенныхъ мрака, которые разсѣялись.
Когда два свѣтила погасли,
Послѣднее было совершенно лучезарнымъ.
Слава Тебѣ и т. д.

[1]) Bickell's Carmina Nisibena, p. 20,—переводъ Gwinn'a, стр. 180.

III.

Три пастыря были казначеями,
Хранившими въ неприкосновенности
Ключи Троицы.
Три двери открыли они намъ;
Каждый изъ нихъ своимъ ключемъ
Въ свое время [1]) открылъ свою дверь.
Слава Тебѣ и т. д.

IV.

Первымъ ключемъ была отперта дверь
Войнѣ двухъ войскъ,
Среднимъ ключемъ была отперта дверь
Царю двухъ вѣтровъ,
Третьимъ была отперта дверь
Посламъ съ обѣихъ сторонъ.

(Предполагается, что изъ этой строфы читатель узнаетъ, что во время епископства Іакова началась война между римлянами съ запада и персами съ востока, что она продолжалась во время епископата Баву и что перемиріе было заключено при его преемникѣ Вологезѣ. Я пропускаю двѣнадцать строфъ, подобныхъ тѣмъ, которыя я вамъ цитировалъ, и перехожу къ № XVIII).

XVIII.

Низибія, лежащая на водахъ,
Водахъ скрытыхъ и открытыхъ!
Живые источники въ ней,
Благородная рѣка внѣ ея!
Рѣка внѣ ея вредила ей,
Ключъ въ ней хранилъ ее.

XIX.

Первый священникъ былъ ея виноградаремъ,
Ея вѣтви выростилъ онъ до небесъ.
Смотрите, когда умеръ и былъ погребенъ въ ней,
Тогда онъ сдѣлался плодомъ въ ея лонѣ.
Ибо, когда пришли срѣзывающіе вѣтви,
Плодъ, который былъ въ ней, спасъ ее.

XX.

Время настало обрѣзывать вѣтви,
Оно пришло и взяло ея виноградаря,
Чтобы у нея не было заступника.

---

[1]) Чит. b'zaȝneh вмѣсто bazb'zeh.

Она поспѣшила и въ своей предусмотрительности
Сокрыть въ своемъ лонѣ виноградаря,
Чтобы онъ могъ освободить ее.

XXI.

Подражайте, вы разумныя,
Дочери Низибіи, подражайте Низибіи,
Которая сокрыла въ себѣ тѣло,
И оно сдѣлалось ея стѣной.
Созидайте въ себѣ живое тѣло,
Чтобы оно могло быть стѣной для вашей жизни.

Смыслъ послѣднихъ строфъ таковъ: св. Іаковъ, епископъ Низибійскій, защищалъ при жизни Низибію молитвами. Когда онъ умеръ и былъ похороненъ въ городѣ, его мощи оказались одинаково дѣйственными, чтобы отогнать персовъ.

Я привелъ этотъ образчикъ поэзій св. Ефрема не потому, что считаю его особенно прекраснымъ или вдохновеннымъ, но потому, что онъ необыкновенно характеренъ. Конечно, въ сирійскомъ оригиналѣ онъ звучитъ нѣсколько изящнѣе, такъ какъ сирійскій подлинникъ написанъ стопами. Но насколько я могу судить, онъ не отличается ни простотой, ни изяществомъ въ выборѣ словъ; главная мысль — покровительство, оказываемое прахомъ скончавшагося епископа — выставлена самымъ непривлекательнымъ образомъ. Вспомните, что вся поэма растянута на 22 строфы, изъ которыхъ я прочелъ вамъ только 8. Оцѣнивая по правиламъ, прилагаемымъ къ религіозной литературѣ, это произведеніе приходится считать незначительнымъ. Но мы сами должны вспомнить еще разъ, что авторъ пользовался великой и продолжительной славой. Этотъ родъ поэзіи, очевидно, соотвѣтствовалъ тому, что требовалось церковью въ четвертомъ вѣкѣ. Если это служитъ плачевнымъ примѣромъ вкуса публики, то нашимъ дѣломъ является оцѣнить, въ какой степени мы сами, при сужденіи объ этой эпохѣ, находимся подъ вліяніемъ другой области мысли.

Въ одномъ слѣдуетъ отдать должное св. Ефрему. Его смиреніе вполнѣ искреннее. Мы видѣли его вѣру въ силу мощей. Въ любопытномъ трудѣ, извѣстномъ, какъ его Завѣщаніе или Воля, онъ заклинаетъ своихъ учениковъ, чтобы они не хоронили его въ церкви подъ алтаремъ или среди древнихъ мучениковъ и исповѣдниковъ, но чтобы положили его, завернувъ въ старый плащъ, на общемъ кладбищѣ среди чужеземцевъ.

Здѣсь не мѣсто подвергать общему разбору труды святого Ефрема или изслѣдовать подлинность огромной массы матеріала, который въ различныя времена былъ опубликованъ подъ его именемъ. Но въ одномъ пунктѣ предостереженіе будетъ нелишнимъ. Я уже упоминалъ въ предыдущей лекціи, что значительная часть того, что было напечатано, какъ принадлежащее перу св. Ефрема, не его, и изъ образца, который я только что далъ, вы видѣли, что изъ его подлиннаго стиля не легко извлечь точныя утвержденія, необходимыя для иллюстраціи догматической его позиціи. Во всякомъ случаѣ, при ссылкѣ на мнѣнія или слова, цитируемыя какъ слова св. Ефрема или для освѣщенія догматическихъ вѣрованій его времени и страны, особенно необходимо установить, взяты ли они изъ трудовъ несомнѣнной подлинности. Для примѣра упомяну, что изъ пяти цитатъ, извлеченныхъ покойнымъ д-ромъ Moberly изъ хорошо извѣстной коллекціи д-ра Pusey для иллюстраціи ученія св. Ефрема объ Евхаристіи, ни одна не взята изъ достовѣрно подлинныхъ сочиненій св. Ефрема, и я сомнѣваюсь, принадлежитъ ли хоть одна изъ нихъ его перу [1]), хотя очень похожія мысли можно заимствовать изъ подлинныхъ работъ св. Ефрема.

Ограничимся поэтому несомнѣнно написанными св. Ефремомъ трудами. Вамъ, вѣроятно, уже достаточно его поэзіи, и я перейду теперь къ прозѣ. Любопытенъ фактъ, что св. Ефремъ гораздо больше читается въ прозѣ, чѣмъ въ стихахъ. Въ прозаическихъ произведеніяхъ наше вниманіе не утомляется рядомъ тѣхъ натянутыхъ фантазій, которыми его современники, повидимому, восторгались такъ же, какъ литературный міръ во времена Іакова I восхищался тонкостями Донны и Карла (Donne and Quarles).

Настоящая теологія св. Ефрема изучается всего лучше по труду, называемому Sermo de Dominon nostro, изданному Lamy [2]). Она фактически представляетъ собой разсужденіе о воплощеніи. Позднѣйшіе писатели, напр. Филоксенъ, приводили извлеченія изъ нея, какъ изъ признаннаго богословскаго авторитета. Сирійцамъ она была извѣстна по начальнымъ словамъ: «Милосердіе коснулось богохульствую-

---

[1]) См. Journal of Theol. Studies II, стр. 341.

[2]) Lamy I 145—274; см. также предисловіе ко 2-му тому. Гомилія переведена A. E. Johnston у Gwynn'a, стр. 305—330.

щихъ устъ и сдѣлало ихъ арфами, воздающими хвалу. Поэтому пусть славятъ Его всѣ уста, ибо Онъ удерживаетъ ихъ отъ богохульныхъ рѣчей. Хвала Тебѣ, ушедшему изъ одного жилища и обитающему въ другомъ, чтобы притти и сдѣлать изъ насъ жилище для Того, Котораго Ты послалъ. Единородный удалился изъ Божественной сущности и обиталъ въ Дѣвѣ, чтобы черезъ обычное рожденіе сдѣлаться братомъ всѣхъ. И это былъ Онъ, Который ушелъ изъ ада и обиталъ въ царствѣ, чтобы найти путь изъ ада, угнетающаго все, къ тому царству, которое вознаграждаетъ за все. Ибо Господь нашъ далъ смертнымъ людямъ Свое воскресеніе, какъ залогъ, что онъ переселитъ ихъ изъ ада, принимающаго умершихъ безъ различія, въ царство, принимающее тѣхъ, кто былъ отличенъ, чтобы оттуда, гдѣ обращаются одинаково съ тѣлами всѣхъ людей, они могли идти туда, гдѣ различаютъ труды». И снова онъ продолжаетъ, говоря: «Онъ, Первородный, рожденный согласно Его Собственной [Божественной] природѣ, былъ рожденъ другимъ [человѣческимъ] рожденіемъ, кромѣ того, которое было естественнымъ для Него, чтобы мы, въ свою очередь, знали, что послѣ нашего естественнаго рожденія для насъ необходимо другое рожденіе, кромѣ того, которое естественно для насъ. Ибо Онъ, какъ духовное существо, пока не родился вещественно, не могъ сдѣлаться вещественнымъ». «Самъ Господь нашъ», говоритъ Ефремъ, «былъ рожденъ отъ Божества, согласно Его собственной природѣ. Онъ былъ рожденъ отъ человѣка, противно Своей природѣ [чудеснымъ образомъ], и Онъ былъ необычнымъ образомъ рожденъ отъ крещенія. Смыслъ этого тотъ, что мы можемъ быть рожденными отъ человѣка, согласно нашей природѣ, и отъ Божества, противно нашей собственной природѣ, и отъ Духа необыкновеннымъ образомъ». «Слава Тебѣ» говоритъ онъ снова: «Который сдѣлалъ изъ Своего Креста мостъ надъ смертью, чтобы чрезъ него души могли переходить отъ дома смерти къ дому жизни».

По этимъ выдержкамъ, я думаю, вы можете составить представленіе о большей части главныхъ идей, находящихся въ разсужденіи св. Ефрема. Согласно св. Ефрему, цѣль воплощенія, воспріятія человѣчества Богомъ была та, чтобы христіане могли воспринимать Божественное въ свою человѣческую природу. Мы можемъ замѣтить, что, по взгляду Ефрема, ученіе о природѣ Христа и ученіе о таинствахъ неразрывно

связаны. Іисусъ Христосъ получилъ Св. Духа при крещеніи, чтобы мы также могли быть рожденными отъ Духа. Онъ «жизненный элексиръ», который поглотила [1]) смерть, но не могла удержать, другими словами, Онъ—φάρμακον τῆς ἀθανασίας, о которомъ говоритъ Игнатій (ad Eph. XX); имъ раскрыты врата ада и освобождены патріархи Ветхаго Завѣта. Но Ефремъ употребляетъ эту фразу также и метафорически: «Нашъ Господь», говоритъ онъ, «бывалъ съ ядущими и пьющими не для удовольствія, какъ предполагали фарисеи, но для того, чтобы съ истинной пищей смертныхъ Онъ могъ смѣшивать Свое ученіе, как лѣкарство жизни».

Дѣйствительно, очень трудно извлечь изъ твореній святого Ефрема ясное понятіе о его взглядахъ. Онъ переходитъ отъ символа къ символу, и пункты, которые онъ считаетъ особенно важными, иногда спорны, иногда нелѣпы, но всегда фантастичны. «Нашъ Господь» говоритъ онъ [2]) «плюнулъ на Свои пальцы и вложилъ ихъ въ уши глухого и слѣпилъ глину своею слюною и помазаль ею глаза слѣпого, чтобы мы могли узнать, что закваской тѣла Его совершенствуется все, дополняется то, чего недостаетъ въ нашемъ тѣлѣ. Было бы несправедливо отрѣзать что-либо отъ тѣла нашего Господа, чтобы восполнить несовершенства другихъ тѣлъ; но тѣмъ, что могло быть взято безъ потери для Него, Онъ восполнилъ недостатки несовершеннаго, чтобы то, что можетъ быть съѣдено въ Немъ, смертные вкушали отъ Его тѣла. Итакъ, Онъ восполнилъ то, чего не хватало, и оживилъ умершее, чтобы мы могли знать, что отъ тѣла, въ которомъ обитаетъ истинная полнота, было восполнено недостающее несовершенному, и что изъ того же самаго тѣла, въ которомъ обитала истиная жизненная сила, жизнь дана смертному человѣку». Итакъ, ученіе объ Евхаристіи у Ефрема заключается въ томъ, что нужно притти въ дѣйствительное соприкосновеніе съ Господомъ и вкусить Его, приносящаго истиную жизнь и здоровье христіанамъ такъ же, какъ физическое соприкосновеніе съ Нимъ давало слухъ глухому и зрѣніе слѣпому. Характерная неясность слога Ефрема всегда позволяетъ думать, что авторъ говоритъ о духовномъ питаніи, но характеръ сравненія хлѣба Евхаристіи съ физи-

---

[1]) Lamy I, 155; та же идея разработана Афраатомъ (Hom. XXII = = Wright, стр. 422).

[2]) Lamy, I, 171; ср. Мк. VII 33 (въ Діатессаронѣ) и Іоан. IX. 9.

ческой слюной дѣлаетъ также возможнымъ думать, что Ефремъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ простое вкушеніе освященныхъ элементовъ.

Другая черта христологіи св. Ефрема, это—его любопытное ученіе о томъ, что мы можемъ назвать Charismata, т. е. о духовныхъ преимуществахъ, которыя были какъ бы только одолжены Израилю и затѣмъ одно за другимъ взяты обратно Христомъ, ихъ настоящимъ обладателемъ. Древне-христіанскіе теологи были вполнѣ убѣждены въ законности израильской іерархіи. Еврейскій царь признавался помазанникомъ Господнимъ; еврейскій священникъ—законнымъ служителемъ Божіимъ, еврейскій пророкъ—провозвѣстникомъ Св. Духа. Какъ Господь нашъ далъ власть священства Своимъ ученикамъ? Отъ кого Онъ получилъ ключи царства небеснаго, которые далъ св. Петру? [1]). Интересно, что св. Ефремъ, хотя и на одинъ мигъ, удивляется, какимъ образомъ имѣли силу званія установленныя Христомъ. Его отвѣтъ также страненъ. Св. Ефремъ говоритъ намъ, что священство было даровано нашему Господу въ храмѣ, когда Симеонъ взялъ Его на руки, или вѣрнѣе, что Господь получилъ священство отъ Симеона, который, сложивъ съ себя даръ, сообщенный ему, готовъ былъ отойти въ мирѣ. «Такъ, продолжаетъ онъ: каждый изъ даровъ, приготовленнныхъ для Сына, собралъ Онъ съ ихъ настоящаго дерева. Крещеніе Онъ взялъ изъ Іордана, хотя Іоаннъ послѣ этого продолжалъ крестить; священство Онъ принялъ отъ храма, хотя Анна, первосвященникъ, еще отправлялъ службу въ немъ; и даръ пророчества, который передавался среди праведныхъ, Онъ принялъ, хотя Каіафа съ помощью его долженъ былъ еще сплести вѣнецъ нашему Господу; и Онъ принялъ царство отъ дома Давида, хотя Иродъ былъ сдѣланъ его намѣстникомъ. Это былъ Онъ, нашъ Господь, сошедшій съ высотъ на землю; и когда всѣ дары, которые онъ далъ имъ въ древнія времена, увидѣли Его, они подлетѣли и подошли съ каждой стороны и спустились на Него, ихъ Подателя, собираясь вмѣстѣ со всѣхъ сторонъ, чтобы придти и вкорениться въ свой настоящій родной стволъ... Но когда Господь нашъ принялъ священство отъ Израиля, Онъ освятилъ имъ всѣ народы; и когда Онъ взялъ даръ пророчества, Онъ открылъ Свои обѣтованія всѣмъ народамъ; и когда Онъ надѣлъ

[1]) Этотъ вопросъ дѣйствительно поставленъ у Lamy I, 267.

свой вѣнецъ. Онъ связалъ сильнаго человѣка, который взялъ всѣхъ въ плѣнъ, и раздѣлилъ его добычу. Эти дары были безполезны для безплодной смоковницы, настолько безплодной, что она сдѣлала безплодными даже дары, подобные этимъ; поэтому она была срублена безъ плодовъ, чтобы эти дары могли распространяться и впредь приносить много плодовъ во всѣхъ народахъ».

«Больше того, говоритъ Ефремъ въ заключеніе, изъ всѣхъ жилищъ ушелъ Онъ, Тотъ, Который пришелъ, чтобы сдѣлать наши тѣла своими жилищами. Пусть каждый изъ насъ поэтому сдѣлается обиталищемъ, ибо, говоритъ Онъ: Кто любитъ Меня, въ того Я войду и сдѣлаю изъ него жилище. Это есть Божество, для познанія Котораго, хотя всѣ сотворенныя существа не знаютъ Его, достаточенъ смиренный и скромный разумъ» [1]).

Намекъ на благочестіе и мистицизмъ въ этомъ необычномъ заключеніи долженъ склонить насъ, я думаю, судить легче о слабой философіи и фантастичной аргументаціи св. Ефрема. Но философія на самомъ дѣлѣ очень слаба, а аргументація чрезвычайно фантастична. Афраатъ заставляетъ насъ иногда желать, чтобы церковь удовольствовалась сохраненіемъ болѣе простой теологіи первыхъ временъ. Св. Ефремъ показываетъ намъ, что для оффиціальнаго выраженія церковной вѣры нуженъ строгій порядокъ и точность. Безъ символа вѣры теологія св. Ефрема могла, я предполагаю, вовлечь сирійскую церковь въ тритеизмъ. «Человѣкъ» говоритъ онъ [2]), не оставленъ беззащитнымъ. Отецъ одѣваетъ его оружіемъ, Сынъ держитъ ему щитъ, Духъ помогаетъ ему въ борьбѣ». Выраженія, подобныя этому, могутъ быть не еретическими, но они опаснѣе этого: они риторическія, а риторика въ теологіи ведетъ прямо къ суевѣрію. Опредѣленіе существа Божія, выраженное людьми человѣческимъ языкомъ, въ лучшемъ случаѣ остается несовершеннымъ предчувствіемъ. Единственная цѣнность ученія о Троицѣ, о Божественной и человѣческой природахъ Христа заключается въ томъ, что оно помогаетъ намъ менѣе недостаточно представить отношеніе между нами и таинственной Силой внѣ насъ, Которая управляетъ міромъ, Силой, Которую черезъ Іисуса Христа мы научились называть Отцомъ. Ученія подоб-

---

[1]) Рукопись предлагаетъ âḥdân (а не âkdân) для „знаютъ“.
[2]) Ed. Rom. V 319 c.

ныя этимъ или достойны уваженія, или ихъ нужно рѣшительно отвергнуть, но съ ними нельзя шутить тѣмъ, кто воспринимаетъ ихъ. Они занимаютъ область мысли, гдѣ не мѣсто «прекраснымъ фантазіямъ», а св. Ефремъ полонъ такихъ фантазій. Въ началѣ каждаго изъ 6-ти томовъ римскаго изданія его трудовъ помѣщенъ прелестный эстампъ въ стилѣ 18-го вѣка съ изображеніемъ святого, сидящаго подъ раскидистымъ деревомъ съ маленькими крылатыми амурчиками (amoretti), спѣшащими внизъ со свитками вдохновенія прямо съ неба. Святой принимаетъ ихъ со смиреніемъ въ то время, какъ на заднемъ планѣ его ученики съ удивленіемъ смотрятъ на чудо. Это все прекрасно и невѣрно только въ томъ отношеніи, что совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Точно также обстоитъ дѣло и съ теологіей св. Ефрема. Она не соприкасается съ дѣйствительностью, она не даетъ намъ ни историческаго Христа, ни христіанства первой церкви, ни ни даже ясно опредѣленныхъ ученій послѣ-никейскихъ временъ. Однимъ словомъ, св. Ефремъ отразилъ переходное время, къ которому онъ принадлежалъ. Роковой недостатокъ духовной серьезности въ его ученіи отчасти объясняетъ намъ, почему церковь, сдѣлавшись строго православной при Раббулѣ, сто лѣтъ спустя постоянно впадала въ неправославіе и расколъ [1]).

Духовная атмосфера Раббулы, конечно, очень отлична отъ той, въ которой жилъ св. Ефремъ. Оба были аскетами, но тутъ сходство кончается. Раббула—это настоящее воплощеніе яснаго и правильнаго церковничества. Я не знаю, можно ли лучше освѣтить его позицію, какъ проповѣдью, которую, говорятъ, онъ произнесъ въ Константинополѣ въ церкви, когда Несторій еще былъ патріархомъ [2]). «Есть двѣ главныя заповѣди, мои возлюбленные братья, говоритъ онъ, тѣ, которыми исчерпываются законъ и пророки. Первая, что ты долженъ любить Бога отъ всего сердца. Поэтому тотъ, кто любитъ—не изслѣдуетъ, а повинуется, и не испытываетъ, а вѣритъ. Не на словахъ только нужно любить Бога, но и на дѣлѣ, ибо (говоритъ Онъ) Т о т ъ, к т о л ю б и т ъ

---

[1]) Взглядъ Ф. К. Б ё р к и т т а на характеръ и значеніе литературной дѣятельности св. Ефрема отличается крайней односторонностью.
А. С.

[2]) Overbeck, стр. 198, l. 21 ff. Цитата взята изъ Overbeck'а стр. 241 f. Самая проповѣдь была, вѣроятно произнесена на сирійскомъ языкѣ (стр. 251, l. 12.

Меня, соблюдаетъ Мои заповѣди. Вторая гласитъ, что ты долженъ любить своего ближняго, какъ самого себя. Тотъ, кто любитъ,—не убиваетъ, не крадетъ, не прелюбодѣйствуетъ, не лжетъ и не домогается, ибо то, чего онъ не желаетъ, чтобы дѣлали ему, онъ не дѣлаетъ другимъ и поступаетъ съ ближними такъ, какъ хочетъ, чтобы относились къ нему, потому что онъ любитъ ихъ. Это—ученія, спасительныя для нашихъ душъ, братья мои; они указываютъ то, что полезно для созданія всей церкви Мессіи. Тѣмъ болѣе, мы должны направлять на нихъ наше вниманіе во всѣ времена въ нашихъ работахъ, ибо они одни придаютъ добрую цѣну нашей истинной праведности». Все это выражено совершенно въ стилѣ самого Афраата. «Но, продолжаетъ Раббула: такъ какъ я знаю, что ваши уши и ваше вниманіе ожидаютъ услышать наше слово и нашу вѣру, и вы желаете знать наше оправданіе въ Мессіи, то мы вынуждены изъ любви къ вамъ говорить съ вами о предметахъ, которые должны быть почитаемы въ молчаніи вѣры. Вопросъ, предлагаемый вами, таковъ: «была ли Дѣва Марія воистину Матерью Бога, или называлась такъ только по имени, и слѣдуетъ ли называть Ее такъ?» «Теперь мы, говоритъ Раббула, такъ какъ въ этомъ полагаемъ твердую надежду нашу, ибо это наша жизнь, и вѣримъ въ это, ибо это наша гордость,—мы возглашаемъ громкими голосами безъ обмана, что Марія—Матерь Божія, и по справедливости Ея имя должно быть такъ возвѣщено, ибо Она сдѣлалась Матерью Бога-Слова по Его волѣ [1]), даже Матерью Его, Который по природѣ не имѣетъ матери на небѣ. Богъ послалъ Своего Сына, и Онъ былъ рожденъ отъ жены, возглашаетъ апостолъ. Теперь, если кто-нибудь осмѣлится сказать, что Она родила Бога-Слова, согласно естественному теченію, то онъ не только не говоритъ истину, но неправильно вѣруетъ. Ибо «Божьей Матерью» мы называемъ Святую Дѣву не потому, что она, согласно естественному теченію, родила Божество, но потому, что Богъ-Слово былъ рожденъ отъ Нея, когда сдѣлался человѣкомъ. Ибо слушайте, сказано, се Дѣва вочревѣ пріиметъ и родитъ Сына и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, что̀ значитъ: съ нами Богъ. Но это не значитъ, что отъ благословенной Дѣвы Господь нашъ получилъ Свое первое начало, ибо вна-

---

[1]) Чит. leh, а не lâh у Overbeck'a, стр. 242, строка 16.

чалѣ Онъ былъ съ Отцемъ, какъ свидѣтельствуетъ Іоаннъ, но значитъ, что отъ Нея во плоти по своей милосердной волѣ, согласно естественному теченію, явился Мессія, Который Самъ Богъ надъ всѣми».

Эту длинную выдержку я далъ полностью не для того, чтобы критиковать выраженные въ ней богословскіе взгляды съ современной точки зрѣнія, но чтобы сравнить ея тонъ съ тѣмъ, что я раньше читалъ изъ Афраата и Ефрема. Я думаю, вы всѣ почувствовали разницу. То, что мы слышали отъ Афраата и Ефрема, это—естественная манера восточныхъ богослововъ выражать свои мысли. То, что мы слышали отъ Раббулы—голосъ греческой философіи. Онъ аргументируетъ данными, заимствованными изъ текста каноническихъ произведеній, свои мысли о субстанціи и природѣ и другихъ продуктахъ философской мысли.

Чтобы правильно судить о способѣ, какимъ пользовался Раббула для выраженія своихъ мыслей; нужно не только больше философскихъ познаній, но также больше симпатій къ ходу полемики 5-го вѣка, чѣмъ у меня есть. Я полагаю, что можетъ быть мало сомнѣнія въ подлинности данной проповѣди, ибо она точно отражаетъ положеніе церкви подъ управленіемъ великаго епископа Эдессы. Что онъ въ концѣ концовъ долженъ былъ взять сторону антинесторіанъ, это не будетъ удивительнымъ, если мы прочтемъ его гимнъ на Рождество. Но Раббула могъ быть совершенно искреннимъ, когда онъ отказался отъ диспута о точной степени почитанія, которое должно быть воздаваемо Дѣвѣ. Для Раббулы она была истинно Theotokos, но онъ предпочелъ не спорить по этому вопросу, такъ какъ константинопольскій народъ привыкъ дискутировать подобные вопросы на ипподромѣ или въ театрѣ, какъ интересныя темы для спора. Умъ Раббулы былъ строго практическимъ. Онъ порицалъ театръ и циркъ, и отвратительное зрѣлище дикихъ животныхъ, проливающихъ человѣческую кровь въ стадіумѣ, онъ запрещалъ своимъ авторитетнымъ приказаніемъ (Житіе, Overbeck, 179). Для него атмосфера Константинополя была глубоко непріятной и, безъ сомнѣнья, посѣщеніе города укрѣпило его въ его оппозиціи народной религіи столицы.

То, что Раббула любилъ больше всего, былъ порядокъ. Сила народнаго мнѣнія побудила его выбрать сторону антинесторіанъ, но и въ противномъ случаѣ онъ позаботился бы

урегулировать жизнь своего діэцеза. Практически это значило уподобить то, что находилось въ Эдессѣ, тому, что находилось въ Антіохіи и другихъ большихъ центрахъ говорящей по-гречески церкви. Насколько это зависѣло отъ него, Эдесса и вмѣстѣ съ ней остальное сирійское христіанство перестало отличаться своей Библіей, литургіей, ученіемъ и лозунгами отъ другихъ церквей имперіи.

Но за это его церковь понесла тяжелое наказаніе. Она перестала имѣть какую-либо независимую жизнь или мысль. Начиная съ 5-го вѣка, говорящее по-сирійски христіанство дѣлается совершенно производнымъ и второстепеннымъ. Греческая теологія худо укладывалась въ сирійской мысли и плохо передавалась на сирійскій языкъ. И сирійцы, какъ я уже замѣтилъ, не были въ состояніи итти за Константинополемъ. Съ точки зрѣнія халкидонскаго православія, всѣ они впали въ ересь. 50 лѣтъ спустя послѣ смерти Раббулы, въ 495 году, вамъ трудно бы было найти общину говорящихъ по-сирійски христіанъ, находящуюся въ полномъ единеніи съ византійскою церковью. Тѣ, кто жили въ предѣлахъ персидскихъ владѣній, почти всѣ были несторіанами; жившіе въ предѣлахъ Римской имперіи—монофиситами. Зданіе, воздвигнутое Раббулой, было разрушено руками его преемниковъ, и внѣшнее единство христіанской церкви на востокѣ распалось на куски, которые никогда больше не спаялись въ одно цѣлое.

А. Сагарда.
